

В. Крашенинников

АДМИРАЛ СЮФФРЕН

Москва

2004

От автора

Адмирал Пьер-Андрэ де Сюффрен «повстречался» мне в Париже, на берегу Сены. А точнее, на книжном развале близ Собора Парижской Богоматери. В руки мне попали две невзрачные книги. Букинист, небритый старик-инвалид, с видом знатока созерцавший ножки проходящих мимо дам (были когда-то и мы рысакам!), отвлекся от своего благородного занятия и сказал:

- Интересные книги, месье. Они были изданы в 1929 году ничтожными тиражами к двухсотлетнему юбилею этого моряка. Видимо, долго валялись у кого-то в шкафу. Купите. Не прогадаете...

Я купил эти обтрепанные, пожелтевшие от времени книжки, и действительно не прогадал. Обе они принадлежали перу членов знаменитой Французской Академии, написаны словно на одном дыхании живым языком, исполнены симпатии и уважения к адмиралу.

Позднее на мой рабочий стол легли новые книги о Сюффрене и его корабле «Эро», труды разных авторов по истории французского военно-морского флота. Складывалась маленькая библиотечка. Накапливался материал.

В Париже я ходил по авеню Сюффрена...

Неплохое представление о внешнем облике Сюффрена дает статуя на набережной провансальского порта Сен-Троpez. Со своего пьедестала адмирал который уже год зорко вглядывается в морскую даль. Он невысокого роста, грузен, широкоплеч. Бюсты Сюффрена можно видеть в Парижском морском музее, в ратуше города Салон. Но особо впечатляет его скульптурный портрет работы Жана-Антуана Удона в музее Экс-ан-Прованса. Широкая грудь. Крупные черты лица. Мощный лоб, твердая складка губ. Слегка откинута назад голова. И взгляд! Взгляд как бы сверху, который, минуя частности, проникает в суть вещей, в глубину человеческих душ. Ничего торжественного, чопорного в этой фигуре моряка старого режима. От нее веет спокойной решимостью, властью, которые были столь характерны для военных людей той уже отдаленной поры.

Во Франции память о Сюффрене жила всегда, главным образом в военно-морских кругах и особенно в Провансе, на родине адмирала. Но в последнее время о нем вспоминают все чаще. Вспоминают о жизни, полной моряцких трудов и воинских подвигов.

Середина XVIII века проходила под знаком ожесточенной борьбы между Францией и Англией за первенство на морях и океанах, за выгодную морскую торговлю. В этой борьбе Англия явно брала верх, вытесняя Францию из ее заморских колоний. Сюффрен – активный участник событий тех времен. Гардемарин, затем капитан фрегата, капитан линейного корабля, шеф эскадры, он бьется с англичанами у берегов Америки, Африки, Индии.

Впервые Сюффрен поднялся на борт боевого корабля, стал очевидцем первого в своей жизни морского сражения в том возрасте, когда нынешние школяры бегают на уроки. С тех пор его удел – бесконечные плавания по морям и океанам в постоянной готовности к любым испытаниям. Этот человек словно выкован из железа. Ему неважно топтаться на одном месте. Бездействие его

угнетает, отдых тем более. Главное для него - военные действия, схватки с противником.

Едва запахнет порохом, едва загремят пушки, как Сюффрен уже на борту корабля. А когда у побежденной Франции нет кораблей, он спешит на Мальту, где на галерах Ордена преследует берберов – арабских пиратов. Он трудолюбиво добывает очередные воинские звания. Набравшись опыта, жаждет командовать крупными соединениями кораблей. Одно единственное желание Сюффрена - это наголову разбить противника, или как он говорил, «свершить великие дела».

На первый взгляд может показаться, что во всем этом нет ничего романтического, но жизненный путь Сюффрена интересней любого романа.

Сюффрен не только неутомимый мореплаватель, отважный капитан, но еще и новатор. Он решительно восстает против укоренившихся в морском деле устарелых теорий и методов, изживших себя доктрин. В вечных поисках чего-то нового, он наблюдает, сравнивает, ищет подтверждения своим мыслям, неустанно обогащает опыт практикой.

Индийский историк С.П. Сен и многие другие авторы утверждают, что Сюффрену фактически принадлежит заслуга внедрения более передовых, более совершенных методов ведения морских сражений, маневренного боя, которую обычно приписывают знаменитому английскому адмиралу Горацио Нельсону. Это не совсем так. Образцы новой тактики показали до него английские адмиралы Хоук и Боскавен. А за десять лет до Индийской кампании 1781 – 1783 г.г., где во всем блеске проявился талант Сюффрена, новую передовую тактику морского боя умело применял и добивался впечатляющих результатов российский адмирал Григорий Андреевич Спиридов.

Но нужно отдать должное Сюффрену. В военных вопросах, в вопросах тактики и стратегии он был на голову выше коллег-офицеров. Недалекие по большей части, тщеславные и завистливые, они совершенно не понимали его замыслов, его действий, его приказов. Сюффрену не удалось в полной мере воплотить в жизнь свои идеи, но потому лишь, что его не поддерживали, а порой и предательски покидали в решительный момент подчиненные ему капитаны. Полдюжины, дюжина или чуть больше кораблей – это было все, чем обычно располагал Сюффрен во время упомянутой выше Индийской кампании. Ведя морскую войну за тысячи лье от берегов Франции, не имея при этом ни надежных баз, ни arsenалов, ни должного пополнения экипажей, он, тем не менее, наносил противнику мощные удары. В эту кампанию Сюффрен проявил себя не только как талантливый флотоводец, но и как умелый дипломат, дальновидный политик.

Да, Сюффрен жаждал славы. Но добывал он ее не в толпе придворных шаркунов и философствующих мудрецов, а в кровопролитных морских сражениях. Ему были присущи порядочность, гордость честного человека, отвращение к позе, пустословию и... писанине, так как, по его словам, «военный человек славен делами, но не писаниной».

Не обделен был Сюффрен и чисто провансальским лукавством, чувством юмора.

Чванливый королевский Двор, Корпус морских офицеров не прощали ему независимости характера, прямоты и резкости суждений о дилетантах и мало способных в морском деле.

Сюффрен не оставил после себя мемуаров. Зато уцелела пачка писем, адресованных одной дальней родственнице в Провансе, с которой его связывала

давняя нежная дружба. Эти письма дают ключ к пониманию личности Сюффрена. Он выступает в них четко, выпукло. В них жар его сердца, его сокровенные мысли и надежды. В них словно звучит голос Сюффрена, энергичный и резкий.

И вот перед вами книга о Сюффрене, о его жизни, его делах. Думаю, что многим небезынтересно будет узнать о флотоводце, который в затхлую пору последних Бурбонов сумел вписать яркую страницу в историю военно-морского флота Франции.

Часть первая

По морям, океанам

*Когда появляется гениальный человек,
об этом узнают по следующему признаку:
все дураки ополчаются против него.*

Дж. Свифт

Глава первая

НАЧАЛО ПУТИ

Прощай, Сен-Канна!

Жаркое лето 1737 года...

Пьер-Андрэ, полноватый мальчуган с шапкой непокорных волос, смиренно стоит перед отцом, слушает его слова:

- Тебе уже девятый год, Пьер-Андрэ, - говорит отец. – Пора браться за ум. Ты зачислен в тулонский колледж, где готовят офицеров для королевского флота. Недели через две Жак отвезет тебя в Тулон. Я обо всем уже договорился...

Поль де Сюффрен, первый консул и прокурор Прованса, тяжело вздохнул. Сколько забот и хлопот с детьми! А их у него девятеро. С двумя старшими сыновьями нет проблем: согласно давней традиции, принятой в дворянских семьях Франции, один из них пойдет служить в армию или на флот короля, другой оденет сутану. Дочерей он прочил за достойных молодых людей. А Пьера-Андрэ удалось год назад устроить кандидатом в рыцари Мальтийского ордена. Наилучший выход для отпрыска из семьи со скромным достатком. Но, боже мой! Сколько пришлось потратить денег на угощения и подарки адвокатам, нужным людям в Марселе и Тулоне! Сколько пришлось переволноваться перед строгой комиссией из рыцарей-ветеранов Ордена, от решений которой зависело будущее благосостояние сына! К сожалению, история семьи Сюффренов не восходит ко временам крестовых походов...

Итак, судьба Пьера-Андрэ была решена. На него с печалью глядели мать, Мари-Иероним Брюни, верный слуга Жак.

- Перед отъездом мы навестим родню в Ришбуа, Сен-Тропезе и Драгиньяне, - добавил первый консул. – Попрощаешься там со своими друзьями...

Сен-Канна, где 17 июля 1729 года родился Пьер-Андрэ де Сюффрен, ничем не примечательный городок на полпути между Экс-ан-Провансом и Авиньоном. Вместе с соседскими детьми Пьер-Андрэ день-деньской играл на его тесных старинных улочках между корявыми платанами, у фонтана на городской площади, из которого поят лошадей и коров, перед Домом Тамплиеров. Подбирал с туловых деревьев переспелые ягоды. Когда вечером он возвращался домой, мать в ужасе всплескивала руками: лицо у сына сплошь в фиолетовых разводах, щеки чистые лишь там, куда достанет язык.

Отец сдержал обещание. Он свозил Пьера-Андрэ в Ришбуа, поместье родственников к северу от Салона – городка, овеянного славой Нострадамуса. У ворот знакомой ограды семейный экипаж Сюффренов встречают заливистым лаем собаки, но, узнав родных хозяев, дружелюбно виляют хвостами. Пьер-Андрэ бывал в Ришбуа не раз и не два, все больше осенью. А осенью тут так красиво! На холмах пламенеют чистой медью леса. С платанов один за другим медленно опадают большие листья, устилая землю желтым ковром. И как интересно было играть с детьми хозяев шато в краснокожих, прятаться за деревьями, стрелять из самодельного лука!

Пьер-Андрэ посетил с отцом и Сен-Тропез, небольшой порт на взморье Прованса, в ста километрах от Сен-Канна. Здесь в Сен-Тропезе он впервые увидел море, которое его сразу же очаровало. Какие это были чудесные дни! Вместе с гурьбой мальчишек Пьер-Андрэ провожал рыбаков в море, глядел, как они выгружают из лодок рыбу, развешивают для просушки влажные сети. И как славно было побарахтаться на мелководье! Мать с трудом загоняла его домой обедать.

Бывало, на берегу дымит костер. Вокруг костра сидят на песке, плетут сети молодые парни, слушают рассказы седого рыбака. Старик рассказывает, что дно моря у берегов Прованса усеяно амфорами – глиняными кувшинами, в которых раньше возили по морю масло, вино и пшеницу. Нет-нет, да и попадет в рыбацкую сеть такая амфора. Значит, когда-то, в незапамятные времена, здесь погиб в шторм римский корабль. Рассказывает старик, что у берегов Прованса вроде бы спокойно. Вроде тишина. А на самом-то деле совсем не так. Хотя вблизи постоянно патрулируют корабли Франции и Испании, галеры мальтийских рыцарей, в море в любой час дня и ночи могут появиться высокие косые паруса пиратов-берберов. Берберы высаживаются на берег, хватают первых же попавших мужчин, женщин и детей, увозят их в неволю. Пленных продают затем на невольничьих рынках Северной Африки, они пропадают надолго, чаще навсегда. Не каждому ведь удастся сообщить родне о постигшей его беде, и не всегда у родственников есть деньги, чтобы оплатить выкуп...

Пьер-Андрэ с замиранием сердца вглядывается в затянутый густеющей синевой горизонт. Ему чудятся пираты, корсары. Он узнает о том, что тысячу лет назад на этом берегу жили мавры – есть такое арабское племя. Недаром отроги Альп к северо-западу от Сен-Тропеза до сих пор называют Маврскими горами. А на северо-востоке, за Альпами, совсем рядом, владения Австрии с ее хорватами и венграми, белой пехотой...

Здесь в Сен-Тропезе Пьер-Андрэ научился плавать, грести веслами. Он выходил с рыбаками на лодках в море, управлял парусами...

На обратном пути экипаж Сюффренов остановился ненадолго в Драгиньяне. Пока отец и другие взрослые пили на веранде кофе, Пьер-Андрэ поиграл в последний раз и распрощался с длинноногой угловатой девочкой Марией-Терезой. Совсем недавно они, взявшись за руки, бегали по голубовато-фиолетовым лавандовым полям, ловили бабочек, по очереди откусывали от одного яблока, как это делают дети, невинно любящие друг друга. И они уже решили... пожениться, когда вырастут.

Но вот снова Сен-Канна. Последние приготовления. Пьер-Андрэ, получив благословение отца и матери, садится в экипаж. Глядит, как Жак в последний раз проверяет, всё ли на месте. Приподняв шляпу, разобрал вожжи и щелкнул кнутом кучер. Экипаж тронулся с места. Застучали копытами гнедые кони. Пьер-Андрэ, обернувшись, машет рукой родителям, неотрывно глядит на родной дом, на улицу, где бегал босиком по горячей пыли. К горлу у него словно бы подкатывается комок. На глазах слезы.

Прощай, Сен-Канна! Прощайте счастливые дни!

На набережных Тулона

Итак, хотел он того или нет, Пьер-Андрэ оказывается в колледже Тулона, где отцы иезуиты готовят своих воспитанников к службе на королевском флоте.

Как и все будущие капитаны и адмиралы Франции, Пьер-Андрэ начинает учебу с зубрежки «Сборника сведений о математике, необходимых для молодого дворянина». Отметим мимоходом, что, по мнению нынешних экспертов, этот труд, принадлежащий перу одного из иезуитов, почтенного отца Хоста, с начала до конца «блистает» весьма ошибочными концепциями. Но наш юный провансалец, к счастью, не уделяет ему слишком много внимания.

Режим в колледже суровый. Но, как и все воспитанники этого заведения, Пьер-Андрэ проказничает, отлынивает от занятий. При малейшей возможности старается улизнуть в город. Участвует в играх, потасовках. В обед стучит по тарелке ложкой, требуя добавки, у него великолепный аппетит. Укладываясь спать, кидается с друзьями подушками.

Мой бог! В детстве все мы ведем себя одинаково...

30 октября 1743 года, четырнадцати лет от роду, Пьер-Андрэ становится гардемаринном. В этом возрасте начинали службу на флоте, а зачастую и принимали участие в морских сражениях многие капитаны и адмиралы Франции. К примеру, адмирал Франсуа де Грасс, участвовавший в войне американцев за независимость, стал гардемаринном в одиннадцать лет.

И вот уже Пьер-Андрэ, полнокровный, крепко сложенный подросток с энергичным и решительным выражением лица, примеряет красно-синюю форменную одежду, натягивает на ноги красные чулки – такова униформа Корпуса морских офицеров. И вот уже, нос кверху, он «прогуливает» свою новую треуголку по улицам Тулона.

Тулон, старинный портовый город, крепко стиснут между крепостными стенами и морем. В нем нет ни парков, ни просторных площадей, ни широких улиц, ни внушительных зданий. Это сложный лабиринт кривых и грязных, мрачных и темных улочек с домами, на чердаках которых видно развешанное на веревках плохо стираное белье. Прачки выплескивают помой прямо на улицу, крича во все горло, чтобы прохожие поостереглись. Среди старых кривобоких домов ютятся ветхие часовенки, покосившиеся церкви с серыми колоннами у обшарпанных фасадов. Улицы соединены между собой мостиками, галереями. Кишат покупателями рыбные ряды с их горластыми торговками и лотками, полными рыбы. В темных углах ютятся лавчонки, от которых исходят резкие запахи рассола, пряностей и вина. А какие славные названия! Улица трех мулов, Улица любви, Яичная площадь... Город переполнен. С рассвета до захода солнца на улицах Тулона непрерывное движение. Шайки сомнительных типов – матросы, монахи и бродяги обоего пола пьют в тавернах, толкуются на папертях, горланят песни, бродят от Еврейского квартала к кварталу проституток, оттуда к Арсеналу, от Арсенала к порту.

Сердце Тулона – военный порт. Сюда неудержимо влечет Пьера-Андрэ неведомая сила. Здесь так интересно! В лицо бьет крепкий соленый ветер. На маслянистых волнах чуть покачиваются корабли с высокими мачтами и реями, с паутиной вант и блоков на фоне голубого неба. Корабли «пыжатся» раздутыми бортами с двойным, тройным рядом пушечных батарей. Из-под поднятых портов выглядывают пушки с надетыми на жерла парусиновыми чехлами. Монументальные кормовые надстройки кораблей украшены позолоченными резными изображениями всех богов Олимпа. От их горделивых бушпритов веет сражениями, победой.

Пьер-Андрэ не час и не два ходит по набережным Тулона. Разглядывает корабли. Читает славные названия. Смотрит на матросов, которые ловко лазают по вантам, бегают по реям, на капитанов в их блестящих униформах. Вслушивается в усиленные рупорами слова команд, пронзительный свист флейт, грохот барабанов. Шум, людской гам, скрип канатов, хлопанье стягов на мачтах. Здесь в порту Тулона окрепла тяга юного гардемарина к трудному и опасному морскому ремеслу. Здесь зародилась в его сердце жажда подвигов, сражений, которая не оставит его до последнего дыхания.

А где-то вдалеке гардемарину чудится необъятный, слепящий глаза океан.

Господа гардемарины

Флот короля Франции для Пьера-Андре – лучший в мире, хотя это далеко не так. Он с великой гордостью носит свою красивую униформу. Многие из его друзей, как и он сам, уроженцы Прованса. У многих тощие кошельки. Но, богатые или бедные, господа гардемарины не терпят шуток по своему адресу, не терпят неуважения к Корпусу морских офицеров. Юнцы в красных чулках держатся надменно и заносчиво. Разве они не стражи Его величества короля Франции, равные по рангу мушкетерам и рейтарам?

Жить теперь приходится за свой счет. В Тулоне чертовски трудно с жильем, и Пьеру-Андре стоит немалых усилий снять койку. Он знакомится с «Инструкциями» Кольбера, некогда всемогущего министра финансов Франции. Эти «Инструкции», регулирующие учебный процесс в колледжах гардемарин, выглядят весьма эффектно... на бумаге. Пьер-Андре живо усваивает, что для учителей и учеников они не более, чем мертвая буква. Несколько месяцев он изучает тактику, математику, черчение, гидрографию, но все это наспех, кое-как, более для проформы. Главное внимание гардемарины уделяют стрельбе по цели из ружей, фехтованию и танцам. Ведь, они не только будущие офицеры, но и люди высшего света!

В Тулоне, к сожалению, нечем отличиться. На рейде почти нет кораблей. Редко-редко какой-нибудь из них уходит в море. Никаких шансов сразиться в ближайшем будущем с врагами короля. И гардемарины живут жизнью гарнизона. Слоняются по городу, по тавернам. Главная их забота – поддерживать честь Корпуса морских офицеров. Высокомерные, неуступчивые, гардемарины в то же время фанатично преданы своему рангу и репутации, всячески стремятся доказать, что они самые смелые, самые brave. Передаваемые из уст в уста рассказы об отваге предшественников поддерживают среди гардемарин атмосферу дерзости, слепой воинственности. В ожидании того времени, когда можно будет отличиться в огне сражений, они «пробуют руку» на первых же попавшихся объектах – задирают офицеров сухопутных войск, ссорятся между собой. Средь бела дня из-за какого-нибудь пустяка, не так сказанного слова, неверно понятого жеста обнажают шпаги. Одна за другой следуют дуэли без примирения. С раннего утра до позднего вечера на улицах слышен шум их споров, треск разбиваемых стекол, визг пронзенных шпагами собак. Тулон, город мирных жителей, жалуется, негодует, но тщетно. Начальники ангельски снисходительны к гардемаринам. Ведь, они принадлежат к Морскому корпусу! Несмотря на приказы военного министерства держать гардемарин в ежовых рукавицах, обращаться с ними как с простыми солдатами, капитаны упорно считают их людьми своего круга, приглашают к столу. А как накажешь того, с кем сидишь за одним столом? Одолеваемое жалобами тулонцев начальство, наконец, выходит из терпения, мечет громы и молнии, но вскоре смягчается, предает все забвению, и гардемарины возобновляют свою возню.

При таких условиях разве продвинешься далеко в учебе? Пьер-Андре де Сюффрен будет осваивать морские науки в процессе службы на флоте, в огне морских сражений, намечая свои собственные пути, стремясь доказать при

этом, на что он способен. Лейтенант ли, шеф ли эскадры, он будет неустанно расширять свои познания в морском деле. Впрочем, проходя по верхам наук у иезуитов, он не задерживался слишком долго и на улицах Тулона.

Первое назначение

Занятые проказами и дуэлями, гардемарины живут, не заботясь о завтрашнем дне. Все же им известно о том, что политический горизонт в Европе затянут грозowymi тучами, в которых сверкают молнии. Франция вновь скрестила мечи с Австрией, и дела идут далеко не блестяще. Англия воюет с Испанией. Обширные заокеанские владения последней не дают Англии покоя, мешают ее колониальной экспансии.

Уж эти островитяне! Со времени адмирала графа Турвия (1642 – 1701 г.г.), который с переменным успехом вел борьбу с объединенными англо-голландскими силами, Англия все уверенней упрочает свое господство на морях и океанах, бесцеремонно вытесняет Францию из ее заморских владений. Как тут было не възграть чувствам патриотов, в первую очередь крупных торговцев и арматоров – владельцев кораблей? Но сколь ущербно выглядит королевский военный флот! Франция еще может выставить напоказ несколько великолепных на первый взгляд кораблей, чьи пушки, яркие флаги на мечах и густая позолота на корме и под бушпритом могут ослепить, привести в восторг зевак. А что за этим внушительным фасадом? Корабли старые. В арсеналах хоть шаром покати. Офицеры обескуражены отсутствием настоящего дела. На флоте беспорядок, всеобщие апатия и безразличие.

Такова реальность. К тому же, находясь в мире с Испанией, Франция не хочет обострять отношения с Англией, во всем идет ей на уступки. А островитяне ведут себя все более вызывающе, наглеют с каждым днем. Дело доходит до абсурда. Когда испанская эскадра под командой адмирала Дона Хосе Наварро пополняла в Тулоне запасы воды и провианта, вдруг невесть откуда является английский адмирал Матьюз с двадцатью восемью боевыми кораблями. Его корабли бросают якоря близ острова Йэр, блокируют не только эскадру Его Католического величества короля Испании, но и флот Христианнейшего короля Франции. Англичане ведут себя у берегов Прованса так, будто они у себя дома. Устраивают в Порт-Кроссе госпиталь для больных матросов, ведут учебные пушечные стрельбы, преследуют и жгут испанские галеры, гоняясь за ними чуть не до Сен-Тропеза. Порой захватывают французские суда, не давая себе труда различить флаг Испании от флагов Франции. И при всем при том вольно разгуливают по улицам Тулона.

Экое нахальство! Патриоты в бешенстве спрашивают друг друга, о чем думает Версаль? Где наши хваленые министры? И король, и кабинет министров вынуждены, в конце концов, признать, что всему этому пора положить конец. Есть же предел терпению! Волей-неволей Франция становится союзницей Испании. Власти Тулона получают приказ выводить испанские суда из порта под прикрытием флага Франции.

Командование эскадрой берет на себя восьмидесятилетний генерал-лейтенант Кур ля Брюер. А флот, арсеналы в ужасном состоянии. Генерал-лейтенант, капитаны и интенданты порта делают все, что в их силах, чтобы привести корабли в божеский вид. По всему Тулону разносится стук топоров и молотков, ноздри тулонцев щекочут запахи смолы и пеньки, свежего теса.

Испанцы и французы спешно ремонтируют свои суда, очищают днища от водорослей и ракушек, конопатят надводные части, запасаются водой и провиантом, вооружают корабли всем, что есть под рукой. Работы ведутся днем и ночью, даже по воскресеньям и праздникам, несмотря на брюзжанье епископа.

Что трудней всего, так это заставить работать матросов. Они словно состязаются в недисциплинированности. Днем и ночью патрули с французских и испанских кораблей ведут охоту за дезертирами, осаждают таверны и притоны. Экипажи пополняют стариками, подростками, кого только можно найти на улицах Тулона.

Пьер-Андрэ получает назначение на линейный корабль «Солид», которым командует его земляк, мальтийский рыцарь, командор Шатонеф Тома. Наконец-то настоящее дело! Наш гардемарин узнает о том, что согласно все тем же «Инструкциям» Кольбера будет жить в несколько лучших условиях, чем матросы. Ему и его товарищам отводят место на полуюте, недалеко от «святой барбы» - так моряки именуют пороховой погреб, который в свою очередь находится близ кают-компания и каюты капитана. Пьер-Андрэ узнает также, что гардемаринам положены слуги: один слуга на двоих. Ежедневно он будет получать полтора обычных рациона: трижды в неделю кушать рыбу, четыре раза мясо, семь раз сухие овощи, а, кроме того, ему полагаются восемь унций хлеба и четверть пинты красного вина. Пьер-Андрэ также имеет право на «оксидрат» - так величают на флоте питьевую воду, щедро приправленную уксусом. Суровый режим! Впрочем, оказывается, что у него будет свое место за столом у капитана.

Эскадры уходят в море

Корабль, чей горделивый вид наполняет душу Пьера-Андрэ жадной подвига, известен ему лишь в самых общих чертах. У него едва ли была возможность ознакомиться с морскими терминами, названиями мачт, рей, парусов. Конечно, он уже может отличить бушприт от фок-мачты, фок-мачту от грот-мачты, а последнюю от бизани, паруса крьюйс-брам-стаксель от крьюйс-стань-стакселя. Он знает, где находится гальюн-туалет, знает, что большой флаг с королевскими лилиями поднимают на корме. Но что там в «утробе» корабля, этого морского чудовища? Что там внизу, под золотыми эмблемами и флагами?

Гардемарин покидает свет божий. Спотыкаясь, сходит вниз по крутой деревянной лестнице, и перед ним возникает необычный мир. Вот одна, затем другая боевые палубы. Они выше ватерлинии. По обоим бортам Пьер-Андрэ видит длинные ряды пушек на лафетах, прикованных цепями к толстым брусьям. У пушек суетятся канониры. Они и живут тут. На перегородах гроздь гамаков. В углах кучи тряпья. Здесь, по крайней мере, светло. Солнечный свет хоть скуп, но все же проникает сквозь пушечные порты. Но уже следующая, нижняя палуба освещена лишь редкими фонарями. Здесь тоже живут люди. Здесь же они едят и спят. На нижней палубе размещены судовой госпиталь и... «хлев». Наконец, перед взором гардемарина разверзается трюм, темное царство. Он шлепает ногами по липкой грязи, ощупью пробирается между «святой барбой», бочками с пресной водой, запасным такелажем, канатными бухтами, горами досок и ядер.

Пьера-Андрэ всюду преследует ужаснейшая вонь. Вонь хватает за глотку, едва он вступил на лестницы, ведущие на пушечные палубы. И чем

ниже, тем она сильнее. В этой вони густо замешаны запахи «хлева» и курятника, невымытых человеческих тел, загнившего мяса на камбузе, лежалых парусов, смолы и пеньки. «Львиная яма», так называют моряки нутро корабля, откуда исходят все эти «ароматы». На нижней палубе и в трюме вонь усиливается из-за влаги, просачивающейся сквозь деревянную обшивку. К ней не привыкнуть в один день.

Вдоволь нанюхавшись этой дряни, Пьер-Андрэ с облегчением выбирается на палубу. А там суматоха, галдеж матросов и канониров, ругань охрипших офицеров. Экипаж «Солида» огромен, около тысячи человек. Матросы – по большей части рыбаки, набранные среди прибрежного населения Прованса. Режим набора моряков не изменился со времен Кольбера.

Пьер-Андрэ сталкивается нос к носу с Бартелеми, рыбаком из Сен-Тропеза. Бартелеми не раз брал его с собой в море, учил ловить рыбу. Ну и живописный вид у Бартелеми! Длинные всклокоченные волосы перевязаны лнялой тряпкой. Лицо в густой щетине. Рубаха и штаны порваны. Подбит глаз. На лице фиолетовые синяки. Галантно раскланявшись, Бартелеми рассказал, что попал под набор в экипажи королевской эскадры. Поэтому он здесь, в Тулоне.

Как и все рыбаки, Бартелеми оставил большую часть двухмесячного аванса, пожалованного королем, своей жене и детям, чтоб им было на что жить в его отсутствие. Не без сожаления покинув свою рыбацкую лодку, Сен-Троpez, он с узелком и деревянными башмаками сабо на палке за плечом, пешком добрался до Тулона. Здесь он ночевал где придется, спал на соломе, перебивался у портовой кухни. А пока эскадра готовилась к отплытию, всячески отлынивал от тяжелой работы, тратил последние гроши на вино, участвовал в шумных потасовках с матросами короля Испании, бил вместе с ними стекла в окнах тулонцев до тех пор, пока его не «замели» патрули, не пригнали под конвоем к борту «Солида».

Бартелеми поскреб в затылке. На его лице играла мечтательная улыбка при воспоминании о том, как славно он погулял в порту...

Перед уходом эскадры, суматоха в Тулоне достигает своего апогея. Патрули охотятся за гуляками, с проклятиями загоняют их на корабли. Звучат усиленные рупорами команды. Грохочут барабаны, свистят флейты. И, наконец, взлетают флаги на мачтах. Прощальные залпы. Под приветственные клики толпы корабли уходят в море.

Пьера-Андрэ мы видим на кормовой галерее «Солида». Вместе с офицерами и гардемаринами он машет рукой тулонцам. Что ждет его впереди?

Странное сражение

Итак, 22 февраля 1744 года, ранним утром, французская и испанская эскадры, покинув главный рейд, берут курс на юг. Война Англии пока официально не объявлена. У генерал-лейтенанта Кур ля Брюера инструкция: обеспечить вывод испанской эскадры, избегая при этом до последней возможности столкновения с англичанами. Поистине, великолепная инструкция! Эскадры идут в боевом порядке: впереди французы, за ними испанцы. Шествие возглавляет «Террибль» под брейд-вымпелом Кур ля Брюера. Далее «Эсперанс» капитана Габаре. Адмирал Наварро держит флаг на гигантском 120-пушечном «Реал-Фелипе». Заранее договорено не допускать разрыва между эскадрами, корабли должны идти в кильватерном строю на

некотором расстоянии друг от друга. Но испанцы отстают... и появляется Матьюз. Он так долго ждал этого момента! У Матьюза тридцать три линейных корабля и девять фрегатов. У французов и испанцев – двадцать восемь вымпелов.

Пьеру-Андре всего четырнадцать лет. У него нет еще никакого боевого опыта, и он с трепетом душевным наблюдает за всем, что творится вокруг. При появлении англичан на борту «Солида» и других кораблей гремят барабаны. Тревога! Все хватают оружие, спешат на свои посты. Стрелки занимают места на баке – носовой части корабля, и на юте – корме. Марсовые лезут вверх на мачты по вантам. У пороховых люков выстраиваются часовые. На пушечных палубах суетятся, разжигают горны канониры. На нижней палубе плотники готовят брусья и доски для заделки пробоин, конопатчики – паклю и смолу. Корабельный хирург раскладывает на импровизированном операционном столе нехитрый инструментарий, пилы в том числе, пузырьки с лекарствами, корпию.

Шатонеф -Тома командует с капитанского мостика приготовлениями к бою. Приказ следует за приказом. Воздух прорезают пронзительные свистки боцманов. «Солид» идет седьмым в строю французских кораблей. И не найти лучшего места для наблюдения за тем, как сближаются эскадры. Пьер-Андре жадно всматривается во вражеские паруса, старается не упустить ни одной детали готовящегося «спектакля». Что-то будет? Но «спектакль» разворачивается вовсе не так, как он ожидал. «Когда же сражение?» - недоумевает наш гардемарин. Противники, держась на почтительном расстоянии друг от друга, выстраиваются в две параллельные линии. Море спокойно, корабли движутся не спеша. Можно подумать, что это обычные маневры.

Уже десять часов, уже полдень, а эскадры все продолжают сложные маневры, стремятся обеспечить себе преимущество в ветре. Двенадцать часов тридцать минут □ то же самое...

Пьер-Андре глядит на офицеров, матросов. У одних играют желваки на побледневших лицах, другие, наоборот, серьезны и спокойны. От недавней суматохи нет и следа. В море, под надзором офицеров, самые буйные из матросов беспрекословно подчиняются дисциплине. На палубах «Солида» царит безмолвие. У нашего гардемарина пересохло горло. Он весь в напряжении, старается держать себя в руках.

Между тем, расстояние между противниками сокращается. Взоры французских моряков прикованы к кораблю генерал-лейтенанта. Когда же, наконец, сигнал?

И вот в 13:30 на грот-мачте флагмана взлетает красный квадратный флаг, гремит пушечный выстрел – сигнал начинать бой. Тотчас вдоль линии французских кораблей появляются яркие вспышки, сопровождаемые громовыми ударами. «Солид» дает бортовой залп. Англичане отвечают. Палубы кораблей окутывают густые клубы порохового дыма, из-за которого ничего не видно на расстоянии трех шагов, и экипажи вынуждены время от времени прекращать пальбу. Потом вновь раз за разом сверкают вспышки выстрелов. Артиллерийская дуэль продолжается наудачу, без особого вреда для обеих сторон. Ядра, прилетая издалека, лишь царапают борта кораблей и падают в воду.

Но вот в центре как будто назревает горячее дело. Там корабли противников сблизилась на «пистолетный выстрел». Порывы ветра доносят до моряков «Солида» гром пушек, трескотню ружей, грохот падающих мачт.

Матьюз на «Намюре» заметил брешь между эскадрами союзников и, поддерживаемый «Марлборо» спереди и «Норфолком» позади себя, в упор угощает «Реал-Фелип» бортовыми залпами. Испанец стойко держится, отвечает огнем. Матьюз направляет на испанского флагмана брандер¹, но неудачно. Шум сражения концентрируется в одном месте, усиливается с каждой минутой.

Странно то, что обе стороны не проявляют никакой инициативы, не делают попыток повернуть ход сражения в свою пользу. Английский арьергард вместо того, чтобы попытаться взять испанцев «в обхват», обрушить на них перекрестный огонь, не предпринимает ничего. А Кур ля Брюер, располагая нетронутыми силами и имея свободу маневра, вполне может уничтожить ближайшие корабли англичан. Но он упорно придерживается пассивной тактики. Перестрелка продолжается до четырех часов дня. К этому времени лишились мачт, получили серьезные повреждения три английских корабля. Флагман «Намюр» выглядит так, будто потерпел кораблекрушение. «Марлборо» почти полностью затонул. Не в лучшем положении и «Норфолк». Их относит течением в сторону французов.

Вот она, реальная возможность разгромить авангард англичан! Действуй Кур ля Брюер быстрее и решительнее, победа французам была бы обеспечена. Он как будто увидел эту возможность, дает команду идти в обхват, но заметив, что «Реал-Фелип» в отчаянном положении, отказывается от своего намерения, обрушивает огонь на ближайший корабль в центре Матьюза. Но сражение уже затихает.

Обе стороны не предпринимают более ничего.

С кормы «Солида», который проходит близ «Реал-Фелипа», Пьер-Андрэ видит на палубах испанского флагмана груды убитых и раненых. Порывы ветра доносят до него запахи горелой плоти, стоны и вопли, похожие на крики животных. Справа и слева дымятся остовы кораблей – без мачт, с разбитыми бортами. Наш гардемарин пока не рисковал ничем, но он получает полное представление о том, что такое морской бой на расстоянии «пистолетного выстрела».

На том и кончилось сражение при Тулоне. Обе стороны потеряли по кораблю, по семь – восемь сотен человек. Англичане ушли к Гибралтару, французы и испанцы к Аликанте.

13 апреля 1744 года эскадра Кур ля Брюера бросает якоря на рейде Тулона.

«Святая» линия

Какие же впечатления вынес Пьер-Андрэ из этого первого в его жизни морского сражения? Разумеется, самые сильные. Но его несомненно поразили медлительность приготовлений к бою, большие людские потери и весьма скромные результаты в сравнении с участвовавшими с обеих сторон колоссальными силами. После бесконечных маневров противники выстроились в две параллельные линии и, корабль против корабля, целые два часа лениво перебрасывались ядрами, большая часть которых попадала в воду. С обеих сторон не видно было ни жажды достижения решительного преимущества, ни

¹ Брандер – небольшое судно, начиненное горючими и взрывчатыми веществами. Горящий брандер направляют, по ветру или по течению, на крупные корабли противника.

твердой воли сокрушить противника. Это был своего рода церемониальный поединок, в котором все старались оставаться в линии, ни под каким видом не нарушая ее. Матьюз, заметив разрыв между французской и испанской эскадрами, устремился было туда на своем «Намюре», дал сигнал следовать за ним. Но капитаны предпочли послушаться адмирала, чем нарушить эту «святую» линию. Матьюза поддержали лишь два ближайших корабля, тогда как все остальные словно пребывали в летаргии.

Сражение по существу закончилось ничем. Ни победителей, ни побежденных.

В ту пору, когда Сюффрен был гардемаринном, практика ведения морских сражений традиционно сводилась к системе боевых линий. Основы этой системы заложил упомянутый выше адмирал Турвий, а теоретически обосновал ее в своем труде «Морская тактика» виконт де Морог, шеф эскадры, видный морской теоретик своего времени. Гардемарины прозвали его «моргом». Сущность теории де Мороба можно изложить в одной фразе: «Никаких решительных действий... ибо сражение на море не имеет своей целью захват какого-либо объекта». Согласно этой теории, крупные боевые корабли выстраиваются в линию – отсюда термин «линейный корабль», тогда как фрегаты, корветы и т.д. составляют как бы эскорт процессии. Линия должна быть сомкнутой, расстояние между ее звеньями не должно превышать длину корабля. Похожая на движущуюся стену, линия давала определенные преимущества: обеспечивала надежную взаимосвязь, порядок и должное управление боем. Кроме того, она избавляла от необходимости вести огонь одновременно с обоих бортов, поскольку противник находился лишь с одной стороны. Это было особенно важно для Франции, так как на ее флоте всегда не хватало людей. Линия давала возможность обходиться меньшим числом канониров, а плотный строй кораблей избавлял от опасности попадания какого-нибудь из них под перекрестный огонь противника.

Это всегда был бой в движении. Противники, держась на почтительном расстоянии друг от друга, сближались лишь временами. Де Морог ратовал за безупречный порядок и хладнокровие при выполнении маневров. А маневры, по его мысли, должны были сводиться лишь к умению уходить из-под огня противника, использовать преимущество в ветре. От капитанов требовалось в совершенстве владеть искусством маневрирования, ни в коем случае не допуская разрывов между кораблями своей эскадры. Но это означало по существу отказ от каких-либо попыток разгромить противника. Де Морогом предусматривался резерв для оказания помощи кораблям, лишившимся мачт, отбуксировки их от линии огня, но не для нанесения решающего удара.

И как результат, все начало мало-помалу сводиться к парадным маневрам, обмену сигналами, к всевозможным «ученым» комбинациям. Забыта была главная цель любого сражения – уничтожение сил противника. В этом смысле сражение при Тулоне особенно характерно. Его долго приводили в качестве примера, достойного подражания, ученые головы во Франции и Англии.

Глава вторая

Знаменщик

Злосчастный конвой

В 1744 году Франция объявляет войну Англии. Война набирает обороты. Англичанами занят Луисбург в заливе Святого Лаврентия, Канада.

В июне 1746 года французское правительство отправляет к берегам Канады эскадру во главе с герцогом Анвийским. Герцог – любимец короля, но едва ли не новичок на флоте. Под командой у герцога десять линейных кораблей и три фрегата. В конвое шестьдесят судов с войсками. Задача – вытеснить англичан из Луисбурга и Акадии.

На линейном корабле «Тридан» уходит в море и гардемарин Сюффрен. Ему уже семнадцать лет. Это первое его дальнее плавание.

И сколько тяжелых испытаний выпадает на долю моряков при переходе через Атлантический океан! Эскадру задерживают встречные ветры, бесчисленные аварии. Уже в виду берегов Америки сильнейший ураган расшвыривает французские корабли на все четыре стороны. Некоторые из них отогнаны чуть ли не на середину Атлантики, перехвачены англичанами. Вспыхивает эпидемия цинги. За короткое время гибнут полторы тысячи матросов, восемьсот солдат. Герцог Анвийский умирает от сердечного приступа. Заменявшего его д'Эстурмея сваливает с ног лихорадка. Неблагоприятная погода упорствует. И лишь Ла Жонкьеру ценой нечеловеческих усилий удается привести остатки конвоя к берегам Франции.

Возвращается на «Тридане» и наш гардемарин. Он в полном здравии, цел и невредим. На этот раз Сюффрен на собственном опыте узнает, что такое Атлантика с ее коварными ветрами и течениями, что такое дальние плавания с их штормами, бесконечными штилями, нехваткой провианта и воды. Учитесь понимать и ценить труд моряков. Несмотря на молодость Сюффрен ясно видит, что переброска войск на огромные расстояния неизбежно связана с риском и слишком большими потерями. Плавание злосчастной эскадры герцога Анвийского наглядный тому пример. Как позже он скажет себе: лучший способ защитить далекие владения Франции, это добиться господства на море, а единственная возможность достичь этой цели – дать противнику решительный бой, уничтожить его.

Сюффрен получает полное представление о своей будущей профессии. Но пока ему не приходилось сталкиваться с англичанами лицом к лицу.

Эти дальние плавания

О плаваниях, скажем к Антильским островам, стоит сказать особо. Если пункт отправления Тулон, то вначале это Средиземное море с его капризными течениями и ветрами, где приходится лавировать без конца. Миновав Гибралтар, корабли держат курс на Канары. Экипажи заранее предвкушают прибытие к этим благословенным островам. Оттуда снова в путь. Все пока улыбается мореходам. Канарское течение влечет корабли на юго-запад. В небе ни облачка. Легкий ветер надувает паруса. Резвятся дельфины. С гребней волн вспархивают летучие рыбы, похожие на розовых и голубых ласточек. Совершив неровный полет, они падают в воду и исчезают из вида.

Но пассаты – попутные ветры вскоре начинают ослабевать. Корабли пересекают тропик Рака. Уже недалеко и экватор. Наступает штиль, и все на море замирает, тяжелеет. Приходится то и дело ориентировать паруса, ставить их так, чтобы уловить малейшее дуновение ветра. Тяжкая, изнурительная работа. Провианта пока в достатке, но вяленая рыба и соленая говядина уже через несколько недель становятся тухлятиной. Моряки вынуждены довольствоваться свиным салом, сухими овощами и сухарями, а они заплесневели, изъедены червями и крысами. Лишь бы не умереть с голоду.

Главная проблема – вода. Жара становится нестерпимой, а с ней приходит жажда. Но питьевой воды мало, и она начинает мутнеть, загнивать в бочках едва подняты якоря. Новички глотают ее, зажав нос. Бывалые моряки острят, что, мол, опасна не та вода, по которой плавают, а та, которую пьют. Эту мутную зловонную жидкость пытаются «облагородить» уксусом, спиртом, сделать ее более пригодной к употреблению. Двое матросов день и ночь перемешивают воду вёселками. Ее выдают ничтожными порциями. И какими жадными глазами смотрят моряки на надвигающиеся грозовые тучи. С какой поспешностью вытаскивают на палубу все имеющиеся в трюмах бочки и чаны в надежде разжиться дождевой водой. Эта нехватка питьевой воды, этот вечный страх умереть от жажды – наихудшее из испытаний в дальних плаваниях.

А матросы? Набранные наспех, зачастую загнанные на корабли силой, они, тем не менее, на удивление быстро приноравливаются к тяготам и страданиям, связанным с их службой. Страдание – не слишком сильное слово. Они живут на смрадных, полных насекомыми нижних палубах. Один бог ведает, как нужно проголодаться, чтобы хлебать их суп, пить щедро

приправленную уксусом воду. Эту толпу всклокоченных и оборванных людей, овеянных всеми морским ветрами, периодически поражают то лихорадка, то цинга. О какой-либо униформе нет и речи. Матросы обуваются и одеваются кто как может – напяливают на голову старую треуголку или колпак, обвязывают ее подобранной в городе тряпкой. Этим полуголым и вечно голодным людям нет ни отдыха, ни покоя. В лучшем случае пять часов сна в гамаке. Все остальное время, в зависимости от капризов ветра, они лазают по рангоуту, прижимаясь животом к реям, руками и ногами укрощают тяжелые паруса, которые хлопают на ветру, срывают ногти на пальцах. А каково матросам там наверху, на качающихся мачтах, когда работать приходится ночью, в шторм, град или снегопад? Одно неверное движение, внезапный сильный крен от удара волн о борт, и человек падает в море, ломает кости о палубу. По торжественным случаям, вывешивая флаги, матросы бегают по реям и, прикрепив флаги и выпеллы, таким же образом возвращаются к мачте. На королевском флоте приказы капитана исполняются с невероятной быстротой. За четверть часа экипажи успевают поднять якоря, установить и ориентировать паруса. Вчерашние дебоширы и мятежники, оказавшись на борту, соперничают в рвении и усердии. К иным порой применяют бичи, кандалы. Но авторитет командиров, пример «стариков», чувство локтя держат экипажи в полном повиновении.

Во время дальних переходов нелегко приходится и офицерам. Разумеется, пища у них несколько разнообразней и ее больше, но и они не избавлены от голода, жажды и цинги.

Меж двух огней

Не прошло и полугодя, как король и министры решают послать на помощь колониям в Канаде новый большой конвой. Шеф эскадры Эрбье д'Этандюэр имеет своей задачей эскортировать к берегам Нового Света 250 торговых судов самых разных возрастов и видов... со всего лишь восемью линейными кораблями. Последними, которыми располагает Франция. Что это, как не безумие?

Пьера-Андрэ мы видим на борту линейного корабля «Монарк», которым командует капитан Ле Бедоер.

6 октября 1747 года огромный конвой покидает рейд у острова Экс, без особых приключений идет своим курсом, когда вдруг утром 25-го, в 90 лье от мыса Финистер, что на крайнем северо-западе Испании, сигнальщики извещают о появлении парусов на горизонте. Д'Этандюэр и капитаны наводят подзорные трубы, считают паруса. Одна, две, три... шесть, восемь белых колонн вырастают над морем. Их все больше. Они приближаются, держат курс прямо на французский конвой. Несомненно, это англичане! Д'Этандюэр в спешке приказывает торговым судам уходить под всеми парусами на северо-запад. Сам он преградит путь англичанам.

События складываются не в пользу французских моряков. У д'Этандюэра всего восемь линейных кораблей, тогда как у англичан их четырнадцать. Чуть не двойной перевес в силах! Возможности у д'Этандюэра ограничены. Он отдает эскадре приказ выстраиваться в линию. Его флагман «Тоннан» и идущий следом «Интрепид» занимают места посередине. Два

линейных корабля впереди них, четыре позади. Эскадра идет под малыми парусами, готовится к схватке.

А вражеские корабли все ближе и ближе. Это адмирал Хоук с эскадрой.

Как и во время сражения при Тулоне, у Сюффрена бешено колотится сердце. Он вновь видит вокруг себя напряженные, посерьезневшие лица офицеров и матросов. Адмирал Хоук, сын адвоката, человек энергичный и упорный, не утруждает себя соблюдением ученых теорий. По тому, как быстро и уверенно приближается Хоук, как командует своей эскадрой, видно, что он полон решимости не упустить добычу, в полной мере использовать свои преимущества. Все предвещает дуэль насмерть.

Становится очевиден замысел Хоука. Вместо того, чтобы сформировать параллельную линию, он, вопреки всем правилам, разделяет эскадру на два крыла, схватывает ими, сжимает словно в тисках корабли д'Этандюэра.

Никаких линий. Никаких канонад издалека.

Оказаться меж двух огней, значит – получить двойную порцию ядер. В таком случае приходится вести огонь с обоих бортов. Вражеские ядра, прошибая борта, вызывают смертоносные фонтаны щепок, отчего канониры несут большие потери. При пальбе с одного лишь левого борта можно хотя бы перетащить раненых и убитых на правый борт, и наоборот. Но при стрельбе с обоих бортов потери возрастают втрое.

Численное превосходство дает Хоуку свободу действий. Он нацеливает свои основные силы на арьергард д'Этандюэра, уязвимую часть эскадры. Ведь в арьергарде идут, как правило, самые старые и тихоходные корабли. Уничтожить один за другим корабли французов, таков план английского адмирала. И он, как видно, уверен в своем успехе.

Хоук настигает арьергард, в котором идут «Северн», «Монарк», «Нептюн» и «Фюге». В 11:30 англичане открывают ураганный огонь. Справа, слева и спереди на французские корабли летят цепные ядра, которые пробивают борта, срезают мачты, сметают за борт людей. Канониры Хоука работают у своих пушек как черти. Французы отвечают. Грохочут бортовые залпы. Ядра летят все гуще. Хоук все туже стягивает железный аркан. «Фюге», атакованный четырьмя кораблями противника, теряет мачты, и его сносит ветром и течением как простую баржу. Затем наступает очередь «Нептюна», который уже получил бортовые залпы с каждого неприятельского корабля. На нем возникает пожар. Капитан и старший помощник «Нептюна» убиты. На его палубах триста убитых и раненых.

А что с «Монарком», на котором находится Пьер-Андрэ? В бока ему злыми псами вцепились три английских корабля. То, что гардемарину довелось наблюдать издалека в сражении при Тулоне, он видит теперь вблизи. Вокруг черные от пороховой гари тела, искаженные лица, поднятые к небу в проклятии кулаки. С грохотом рушатся мачты и реи, убивая и калеча людей. Громовые приказы офицеров по рупору. Все вокруг пылает, взрывается, разламывается на куски. Клубы едкого дыма вырываются из пробоин.

Задыхаясь в дыму, с залитыми потом глазами, с гудящей головой Пьер-Андрэ, как и весь экипаж «Монарка», с неистовой энергией работает у пушки среди луж крови, спотыкается о тела убитых. Вокруг с визгом летят куски дерева, щепки. При взрыве бомб его обдают жаром удары горячего воздуха. Его томит страшная жажда.

Сражение длится уже пятый час. «Монарк» все еще держится. Французские моряки полны решимости дорого продать свои жизни. Но увы!

Капитан Ле Бедоер убит. Заряды подходят к концу. Затравленный, обложенный со всех сторон, корабль агонизирует. Его пушки умолкают. С изуродованной грот-мачты медленно сползает флаг. К борту «Монарка» подходят шлюпки с англичанами, которые берут в плен уцелевших офицеров и матросов. Сюффрен в их числе.

Французского арьергарда не существует более.

Хоук с тем же ожесточением набрасывается на головные корабли д'Этандюэра. И к заходу солнца сдается «Тридан», двумя часами позже «Террибль». Уже темнеет. На море подымается волнение. Корабли взлетают на волнах, проваливаются между ними. Но противники, борясь с разбушевавшимся морем, не прекращают сражения.

Английской эскадре теперь противостоит лишь «Тоннан» самого д'Этандюэра и «Интрепид» капитана Вудрея. Д'Этандюэр – опытный морской волк. Ему 65 лет, и это его 23 кампания. Не желая сдаваться, он стойко держится против своры кораблей противника. Вдалеке «Тоннан» выглядит подбрасываемой волной темной массой. Все его восемьдесят пушек палят без перерыва, прорезая ночную темень яркими вспышками. Упорно сопротивляется и «Интрепид». Вудрей вдруг замечает, что огонь «Тоннана» слабеет, и не колеблясь спешит на помощь своему шефу. Рискуя быть потопленным бортовыми залпами, он отважно проходит сквозь всю эскадру Хоука, занимает место впереди д'Этандюэра. И оба корабля, с поврежденными мачтами, изорванными в лоскуты парусами возобновляют сражение, защищаются вплоть до полуночи.

Сражение идет уже двенадцатый час. У англичан, хоть они и побеждают, силы тоже на исходе. Гул сражения наконец умолкает.

К рассвету «Тоннану» и «Интрепиду» чудом удается избежать плена или гибели.

«Никогда еще французские моряки не бились лучше в столь невыгодных для себя условиях, не продавали так дорого свою жизнь», – писал позже один из англичан, участник сражения при мысе Финистер.

Этот кошмарный бой, в котором Хоук захватил шесть французских кораблей, накрепко засядет в память Сюффрена, станет для него великим уроком. Он увидел воочию, что такое умелый маневр и атака, предпринимаемые решительным человеком, который в полной мере использует выпавший на его долю благоприятный шанс..., а также и то, на что способны храбрецы, когда у них нет иного выбора, кроме как умереть.

Хоук обошелся с пленными не совсем по-джентльменски – доставил их в устье Темзы в трюмах своих кораблей. Впрочем, англичане в ту пору обращались с пленными без излишних строгостей. Простых матросов размещали внутри страны и на побережье. Держали их скорей как солдат в казарме при режиме, напоминающем режим для несостоятельных должников. Офицеры пользовались относительной свободой. Отпущенные «под честное слово», они скрупулезно держали это слово. В Англии и Франции с этим не шутили. Нарушителя ожидало суровое осуждение коллег.

Пленным французским морякам оставалось лишь гадать, удалось ли торговым судам избежать плена или гибели. Если удалось, то их усилия были не напрасными. По общему мнению, будь в эскадре побольше кораблей, она не потерпела бы такого разгрома.

В таких морских баталиях, когда моряки ведут бой на тесных качающихся палубах, когда в любой момент можно сгинуть в огне или при

взрыве, первыми гибнут безусые гардемарины. Но наш герой уцелел. Мы видим Сюффрена среди пленных. Он чувствует себя смертельно униженным, оскорбленным случившимся. С горечью вспоминает о беде, постигшей конвой.

Уехать, забыть!

В плену Сюффрен пробыл недолго. По мирному договору, подписанному 18 октября 1748 года в Экс-ла-Шапеле, был произведен обмен пленными, и он вместе с другими моряками возвращается во Францию. Один из начальников Сюффрена, д'Эстурмей, обращает внимание морского министра на отчаянную отвагу гардемарина, и королевским указом Сюффрен производится в знаменщики. Он получает белый шарф, первый знак отличия. Ему уже восемнадцать лет.

Сюффрен снова в Тулоне. Но в порту почти нет кораблей. По улицам бродят толпы оставшихся не у дел моряков. И Сюффрен решает взять отпуск, навестить родню.

Экипаж мчит его прочь от Тулона. Сюффрен одним взглядом охватывает оливковые рощи, виноградники на склонах, укрепленные деревеньки на гребнях холмов. Неистово звенят цикады. Дует мистраль, напористый и колючий северо-западный ветер, который делает небо Прованса таким чистым и безоблачным. Под порывами мистраля шумят пробковые дубы, волнуются травы, летят опавшие листья. До слуха Сюффрена доносятся ропот водопадов, журчанье ручьев. Прованс изобилует водой.

Далеко-далеко на севере видны предгорья Альп, с каменистых склонов которых до середины лета не сходят снега.

Со всех сторон до слуха знаменщика доносятся песни крестьян, работающих в садах и виноградниках. Жизнь здесь идет своим чередом.

Сюффрену дорог каждый камень его родного Прованса.

Прежде всего он, разумеется, посещает Сен-Канна, где впервые увидел свет, затем Экс-ан-Прованс, где его отец был первым консулом, Ришбуа, и, наконец, Салон, где живут члены старшей ветви Сюффренов.

С особым чувством знаменщик посещает Драгиньян, где живет Мария-Тереза, подружка его детства. Сюффрен изумлен, очарован, не верит своим глазам. Куда девалась угловатая и долговязая девочка-подросток! Перед ним прелестная дева. Изящная фигура. Красивое лицо с правильными, хотя и несколько резкими чертами. Живые глаза. Густые, тщательно убранные волосы. Негромкий голос. Сюффрен, откровенно любуясь Марией-Терезой, с воодушевлением рассказывает ей о сражении при мысе Финистер, об отваге французских моряков, о капитане Вудрее, спешащем на подмогу своему шефу, о гардемаринах, погибающих с возгласами: «Да здравствует король!» Рассказывает об истерзанных в клочья белых с голубыми лилиями флагах, развевающихся в клубах порохового дыма. И не сыскать ему более заинтересованного и благодарного слушателя.

Сюффрен наносит Марии-Терезе второй, третий визиты. Она старше его на четыре года. Но какое это имеет значение? Сюффрен готов стать перед Марией-Терезой на колени, готов отдать ей свое сердце. Но в то же время почти с ужасом ощущает, что из сердца его уже ничто не вытеснит море и корабли, к которым он прикипел душой. Две плохо совместимые любви! Пока Сюффрен мучается над этим вопросом, все понимающая Мария-Тереза, несколько

смущаясь, решается сказать, что она... недавно помолвлена. Ее будущий муж – морской офицер, капитан граф д'Але де Корбле...

Какой удар! Какое разочарование! Скорее прочь из Драгиньяна!

Сюффрен давно уже носит на груди восьмиконечный крестик из золота на белой эмали. Мальтийский крест. Ведь одиннадцать лет назад он был принят кандидатом в рыцари Ордена. Теперь самая пора отправляться на Мальту и, как того требует устав Ордена, заняться своим прямым делом: плавать в турецких водах на галерах великого магистра. Туда-то он и направит свои стопы. Там легче будет забыть о Марии-Терезе.

Глава третья

НА ГАЛЕРАХ ОРДЕНА

Мальта

В апреле 1748 года Сюффрен покидает Францию. С борта корабля он смотрит на то, как мимо проплывают берега Италии и Сардинии, пока наконец перед его взором не возникает плоский остров с обрывистыми берегами. Кое-где сосны, пальмы, цепляющиеся за камни кактусы. Длинные крепостные стены. Форты с зубчатыми башнями.

Вот и Валетта с ее системой мощных укреплений, двойным рейдом со множеством закоренных кораблей под флагами разных стран. Построенный амфитеатром город тянется кверху бастионами, куполами, колокольнями. Реют на ветру красные флаги с белым восьмиконечным крестом. Набережные полны зевак. Едва корабль бросил якорь, к нему устремляются лодки со странными высокими гребнями на носу и корме. На лодках празднично одетые дамы и кавалеры. Звучит музыка...

Сюффрен очарован видом столицы рыцарей. Сын первого консула и прокурора Прованса – колыбели Ордена, он отнюдь не чувствует себя на Мальте чужаком. Перед отъездом из Тулона он запасся рекомендательными письмами, и друзья семьи Сюффренов спешат выразить готовность оказать ему любую помощь, любую услугу. Все это Сюффрен принимает с великой благодарностью. На юношу любо поглядеть. Он крепкого сложения, обладает отменным аппетитом. Все уже слышаны об участии Сюффрена в сражении при Финистере, об его отваге. Он становится всеобщим любимцем. Прежде всего Сюффрен отправляется, как здесь говорят, «поцеловать руку» великого магистра...

Его высокопреосвященство, великий магистр Мануэль Пинто де Фонсека живет во дворце на улице Страда Реале в окружении пажей и телохранителей. В его свите многочисленные должностные лица: главный постельничий, главный виночерпий, дворецкий, старший сокольничий, начальник кавалерии, старший конюший и так далее, много военных. Сюффрен предстает перед человеком весьма сурового и величественного вида, приветствует его низким поклоном, удостоивается нескольких ничего не значащих фраз.

Манозель Пинто де Фонсека, шестьдесят восьмой великий магистр Мальтийского ордена, амбициозен, страстно влюблен в свою власть, которой не желает делиться ни с кем. К сожалению, кое-какие мелкие грешки, например, слишком уж большое пристрастие с прекрасному полу, переплавка иностранных монет из золота, большие расходы на поиски философского камня слегка омрачают его славу и величие.

Сюффрен не имеет обо всем этом ни малейшего представления. Он спешит ознакомиться со здешними порядками и обычаями, и находит, что они весьма своеобразны. Мальтийский орден не похож на другие ордена, которых немало в Европе. Рыцари, выходцы из разных европейских стран, подразделяются на классы, или, как говорят здесь, на «языки». Всего «языков» восемь: один для Германии, один для Англии (он почти прекратил свое существование после религиозной реформы в этой стране), по одному для Италии, Испании и Португалии, три для Франции – «языки» Франции, Прованса и Оверня. У каждого «языка» свое правительство, свои законы, свой общий дом – оберж, где рыцари обедают за одним столом, обсуждают свои дела. Возглавляют обержи «большие кресты», старшие рыцари, которые являются как бы министрами Ордена. Сюффрен узнает о том, что глава обержа Франции носит титул великого госпитальера, и что в его обязанности входит надзор за госпиталями, рынками, торговыми лавками и дорогами. Глава обержа Оверня именуется маршалом. На публичных церемониях маршал неизменно фигурирует с жезлом из слоновой кости в руке. Он может «жутко» наказать провинившегося в чем-либо члена братства, заставить его пить не вино, а воду, одну только воду! Таким правом не обладает ни один другой «большой крест». Во главе обержа Прованса стоит великий командор, фигура более значимая, чем все остальные «большие кресты». Он отвечает за казну и зерновые склады, за артиллерию. Глава обержа Италии – великий адмирал, командует галерным флотом Ордена. Немаловажные обязанности несут и остальные «большие кресты».

«Поцеловав руку» великому магистру, Сюффрен спешит узнать, какова будет его роль в делах братства рыцарей, чем занимаются новички на Мальте. Образ Мальты имеет для Сюффрена, как и для всей молодежи, огромную притягательную силу. Еще не угасли отзвуки крестовых походов, знаменитого морского сражения при Лепанто, в котором объединенные эскадры христианской Европы наголову разбили мощный турецкий флот. Но при взгляде изблизи образ этот изрядно тускнеет в глазах знаменщика. Какая-то причудливая смесь давних героических традиций, показной пышности и аскетизма. К тому же, с самого начала целью Ордена, религиозно-воинского братства, были не только защита паломников-христиан ко Гробу Господню, но и оказание помощи больным и раненым. В Валетте действует Святой госпиталь, услугами которого могут пользоваться больные и раненые без различия пола, национальности и вероисповедания, в том числе и местные жители. Казна Ордена отпускает на это немалые деньги. По пятницам Госпиталь обязан посещать сам великий магистр, чтобы вместе с «большими крестами» в качестве рядовых санитаров ухаживать за больными. По крайней мере, так предписывает Устав. Согласно давней традиции, больных в Госпитале кормят с серебряных тарелок.

Сюффрен прибыл на Мальту преисполненный жажды сражений, а тут изволь заниматься больными, исполнять роль сиделок у их изголовья. Нет, это никак не согласовывается с его планами. Кроме того, Сюффрен, как и вся

молодежь Ордена, испытывает немалые трудности с жильем и питанием. Род Сюффрена небогат. Если рыцари из высших сословий живут на широкую ногу, то в низших слоях братства положение тяжелое. Мизерное жалованье выплачивается нерегулярно. И хорошо еще, если казна не заменит «живые» деньги свертками тканей, коврами и прочим товаром. Ведь, основные доходы большинства рыцарей определяются размерами взятой в бою добычи, которую они привозят на галерах по завершении своих «караванов» - традиционных морских походов на неверных.

И главное разочарование для Сюффрена: Орден переживает не лучшие времена. Эпоха крестовых походов давным-давно миновала, поле деятельности для госпитальеров с каждым годом сужается. Поэтому многие рассматривают братство рыцарей лишь как источник почестей и выгод. Командоры, прочие высшие чины, усердно следуют примеру любвеобильного великого магистра. Выполнив кое-как свой долг перед Орденом, они предаются разгулу в тавернах порта Валетты, в загородных домах. Главное занятие большинства – любовные шашни, дружеские пирушки, праздники на воде. Молодые рыцари охотно принимают участие в этих увеселениях, что не прибавляет славы Ордену.

Нет, все это не для Сюффрена. Развлечения, галантные подвиги – всего лишь эпизоды в его биографии. В жилах подвижного и активного молодого человека бурлит бойцовская кровь. Во всей его дальнейшей карьере мы видим все ту же жажду деятельности, стремление пуститься к новым берегам.

И вот уже мы видим Сюффрена на борту галеры...

Суровая школа

Мальта, хоть она уже далеко не та, что была ранее, по-прежнему оказывает посильные услуги христианству. Мальтийские галеры выполняют роль полиции на Средиземном море, преследуют корсаров-берберов. Ибо берберы все еще отваживаются на «раззии» - дерзкие высадки в Испании, Италии и Франции с целью захвата пленных. На флоте Ордена обретают навыки в морском деле молодые дворяне европейских стран.

Сюффрен знакомится с величественными и в то же время зловонными галерами, берберскими шебеками с их косыми «латинскими» парусами и острыми бушпритами.

От галер, как боевых единиц, уже отказались на флоте короля Франции. Но, возможно, Сюффрен еще застал последние из них, когда те входили в порт Тулона расцвеченные флагами и вымпелами, с «шатрами» из бархата и узорчатых тканей, большими судовыми фонарями на раззолоченной корме. Захватывающее зрелище для новичков!

Сюффрен находит, что на этих весельных судах, плоских и внешне красивых, легко скользящих по морской глади, все не так, как на высокобортных кораблях. У них иная «архитектура» и иное общее устройство, иные мачты, иные паруса. Даже команды на галерах отдают на своеобразном жаргоне, в котором густо перемешаны слова из провансальского, испанского и арабского языков. Ничего похожего на термины, принятые на парусном флоте. Не палуба, а покрытие, не руль, а тимон, не правый и левый борта, а декстр и сенестр. Не бросать якорь, а кидать железо. Северный ветер – трамонтана, южный – мижур. Юго-восточный – сирокко, северо-восточный – грек. Не сразу разберешься в этой тарабарщине.

И нечто совершенно новое для Сюффрена – шиурма, команда гребцов. Среди них осужденные на каторгу преступники, купленные в турецких портах рабы и захваченные по побережью Средиземного моря пленники. Есть еще и так называемые буоневольты – добровольцы. Это профессиональные галерники, бедолаги, которые, не имея иных средств к существованию, за гроши продают самих себя на галеры, согласны питаться заплесневелым хлебом и черными бобами, быть день и ночь прикованными к скамье, в жару и холод до изнеможения работать на веслах.

Впервые поднявшись на высокую корму галеры, Сюффрен окидывает ее пытливым взором. Галера похожа на огромную деревянную рыбу. На носу у нее шестиметровый таран с бронзовым наконечником. Над тараном рамбады-платформы, где перед абордажем накапливаются солдаты и матросы. Под рамбадами зияют жерла пяти пушек разных калибров. Посередине галеры тянется узкий дощатый помост – курси, который завершается эспалем, еще одной платформой, предшествующей кормовой части. По обе стороны курси, перпендикулярно к ней, расположены скамьи для гребцов – двадцать пять слева и столько же справа. Передняя мачта – тринкет и главная – местре снабжены огромными треугольными парусами. На Средиземном море их называют латинскими. Самая высокая часть галеры – а ее середина возвышается едва ли на метр над водой – это корма. На задней оконечности кормы растянута на деревянных рейках матерчатая беседка, которую моряки называют шатó - зámком, каретой или дарохранительницей. Корма в золотой позолоте, украшена фигуринами, с большим фонарем и флагом братства. Здесь место капитана, его помощников.

Находясь на юте в группе офицеров в красных куртках с белыми отворотами и обшлагами, Сюффрен с живым интересом наблюдает за тем, как галера готовится к отплытию. Никогда ранее не приходилось ему видеть, чтобы на столь малой площади умещалась такая масса людей. От кормы до носовой части галеры видны одни лишь головы. Двести пятьдесят гребцов в колпаках и плащах с широкими рукавами сидят прикованные к скамьям, по пять за каждым веслом. На рамбадах и курруарах – узких платформах вдоль бортов, разместились солдаты. Суетятся матросы. Хлопочут у пушек канониры. На баке – носовой части галеры, экипажем командует лейтенант, у главной мачты – знаменщик. В экипаж входят еще и лоцман, хирург, писарь, мажордом, а также капеллан – священник, который, согласно Уставу Ордена «должен обладать честностью и добротой – качествами присущими его профессии, быть справедливым и милостивым, обслуживать как вольных людей, так и галерников, ибо все души одинаково дороги Господу Богу». На галере есть еще аргузаны – погонялы рабов, наглые и бессердечные парни, которые заковывают гребцов в цепи, бреют им головы и бороды, хлещут бичами, пытаются и «хоронят» в море. И, наконец, комит, глава надсмотрщиков, ужас шиурмы, весьма важная фигура среди прочих персонажей.

Капитан, стоя перед шато, дает команду к отплытию. В двух шагах от него находится комит, которого именуют «ностр-ом» - наш человек. Комит передает команды шиурме с помощью серебряного свистка. «Наш человек, предупреди, - говорит капитан. – Выходим в море. Дать прощальный выстрел». Тотчас грохочет пушка. Звучат новые команды, сопровождаемые условными свистками: «Внимание, все по местам!» Галерники с громом цепей опускаются на скамьи, стаскивают с себя плащи и рубахи, обнажаются до пояса. Матросы отдают швартовы, по наклоненным к воде веслам втаскивают на борт шлюпку,

подымают якоря. «Наш человек, предупреди, - вновь обращается капитан к комиту. – Весла на воду». Галерники разом ставят весла в уключины, берутся обеими руками за скобы на вальках. Сейчас самая пора глубоко вдохнуть воздух, приготовиться.

«Паламанта (все весла галеры) должна работать как единое целое, - говорится в Уставе Ордена. – Шиурму, эту банду лентяев и бродяг, ненавидящих работу, следует держать в страхе и покорности...»

«Наш человек, - продолжает капитан. – Предупреди...» Модуляции серебряного свистка. Наконец, команда: «Грести всем!» И галерники, напрягши мускулы, приводят в движение громадные в двенадцать метров длины весла.

Галера покидает порт. Под ритмичные удары барабана пенят воду весла. Профессией галерника не овладеть в один день. Для этого нужны недели практики. Нарушивший ритм работы весел рискует разбить себе голову или грудь, ставит под угрозу наказания себя и товарищей. По курси ходят взад-вперед сукомиты и аргузаны с бичами из воловьих сухожилий, готовые наказать нерадивых и непокорных. «Прибавить скорость!» И галера набирает скорость почтовой кареты. «Еще быстрее!» На галере воцаряется ад кромешный. Весла бьют воду все чаще. Звучат хлесткие удары, вопли, проклятия. Ряды голых, покрытых кровавыми рубцами спин вибрируют словно барабаны. А между тем, как сказано в Уставе, «...комит должен любить шиурму, заботиться о ней, сохранять ее в целостности». Главное, он не должен забивать галерников до смерти, ибо это прямой убыток казне Ордена.

В открытом море, когда нет спешки, попеременно работают то одна, то другая часть шиурмы. Но вот подул умеренный попутный ветер, и вновь слышен голос капитана: «Наш человек, предупреди...» Далее следуют команды: «Паруса ставить! Шкоты тянуть! Все разом!»

Галеры Ордена крейсируют в латинских морях – у берегов Италии, Франции, Испании. Их капитаны защищают интересы великого магистра, собирают десятину – десятую часть доходов с командери, бальяжей и приоратов – земельных владений Ордена, конвоируют караваны торговых судов, бросают якоря в порту Барселоны, у острова Менорка, в Мессине и Неаполе. Столкнувшись в море с берберскими шебеками, обмениваются с ними пушечными ударами. Если удастся, берут их на абордаж. Уцелевших берберов заковывают в цепи, сажают за весла.

Какая все-таки поразительная картина – галера! Какие контрасты. С одной стороны позолота и пышность, офицеры в блестящих униформах, а с другой галерники, прикованные к скамьям, где они работают, спят, едят и пьют, мечутся в тифозном бреду. Режим ужасающе свиреп. Сюффрен видит, с помощью каких бесчеловечных методов капитаны заставляют галерников делать до двадцати шести гребков в минуту, без малейшего отдыха работать по семь – восемь часов подряд. Не один, а десятки раз видит он шиурму околевающей от непомерных усилий, комитов и аргузанов, «взбадривающих» гребцов бичами. А капитан, негодуя, грозит выбросить «бездельников» за борт.

В этой суровой школе Сюффрен закаляется телесно и духовно. Но не черствеет душой. Главное то, что он досконально знакомится с капризным Средиземным морем, где так изменчива погода. Сюффрен отмечает про себя сильные и слабые стороны галеры. Игрушка стихий в сильное волнение, она идеальна для погони, стычек и засад. Быстрая и маневренная, галера может двигаться как на веслах, так и под парусами. Ей не страшен штиль. Сюффрен

обретает зоркость глаза, учится действовать быстро и решительно. Такая жизнь, полная тревог и опасностей, погонь и абордажей длится четыре года.

Двадцати лет отроду Сюффрен обретает сан рыцаря. Торжественный день, полный церемоний. Став на одно колено перед тронном великого магистра, Сюффрен принимает обет послушания, бедности и целомудрия, обязуется и впредь душой и телом служить Ордену. На макушке головы у него выбривают пучок волос. Это тонзура, знак монашества.

Священник возвращает его шпагу со словами: «Прими это оружие во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Пользуйся им для самозащиты, для защиты святой божией церкви и, насколько возможно, не обнажай его против кого-либо несправедливо...»

Через некоторое время Сюффрен узнает о том, что Мария-Тереза, его дорогая Мария-Тереза, овдовела на следующий же год после замужества. Станный, неожиданный поворот судьбы.

В марте 1751 года Сюффрен возвращается во Францию. Ему уже двадцать два года.

Жизнь сложна

Мария-Тереза теперь – графиня де Сейян. Овдовев, она живет в уединенном поместье Бурригай, что в десяти лье от Драгиньяна.

Некоторое время между Сюффреном и Марией-Терезой идет переписка. И в один прекрасный день верный Жак возвращается с ответом на последнее письмо, отправленное Сюффреном накануне в Бурригай. Ответ в одно слово – да!

Экипаж минует крепостные ворота Тулона, стражников с их алебардами. Предвкушая встречу с Марией-Терезой, Сюффрен мчит на север. Перед его взором открывается пыльная дорога с темными кипарисами по сторонам. Он жадно вдыхает ароматы розмарина, лаванды и тимьяна. Щелкает бич, звенят бубенчики. Колеса экипажа гремят по булыжнику одного, другого, третьего городка с их непременноми платанами и фонтанами. Каменные стены домов толщиной в ярд, покрыты трещинами и дырами, как швейцарские сыры. Многие старинные постройки заброшены, превращены в овчарни.

Из распахнутых настежь окон доносятся громкие песни и несвязные разговоры, звон кубков, удары кулаков по столам. У дверей он видит женщин за вязанием. На окраинах городков дымят большие печи, от которых тянет волнующими запахами свежеспеченного хлеба. Тут же рядом пекари замешивают тесто, лепят караваи. Горячий хлеб, выпеченный с душой, необычайно вкусен, знает Сюффрен.

На главной улице одного из городков кучер вдруг натягивает вожжи: навстречу с блеянием, стуком сотен копыт, серым валом движется отара овец во главе с бородатым пастухом. В руке у пастуха высокий библейский посох.

Сюффрена прошибает слеза. Любезный его сердцу старый добрый Прованс! Вот и Бурригай, обширное поместье. Его словно держат в ласковых ладонях бархатные холмы, уступами уходящие на север. Сюффрен взволнованно глядит на шато – двухэтажный дом розовато-охряного цвета под почти плоской крышей, с просторными террасами, решетчатыми давно не крашеными ставнями на окнах. Как славно угнездился старый дом! Вокруг него шелестят листвой каштановые деревья. Рядом фонтан с небольшой каменной

раковиной. Чуть в стороне старая голубятня. Вот где живет теперь Мария-Тереза!

Уже вечер. Заметно свежеет. Узкой песчаной дорожкой Сюффрен огибает шато, не спеша подымается на заднюю террасу, где начиная с XI века проводили вечера за добрым вином бесчисленные поколения хозяев Бурригая.

Сюффрен звякает колокольчиком. Опершись ладонями о спинку кресла, неотрывно смотрит на дверь, обитую гвоздями с широкими шляпками. И вот, в ее узком проеме появляется изящный женский силуэт. Мария-Тереза! Сюффрен, протягивая руки, спешит ей навстречу.

Захлопнуты все двери. В шато, кроме них, нет ни души. Слуги разосланы кто куда. Важно оберечь честь графини де Сейян и мальтийского рыцаря Сюффрена.

Наконец-то Сюффрен наедине с дорогим для него существом! О чем были у них разговоры в ту звездную летнюю ночь? Главным образом о том, что жизнь сложна, что все складывается не так, как хотелось бы. Сюффрен теперь связан обетом безбрачия и не может жениться на Марии-Терезе. Но что делать? Она будет утешаться мыслью, что Пьера-Андре ждет великое будущее, что о нем узнает вся Франция.

Далеко за полночь гаснет свет в окошке опочивальни Марии-Терезы. Любовники соединяются душой и телом.

- А помнишь, как в детстве мы решили пожениться? – шепчет графиня на горячей подушке. – Увы! Не сложилась судьба. А мы были бы такой славной парой...

Наутро Мария-Тереза дарит Сюффрену медальон со своим портретом. Берет с него клятву постоянно писать ей письма:

- Я хочу знать все о тебе, о твоих делах...

Сюффрен терпеть не может писанины. Однако, человек слова, он будет посылать письма в Бурригай, посылать регулярно, при малейшей возможности. Мария-Тереза навсегда станет единственной поверенной его сердца.

Назавтра экипаж уносит Сюффрена обратно в Сен-Канна. Оттуда в Тулон, к морю, кораблям.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА **1756 – 1763 г.г.**

«Интересная игра»

Подписанный в 1748 году мир с Англией не изменяет ровным счетом ничего. Как и раньше, что ни день, то неприятная новость: там англичане нарушили границы французских колоний, тут обстреляли и взяли на абордаж торговые суда.

Идут годы. Летом 1755 мы видим Сюффрена на борту «Дофан-Рояля», который входит в эскадру из восемнадцати вымпелов под командой Буа де Ла Мотта. Пока эскадра крейсирует в туманном море близ Ньюфаундленда, от нее отделился небольшой отряд кораблей: «Алкид», «Лиз», и «Дофан-Рояль». Вдруг появляются англичане. Без всяких преамбул требуют отдать салют их флагу. Трижды Блинкур, капитан «Алкида», спрашивает с кормовой галереи своего корабля: «Мы воюем? Или между нами мир?» Но англичане притворяются, будто не слышат. Блинкур тогда берет рупор, повторяет вопрос и слышит в ответ: «Мир! Мир!» За этим следуют ничего не значащие переговоры, и вдруг гремит команда: «Огонь!» Батареи англичан изрыгают пламя. «Алкид», застигнутый врасплох, получает несколько бортовых залпов, теряет руль и мачты. Он отвечает, но в бок ему вгрызлись пять вражеских кораблей. «Лиз», со своей стороны, ведет бой один против трех. Силы слишком неравны, и исход боя предreshен. Из ловушки сумел вырваться лишь «Дофан-Рояль», великолепный ходок.

Сюффрену, как и всему экипажу «Дофан-Рояля», пришлось пережить немало тревожных часов, пока уходили от погони. Черт побери! Эти островитяне вероломней берберов!

Между тем, эскадру Буа де Ла Мотта атакует адмирал Боскавен. Англичане захватывают на просторах морей и океанов более трехсот военных и торговых судов Франции, увозят их в Лондон, Портсмут.

Это война!

Сюффрен, вернувшись из Америки с эскадрой Буа де Ла Мотта, находит Тулон охваченным горячкой. В августе 1755 года интендант Тулона Вильбланш получает приказ из Версаля снарядить эскадру из двенадцати боевых кораблей. Интендант тогда выписывает из Ниццы и Генуи судовых плотников, кузнецов, вербует экипажи. К Тулону прибывают двадцать пять батальонов с артиллерией, тяглом и боеприпасами. К чему бы все это? Никто ничего не знает.

Известно лишь, что командовать войсками поручено маршалу Ришелье, а эскадрой – маркизу Галиссоньеру. Первый знаменит своим блестящим положением при Дворе, отвагой и победами над женскими сердцами. Совсем не то маркиз Галиссоньер. Этому хилому горбатенькому человеку уже за шестьдесят. Он обременен многочисленной семьей и настолько беден, что позже королю придется оплатить его похороны. Но Галиссоньер опытный моряк, знает свое дело.

Лишь перед самым отплытием становится известно, что армии и флоту поручено выбить англичан с острова Менорка. Этот остров, часть Балеарского архипелага близ восточного побережья Испании, имеет огромное стратегическое значение.

Сюффрена мы видим на борту «Орфея».

10 апреля 1756 года, чуть свет, эскадра покидает Тулон. В ее составе двенадцать линейных кораблей и пять фрегатов, сто семьдесят шесть транспортов с войсками, артиллерией и боеприпасами. Но, как назло, ветер вдруг меняет направление, и эскадра вынуждена стать на якоря у островов Йэр.

Ришелье, как и подобает его сану, погрузился на флагман «Фудроян» с многочисленной свитой. На «Фудрояне» с утра до вечера суета и беготня слуг, поваров и поварят, стук посуды. Разносятся кухонные ароматы. Маршал, чтобы убить время, сидит в кают-компани, ведет светские разговоры, играет в «вист». Порой, отодвинув карты, идет к окну корабельной галереи, чтобы выглянуть наружу. По пути спрашивает Галиссоньера:

- Как вы думаете, маркиз, долго ли продлится этот встречный ветер? Пока мы топчемся здесь, на Средиземное море успеют стянуться все эскадры Англии.

- Месье маршал, - бесстрастно отвечает Галиссоньер. – Мне случалось однажды прибыть сюда от Гибралтара за три дня, но туда я добирался целых три месяца. Так что прогнозы здесь вещь ненадежная...

К счастью, вскоре подул северный ветер. И 18 апреля, в Пасху, эскадра оказывается у берегов Менорки. Ришелье почти без боя занимает Порт-Махон.

15 апреля 1756 года в кают-компани «Орфея» был великий шум, звенели бокалы, лилось вино. Коллеги чокались с Сюффреном, поздравляли его с присвоением звания лейтенанта. А уже 20 мая новоиспеченный лейтенант оказывается в самой гуще важных событий. Явился английский адмирал Бинг с эскадрой в 34 вымпела, десантными войсками.

Третье сражение в жизни Сюффрена. Вновь неспешные, мудреные маневры кораблей. Обе эскадры выстраиваются в линии. Все происходит точь-в-точь как перед сражением у Тулона.

В два часа дня Бинг дает сигнал своей эскадре начинать бой. Первыми сталкиваются авангарды. Французские канониры ведут ураганный огонь, и к трем часам авангард Бинга серьезно потрепан. Входившие в него корабли сбиваются в беспорядочную массу. В линии противника обозначилась зияющая брешь. С борта «Орфея» Сюффрен, как и все офицеры, ясно видит, что именно следовало бы предпринять. Самый бы момент отрезать авангард Бинга от ядра его эскадры, окружить и уничтожить потрепанные английские корабли.

Но почему Галиссоньер не дает нужной команды? Тем более, что Бинг лишь стремится восстановить линию. Уникальный шанс никогда больше не повторится. Маневр напрашивается сам собой, сулит так много, что шеф французского авангарда капитан Гландеве направляет к «Фудрояну» на шлюпке офицера с просьбой предпринять необходимые действия. Но Галиссоньер

непоколебим. Опытный флотоводец, он тем не менее привержен академическим правилам ведения морского боя. Как и Бинг, не желает идти ни на малейший риск. Разве не вдалбливали ему в голову министр и сам король, чтобы он берег корабли, ограничился лишь взятием Порт-Махона? До самого вечера Галиссоньер ведет артиллерийскую дуэль с эскадрой Бинга. Все по правилам. Все просто великолепно. Но, увы! Как всегда, немалые людские потери и никаких ощутимых результатов.

Сюффрен не верит своим глазам. Упущена верная победа! Право, чрезмерная осторожность сродни глупости. Галиссоньер мог и должен был уничтожить эскадру Бинга, но не сделал этого. Такими методами разве добьешься успеха? И, в конце концов, зачем бьются с противником? Да, зачем, черт побери? Разве не затем, чтобы, улучив момент, сломать ему хребет?

Английская эскадра не разбита, а лишь отогнана...

Маршал Ришелье вместе со свитой весь день наблюдал с берега за ходом сражения. Весьма тревожился. Для разрядки отпускал шутки:

- Они ведут интересную игру. Не так ли, господа? Если месье Галиссоньер отколотит Бинга, мы продолжим осаду форта хоть в ночных шлепанцах. А нет, так пойдем на приступ как крайняя мера...

«Поле боя» осталось за французской эскадрой, и маршал повел войска на приступ форта Сен-Фелип. Повел сам лично, под барабанный бой. 29 июня английский гарнизон капитулировал.

Проблеск успеха в непроглядной тьме позора и унижений, коим стала для Франции Семилетняя война.

Для Сюффрена ход сражения у берегов Менорки и осада форта Сен-Фелип – пища для долгих раздумий. Придерживаясь пресловутой линии, паля издалека по противнику, успеха едва ли добьешься. Нужны более активные, решительные действия. Пройдет немного времени, и Сюффрен объявит теорию де Морога вздором, будет восставать против нее на протяжении всей своей карьеры. Главной целью любой морской или сухопутной войны должно быть уничтожение флота или армии противника. Без этого любая победа бесплодна. И еще: успехи англичан, гордящихся своими эскадрами, объяснимы лишь инерцией и тактическим невежеством французских флотоводцев.

18 июля, через три месяца после ухода от берегов Франции, эскадра вернулась в тулонский порт. Батальоны высаживались с кораблей под крики зевак, гром орудий, трезвон колоколов.

Сюффрен – свидетель того, как при огромном стечении народа Ришелье и Галиссоньер проходят под воздвигнутой в их честь триумфальной аркой, как на крыльце городской ратуши они принимают поздравления властей, слушают напыщенные речи. И знать не знает, ведать не ведает скромный лейтенант, что однажды и он сам, овеянный славой флотоводец, подыметя на крыльцо этой самой ратуши.

Но до того дня еще так далеко – целая четверть века!

Гибель эскадры

Успех сражения у Менорки вскружил головы многим. Но, пожалуй, никогда еще флот Франции не был в столь плачевном состоянии. У англичан дела обстоят куда лучше. Ошеломленные поражением у Менорки и потерей форта Сен-Фелип, они вскоре приходят в себя. Адмирал Бинг расстрелян по

приговору военного трибунала. Англия подымает «в ружье» шестьдесят тысяч моряков, снаряжает четыреста военных судов. Ее эскадры, базируясь в Торбее, Спитхедде и Гибралтаре, блокируют морское побережье Франции, атакуют ее корабли, осмелившиеся выйти в открытое море.

Сюффрена мы видим на борту «Осеана», на котором держит флаг шеф эскадры Ла Клю. Ла Клю пассивен, нерешителен. Все чего-то боится. Не решается носа высунуть из Тулона. Явно не верит ни в свои экипажи, ни в корабли. И англичане гоголями плавают у берегов Прованса, безнаказанно захватывают, жгут французские торговые суда.

Сколько же можно терпеть такие бесчинства? Тем более, что дела в колониях идут из рук вон плохо. Нарушена прибыльная торговля. Казна несет огромные убытки. Ла Клю получает строгий приказ выходить в Атлантику, прибыть в Брест. Флот должен будет прикрывать задуманную в Версале высадку французских войск на Британские острова. По старой поговорке: римлян можно победить лишь захватив сам Рим!

Приказ – приказом, да только у Гибралтара цепным псом стоит на страже английский адмирал Боскавен.

5 августа 1759 года Ла Клю решается вывести эскадру из Тулона. У него двенадцать линейных кораблей и пять фрегатов. При прохождении Гибралтарского пролива Ла Клю может спасти только чудо. Но чуда не произошло. Боскавен, едва заметив французскую эскадру, бросается за ней очертя голову. А Ла Клю? Ла Клю помнит приказ Версаля всячески избегать столкновений с англичанами, беречь корабли. И он делает попытку удрать при сильном боковом ветре. К одиннадцати часам ночи Ла Клю дает сигнал потушить кормовые фонари и на всех парусах идти курсом запад – северо-запад. Но капитаны семи кораблей не замечают сигнала, или делают вид, что не замечают, отстают, ищут укрытия в Кадисе. Англичане блокируют их.

К утру 18 августа у Ла Клю остаются лишь семь линейных кораблей. Преследуемый Боскавеном, он выстраивает эскадру в боевую линию. И лейтенант Сюффрен во второй раз становится участником сражения при отходе, или, вернее, бегства от противника. У Боскавена подавляющее превосходство в силах – 14 линейных кораблей, 12 фрегатов, и он может один за другим уничтожать замыкающие корабли Ла Клю. Все обещает повторение боя у мыса Финистер.

«Осеан», на котором находится Сюффрен, вроде ведет себя неплохо. Сблизившись на «ружейный выстрел» с флагманом Боскавена, который идет параллельным курсом, он угощает его бортовыми залпами. На английском флагмане снесены мачты, корабль горит. Боскавен вынужден перейти на борт «Неварка». Впрочем, крепко достается и «Осеану». Паруса на нем в локутьях, на палубах сто убитых и столько же раненых. Сам Ла Клю стонет в пороховом дыму: у него раздроблена нога. Он передает командование Карнэ Марсану, и тому ценой невероятных усилий удается высвободить эскадру из смертоносных объятий. Ее отход прикрывает «Сентавр» под командой капитана Сабран-Граммона. Окруженный пятью вражескими кораблями, «Сентавр» стойко держится до наступления темноты, дает возможность остальным кораблям временно оторваться от преследователей. В бортах у «Сентавра» три сотни пробоин. Мачты наполовину срезаны цепными ядрами. Сам Сабран-Граммон получил девять ран. Когда все силы и возможности сопротивления исчерпаны, «Сентавр» сдается, спускает флаг.

Эскадра Ла Клю теряет еще два корабля. Один из них оказывается в Лиссабоне, другой у Канарских островов. Потому, по правде говоря, что их капитаны не верят более своему шефу.

19 августа за «Осеаном» следуют лишь «Модест», Редутабль» и «Темерер». Ла Клю, несмотря на ужасные раны, вновь берет командование в свои руки. Бедняга по-прежнему тщится удрать, сбересть хотя бы часть эскадры. Он ищет спасение в нейтральных водах. Надеясь на защиту португальцев, ставит свои корабли на шпринг (на два якоря) в заливе Лагос. Наивная надежда! Боскавен без малейших колебаний атакует уцелевшие четыре корабля Ла Клю, предает их огню. И все это на виду у нейтралов – португальцев, чьи береговые батареи не делают ни единого выстрела.

Эскадра Ла Клю уничтожена. На этот раз в плен к англичанам попали две с половиной тысячи французских моряков, в их числе и весь экипаж «Осеана». Никогда еще Франция не терпела столь сокрушительного разгрома на море.

Сюффрену не в чем себя упрекнуть. Он сделал все, что было в его силах. Гибель эскадры потрясла его. Столько непростительных ошибок! В голову лейтенанту лезет крамольная мысль: все эти беды из-за глупости тех, кто нами правит...

«Я попал в плен у Лагоса... - с сокрушенным сердцем пишет он Марии-Терезе. – Англичане уничтожили наши корабли у самого берега, хотя те находились под защитой мола и батарей португальских фортов».

«Второй раз оказаться в плену! Нет, это уж слишком! – кипит в душе Сюффрен. – Везде и всюду натыкаешься на этих проклятых островитян».

Знали бы англичане, какую жажду реванша запалили они в душе французского лейтенанта. Отомстить за унижение Франции станет для Сюффрена главной целью жизни. А эти чертовы португальцы? Позволили англичанам разгромить остатки эскадры Ла Клю в своих территориальных водах! Память у Сюффрена долгая, цепкая. Он еще припомнит португальцам их предательство.

Мрачные раздумья

Сюффрен возвращается во Францию спустя два года после пленения у Лагоса. Война еще не закончена. Она будет тянуться до 1763 года, до заключения Парижского мирного договора. Это безмерное унижение для Людовика XV, так как война начисто проиграна Францией. Уже в начале войны, в ноябре 1757 года, прусский король Фридрих Второй лихо отколотил французских и австрийских генералов в сражении при Росбахе. В результате двух неудачных морских сражений Франция лишилась флота, а значит и своих заморских владений. Англичане вытеснили французов не только из Индии, но и из Канады, из Восточной Луизианы, захватили первенство в морской торговле.

На душе у французских негоциантов скребли кошки при виде того, как «их» деньги текли в чужие карманы.

Франция, первая нация мира с двадцатью двумя миллионами жителей, беспардонно отгеснена на задний план Англией с ее семью миллионами. Обидно, черт побери! Философы, литераторы мелют вздор, пытаются объяснить причины стольких неудач. А причины видны невооруженным глазом. Франция обнищала. В Версале процветает фаворитизм. Администрация в центре и на местах насквозь прогнила. Король и министры не уделяют должного внимания

флоту, стремятся избегать войн. Ни кредитов, ни кораблей. Адмиралы и капитаны назначаются не по способностям и таланту, а по старшинству и чинам. Им предписано придерживаться оборонительной тактики, беречь корабли, и они не желают рисковать ничем. Такая политика обескуражит самых стойких...

В Тулоне нет больше кораблей. Побродив с нелегким сердцем по опустевшему порту, Сюффрен решает ехать на Мальту. Он отправляется туда всякий раз, когда дела на флоте идут не так, как хотелось бы.

На острове рыцарей мало что изменилось со времени первого приезда Сюффрена. Все тот же громадный, сверкающий белизной порт Валетты с галерами на приколе. Те же суровые фасады дворцов с массивными гербами. У власти все тот же Пинто де Фонсека. Несмотря на почтенный возраст великого магистра, женщины и поиски философского камня по-прежнему играют важную роль в его жизни. Как и раньше, прекрасные мальтийки не таясь посещают дворцы престарелых вельмож Ордена. Все так же пьют вино, гогочут в портовых тавернах молодые рыцари.

Сюффрен не принимает участия в этих утехах. Праздность не в его натуре. Разве нечем заняться? Разве берберы не бесчинствуют как раньше у побережий христианских стран, не захватывают пленных, не берут на abordаж торговые суда? Сюффрен вновь надевает красную куртку и уходит в море на галере, этой плавучей каторге. Вновь слышит скрип весел, монотонные всплески воды за бортом, удары бичей по голым телам галерников, вопли, проклятия комитов и их помощников. Два года он гоняется за галерами и шебеками берберов.

В 1764 году первое командное назначение: Сюффрен – капитан трехмачтовой шебеки «Хамелеон». Он плавает на «Хамелеоне» по Средиземному морю, посещает остров Закинф в Ионическом море, остров Итаку – родину Одиссея, Лепанто, где почти двести лет назад, в октябре 1571 года Дон Жуан Австрийский наголову разбил мощный флот турецкого султана Селима Первого Пьяницы. Плавает вдоль берегов Северной Африки. Но нам не дожидаться от Сюффрена красочных рассказов о чудесных островах, на которых обитали древние боги и богини, о розовых берегах далеких экзотических стран, о больших приморских городах Востока с их куполами, мечетями и минаретами. Его интересуют лишь чисто военные дела.

Возвращаясь из дальних плаваний в гавань Валетты, Сюффрен все чаще предается мрачным раздумьям. Годы идут и идут чередой. Время не остановишь. Неужто его мечты о великих делах, великих свершениях так и останутся мечтами? Неужто здесь, на Мальте, на галерах великого магистра суждено ему завершить свою карьеру? Ведь ему уже тридцать пять лет!

Идея фикс

Но нет! В 1765 году мы видим Сюффрена на кораблях Христианнейшего короля Франции. Таков давний обычай: великий магистр как бы «одалживает» королю своих шевалье – рыцарей для службы на флоте Франции. Сюффрен, посетив ранее несколько важных опорных пунктов на побережье Марокко, направляет военному министру герцогу Шуазелю памятную записку, в которой говорит о желательности овладения этими пунктами в предвидении будущих войн. Это не остается незамеченным. Спустя два года Шуазель включает

Сюффрена в состав посольства, возглавляемого Бреньоном, для заключения мирного договора с султаном Марокко...

Сам посол месье Бреньон и его свита выглядят просто великолепно в одеяниях и париках эпохи Людовика XV, которые, впрочем, мало пригодны для таких путешествий.

Покинув Брест, эскадра с посольством на борту прибывает к марокканскому городу Сафи на Атлантическом побережье. Но где же рейд? Вместо него французы видят обширную песчаную косу, закрывающую устье реки. На песок накатываются пенящиеся валы. Добраться до берега не так-то просто. Господа офицеры вынуждены принять холодный душ. В свите Бреньона шестьдесят бомбардиров и столько же музыкантов, капитаны, знаменщики, лекарь и хирург, капеллан, два монаха-мерседера, чей орден занимается выкупом попавших в неволю христиан.

Нагружены подарками величественные драмодеры. Теперь, вперед к Марракешу, столице султана! Но не тут-то было. Султан прислал посольству верховых лошадей, но большинство моряков не умеет ездить верхом. Маленькие лошадки брыкаются, встают на дыбы, норовят сбросить седоков. Кое-кто вылетает из седла. Всеобщие сумятица, беспорядок. Наконец караван отправляется в путь.

Нещадно палит солнце. Сюффрен, который сильно располнел - он любитель хорошо поесть - истекая потом в тесной униформе, едет вместе со всеми на встречу с султаном. По дороге тут и там к каравану на всем скаку подлетают арабские всадники и - знак уважения! - палят из ружей под самым носом членов посольства, что вызывает у Сюффрена крайнее удивление.

На второй день посольство прибывает в Марракеш. Французы разбивают лагерь в великолепном саду у ручья с чистой водой. Воздух полон благоуханьями неведомых цветов. Сквозь густую листву апельсиновых деревьев не проникает ни малейшего шума, слышен лишь стук падающих созревших плодов.

Бреньон вступает в переговоры с Смялей-Дриссом, премьер-министром Его марокканского величества. В день аудиенции посольство собирается на обширной площади, где солдаты-марокканцы, держа ружья «к ноге», образуют громадный полукруг. Все ожидают появления султана. И вот он, верхом на прекрасном коне. Раб держит над сиятельной головой султана большой зеленый зонт, символ его власти. Четверо вооруженных веерами негров отгоняют от него мух. Оркестр бомбардиров дует во всю мочь в свои трубы, гремят барабаны и литавры. Его марокканское величество, выразив свое удовлетворение прибытием посольства, предлагает Бреньону приступить к делу.

Сюффрен держится за спиной у Бреньона. Хорошо знакомый с нравами и обычаями людей Востока, он подсказывает своему шефу детали восточного этикета и протокола. Султан раздражается речью, полной похвал в адрес Бреньона, а толмач переводит ее слово в слово на чистейший французский. Бреньон, не слишком искушенный в ораторском искусстве, что-то бормочет в ответ. Толмач тогда говорит ему:

- Перестаньте шевелить губами, месье. Я знаю, что вы хотите сказать...

И без малейших колебаний произносит на арабском языке длинную речь собственного изготовления.

«Ну и нахал!» - удивляется про себя Сюффрен.

Переговоры оттого ничуть не страдают. У Бреньона поручение – выкупить несколько десятков рабов-христиан. Султан, получив выкуп, возвращает пленников, подписывает соглашение о мире, клянется Аллахом и всем чем угодно на свете в своем миролюбии... полный решимости и впредь творить разбой на море. Такие переговоры будут возобновляться и впредь с тем же успехом. Беда с этими берберами!

В 1767 году, за участие в поездке в Марокко, хотя она и имела чисто дипломатический характер, Сюффрен получает звание капитана фрегата (капитана второго ранга).

С 1769 по 1772 г.г. Сюффрен вновь на Мальте. На своей галере он принимает участие в экспедиции Брова против тунисских пиратов. Удостаивается рыцарского звания командор.

Капитан фрегата, командор – это уже кое-что! Как долго ждал Сюффрен этих званий. Но с этого момента он жаждет получить звание капитана линейного корабля (капитана первого ранга). Сюффрена надо видеть таким, какой он есть. Томясь от невозможности проявить себя, он мечтает о более быстром продвижении по службе. Это становится идеей фикс, заслоняющей все иные мысли и дела, не дающей спокойно спать по ночам. Сюффрен был бы готов отдать все ради того, чтобы иметь возможность командовать, претворять в жизнь разработанные им новые методы ведения морских сражений, в правильность которых верит все душой. Только они, считает Сюффрен, обеспечат победу.

Одолеваемый нетерпением, Сюффрен направляет военному министру письмо с просьбой о своем дальнейшем продвижении по службе. Офицер королевского флота, командор Мальтийского ордена, он на галере «Сен-Антуан» принимал участие в составе эскадры Брова, действовавшей в тунисских водах. Письмо это и поныне хранится в морском архиве. На полях пометка министра:

«Его Величеству известно о том, что месье де Сюффрен оказал важные услуги эскадре Брова. Вопрос о его дальнейшем продвижении пока отложен. Решение будет принято позднее».

Но уже через полтора года Сюффрен получает вождеденное звание капитана первого ранга. Наконец-то!

Сюффрену уже сорок два года. Зрелый возраст.

Глава пятая

КАПИТАН ПЕРВОГО РАНГА

Моряцкий труд

«Первый после Бога на своем судне», - говорят моряки о капитане корабля. Его власть, по существу, абсолютна, непререкаема. Он все предвидит и предопределяет, принимает решения, выносит приговоры без права на обжалование. Стоит ему дать знак, и гигантская машина приходит в движение. Еще знак, и она замирает в ожидании. Он душа корабля. Он дышит одним с ним дыханием, разделяет с ним славу и несчастья. Верный присяге, торжествует победу или погибает вместе с ним.

Сколько лет плесневел Сюффрен на низших должностях, сколько лет добивался своего звания! Теперь-то у него более или менее развязаны руки, и он сможет сполна испытать все темные и светлые стороны своей профессии.

Просто счастье для Сюффрена, что у апатичного и нерешительного Людовика XV хватило ума передать в 1761 году все военно-морские дела способному человеку – Этьену Франсуа Шуазелю (1719 – 1785 г.г.). А Шуазель, занимая этот важный пост до 1770 года, видел своей главной задачей сгладить последствия унижительного для Франции поражения в Семилетней войне. Военный министр ведет дело умело, широко. Нужны корабли? И Шуазель, вопреки традиции, обращается непосредственно к нации. Объявленная им всеобщая подписка имеет шумный успех. Бретань, Бургонь, Артуа и Лангедок, купеческие гильдии, богатые откупщики и обнищавшие на королевской службе дворяне, все дают деньги, все хотят восстановления флота. Затем Шуазель переключает свое внимание на арсеналы, вооружение, на подготовку офицеров и экипажей, на морские учения ввиду возможных в скором времени военных действий против Англии. У него множество умелых и преданных его делу помощников. И флот возрождается с неслыханной быстротой.

Сюффрен – активный участник возрождения боевого флота Франции. Не для того добивался он звания капитана первого ранга, чтобы сидеть сложа руки. В ожидании настоящего дела он многое передумал. В голове – ворох новых идей и проектов. Сюффрен мечтает о радикальных реформах на флоте, которые надо бы срочно осуществлять. Особенно тревожит его проблема подготовки

гардемаринов, слабые стороны которой ему хорошо известны. Он даже подает прошение назначить его начальником школы гардемарин в Тулоне. Готов сменить боевой капитанский мостик на «сидячую» должность начальника юных сорванцов и проказников. Станным может показаться такой шаг для человека, истосковавшегося по настоящему делу, но только на первый взгляд. С точки зрения капитана корабля нет ничего важнее, чем воспитывать будущих морских офицеров в своем духе, в соответствии со своими взглядами и методами.

Рассеянная чиновничья рука положила прошение Сюффрена под сукно. К счастью, наверное...

С ноября 1772 года Сюффрен командует фрегатом «Миньон» (фрегаты на французском флоте носят женские, порой очаровательные имена), и, выполняя различные поручения военного министра, крейсирует в левантских водах, с которыми накоротке познакомился, плавая на галерах великого магистра. Он прибывает к берегам Крита, бросает якорь в порту Измира, заходит в Дарданеллы, где удостоивается аудиенции у самого капудан-паши, адмирала турецкого флота.

Плавая в Греческом архипелаге, Сюффрен встречает никогда им ранее не виденный флаг – флаг России. Это направила в Средиземное море свои корабли российская императрица Екатерина Вторая. Сюффрену несомненно известно о разгроме, который учинила турецкому флоту в Чесменском бою (1770 г.) российская эскадра под командованием графа Алексея Орлова и адмирала Георгия Спиридова. И ему было бы о чем поговорить со Спиридовым, который одним из первых отказался от шаблонов линейной тактики, заложив основы маневренной тактики флота, что и позволило ему добиться блестящих успехов в морской войне с турками.

22 июня 1773 года Сюффрен возвращается в Тулон, передает корабль портовым властям. А уже 24 июня посылает морскому министерству отчет.

«Экипаж моего корабля проявил себя с самой лучшей стороны, особенно в конце плавания, - читаем мы в отчете. – Позвольте заметить, что хорошо сплаванные экипажи можно получить в ходе долгих экспедиций. У англичан на кораблях подолгу служат одни и те же экипажи, что дает им немалые преимущества над нами...

Принятые меры по обеспечению чистоты воздуха на палубах и предохранению экипажа от болезней, дали положительные результаты: за все плавание не умер ни один человек и почти не было тяжело больных.

...Я привел фрегат в целости и сохранности, не потеряв ни мачт, ни парусов, ни канатов».

Сюффрен любит свой корабль, заботится об экипаже. В то же время он просит дела, просит использовать его по возможности чаще и как можно дольше.

Едва прибыл Сюффрен в Тулон, а его ждет новое задание. Приказ застаёт Сюффрена тяжело больным, в постели.

«Меня мучает какая-то гнилостная лихорадка, - пишет он министру, находясь между жизнью и смертью. – Но желание служить поддерживает меня, ускоряет выздоровление. Надеюсь оправдать хорошее мнение, которое сложилось у Вас о моей персоне».

В октябре 1774 года Сюффрен вновь плавает в турецких водах на том же фрегате «Миньон». И опять ни одного примечательного события, ни одного повода для того, чтобы заговорил порох. Такое невезение!

В июне 1775 года Сюффрен возвращается в Тулон.

«Офицеры и матросы «Миньона» вели себя выше всяких похвал, - пишет он министру. – Поэтому я имел возможность семь месяцев, весь штормовой сезон, плавать без досадных случайностей и вернуть корабль королю в отличном состоянии».

В таких плаваниях проходят годы, полные тяжелого моряцкого труда. Для Сюффрена это отличная школа управления людьми. Он заботится о боевой выучке экипажа, о здоровье офицеров и матросов. Ведь это главные слагаемые успеха в критические часы, когда заговорят пушки! Сюффрен учит других и учится сам. Не дает никому поблажки. Он, пожалуй, единственный капитан на королевском флоте, который регулярно проводит осмотр экипажа, снимает пробы матросского супа. В обращении с матросами Сюффрен прост, великодушен. И те его обожают. Зато косо поглядывают коллеги-офицеры. В их глазах Сюффрен – черствый, неуживчивый человек со странными мыслями. Он плохо повинуется, всех критикует, открыто говорит об ошибках начальства, перечисляет упущенные возможности...

Офицеры из благородных семейств Франции все острее чувствуют неприязнь к себе со стороны простолюдинов. Плебейам все более ненавистна знать с ее высокомерием и бездушием, надменностью и спесью. Не за горами 1789 год, год взятия Бастилии, объявления «Прав человека и гражданина».

Долг и честь

Между очередными плаваниями Сюффрен выкраивает несколько дней чтобы навестить родню. Оставив корабль, вечные свои заботы и хлопоты, он спешит на северо-восток. Вначале посещает Сен-Канна, затем Экс-ан-Прованс, Ришбуа. Его прибытия нетерпеливо ожидают сестры и кузины, дяди и тетки. Сюффрен грузный, напудренный, выбирается из кареты и попадает в объятия близких. Суматоха, радостные возгласы. Все спешат поздороваться с путником, осаждают его вопросами. Давно ли Сюффрен был всего лишь мальтийским рыцарем, а сейчас он командор Ордена, капитан первого ранга!

Суровый, требовательный на службе, Сюффрен оттаивает душой. Веселый и довольный, покрасневшийся, в чуть съехавшем набок парике, он разгуливает среди родни раскачивающейся походкой, как все моряки, прошедшие не один год на корабельной палубе. Его массивную фигуру в яркой униформе можно видеть в кругу мужчин.

- Богу неприятен вид печальных лиц, потухших глаз, - говорит местный священник. – Он хочет видеть людей веселыми, довольными. И он обратил воду в вино. Поэтому мы благословляем сотворенные им виноград, солнце и землю. Доброе вино стекает по горлу как бархат. Истолковать его трудней, чем музыку Баха...

Сюффрен полностью с ним согласен. В самом деле – жизнь без хорошего вина и доброй еды была бы просто невыносима! Он пьет бокал «пастиса» - анисовой настойки за здоровья дам.

Все, затаив дыхание, слушают рассказы Сюффрена о баталиях, в которых ему довелось участвовать. И примечательно, что капитан первого ранга неизменно возвращается к памятной морской битве у мыса Финистер, где он впервые ощутил смертельное дыхание пушек. Славно бились тогда французские моряки!

Поговорив вволю с хозяевами, поблагодарив их, Сюффрен отбывает. Родни так много, а у него так мало времени. Наконец, он отправляется в Бурригай. По пути с уйбкой вспоминает о счастливом детстве, о шалостях, играх с Марией-Терезой. Как она там? Сколько он мечтал о встрече с ней, стоя ночной порой на капитанском мостике...

Мария-Тереза предупреждена о скором визите Сюффрена. Сидя в глубоком кресле, она в который уже раз перечитывает письма старого друга. На глазах у графини слезы: в письмах столько нежности к ней. У Сюффрена нет от нее никаких секретов. Графиня будто видит его перед собой во плоти и крови. В добрые и плохие времена Сюффрен пишет ей с открытой душой. Горячится, сердится, даже бушует. Да, бушует. Рассказывает о своих успехах и неудачах, дает беспощадные оценки бездарным начальникам, коллегам по профессии, мечет каленые стрелы в таких высоких персон, что дух захватывает, критикует замшелые порядки на флоте, планирует дела на будущее.

«Верный, верный мальчик, - качает полуседой головой графиня. – Но какой ужасный почерк!»

В самом деле, у Сюффрена стремительный скачущий почерк, похожий на прыжки диких коз в горах его родного Прованса. И как редко он наезжает, как недолго гостит в Бурригае...

Вот и сам Сюффрен. Графиня с волнением глядит с террасы на то, как он с трудом выбирается из кареты. Сюффрен располнел еще больше из-за природной комплекции и пристрастия к доброй кухне. Великолепная синекрасная униформа капитана не может скрыть его большого живота. Края щек упираются в тугую кружевной воротник. На нем короткие штаны из красной материи, красные чулки, башмаки с серебряными пряжками. Морские ветры основательно продубили его кожу, окрасили в темные цвета лоб, щеки. А когда Сюффрен целует руку графине, та явственно ощущает исходящий от него странный запах соли.

Сюффрен проводит в Бурригае несколько дней. Долгие прогулки по парку с Марией-Терезой, сердечные беседы под сенью деревьев с ветвями, гнувшимися под тяжестью спелых плодов.

- Ах, как быстро течет время! – сетует графиня. – Подумать только, мне уже за пятьдесят. Душа молодая, а тело уже старое.

Сюффрен пожимает плечами:

- Не беда. Мы еще тряхнем стариной...

Слушая речи Сюффрена, графиня искренне удивляется. С годами он ничуть не изменился. В его речах прежние пыл и жар. Он по-прежнему бредит дальними плаваниями, надеется взять реванш у англичан за прошлые унижения Франции, мечтает о великих свершениях, верит, что еще придет его звездный час...

Сюффрену хорошо в Бурригае. Все здесь располагает к отдыху. С ружьем подмышкой он совершает охотничьи вылазки в соседний лес. Жарким полднем отдыхает в тени деревьев, у высоких каменных оград. Как мечтал он, плавая в далеких морях под чужим небом, о родном Провансе, об увитой плющом террасе шато, о мирных звездных вечерах.

Но проходит немного времени, и Сюффрен начинает задыхаться в тесных стенах, жаждет свежего морского ветра, жаждет увидеть колыхание волн. Как ни привязан Сюффрен к своей провинции, к родне, он не из числа тех, чей мир ограничен оградой сада, стенами дома, семейным кругом за вечерней трапезой.

И вот уже, оттесняя все остальное, его преследует одно и то же видение: идущая в боевом порядке эскадра, флаги на мачтах и на корме кораблей. Что происходит в Тулоне в его отсутствие? Что там подельывают эти господа из Морского корпуса? Сюффрен теряет покой. Долг и честь зовут его на свой пост. И наскоро попрощавшись с Марией-Терезой, он в такой же спешке, в какой прибыл, мчится обратно в Тулон.

Глава шестая

ПО ТУ СТОРОНУ АТЛАНТИКИ

Важные события

В 1774 году на престол Франции с великой помпой возведен Людовик XVI. И в первые же годы правления нового короля как будто забрезжила новая

заря для флота. Безразличный ко многому, Людовик XVI на удивление всем проявляет большой интерес к флоту, полон решимости вернуть ему былые мощь и славу.

На посту морского министра теперь граф Антуан де Сартин, бывший генерал-лейтенант полиции. Сартин во всем следует политике своего предшественника маркиза Шуазеля, проявляет необыкновенное усердие. И вот уже корабли обновленного французского флота вновь бороздят просторы Атлантики, уходят к берегам далекой Индии.

Между тем, вновь начинает явственно пахнуть войной. А все из-за событий в Северной Америке. 4 июля 1776 года Конгресс в Филадельфии обнародовал Декларацию независимости тринадцати американских колоний от британской короны. Король Георг III тогда объявляет восставшим колониям войну. Во Франции ни у кого нет сомнений в том, что Людовик XVI, воспользовавшись этими событиями, попытается вернуть утраченные владения в Канаде, и что, в конечном счете, все будет решаться в новой схватке между Францией и Англией.

В 1775 – 1776 г.г. Сартин организует многомесячные морские маневры с целью подготовки флота, флотских экипажей к новой неизбежной войне. Самое активное участие в них принимает Сюффрен на своем 26-пушечном фрегате «Алкмен». Все лучше, чем бездействовать в Тулоне.

За маневрами, которыми руководит шеф эскадры дю Шаффуль, зорко наблюдают англичане. Их фрегаты дважды дерзко врываются в строй французских кораблей у Лагоса. Дю Шаффуль требует официальных извинений и получает их. Вообще надо сказать, отношения 75-летнего дю Шаффуля с англичанами не отличаются особой нежностью. Он пишет морскому министру:

«Не знаю иного способа урезонить этих собак-англичан, кроме как хорошенько их отдубасить... Унизительно видеть наши корабли блокированными в наших же портах... Дайте знак, и я первый начну свалку».

Впрочем, англичане не остаются в долгу. Для них французы, извечные соперники на суше и на море, тоже собаки.

Американские инсургенты все настойчивей просят поддержки у Франции. Министр иностранных дел граф Шарль Вергенн вначале медлит, не хочет ввязываться в рискованную авантюру. Стоят ли инсургенты помощи, которой они добиваются? Но восставшая Америка делает всё, чтобы подтолкнуть Францию к более решительным действиям. Она направляет на подмогу своему представителю в Париже Силасу Дину одного из самых выдающихся своих граждан, всемирно известного ученого Бенджамина Франклина. Франклин, прибывший во Францию 3 декабря 1776 года, секретно принят Вергенном. 5 января 1777 года ему дает аудиенцию сам король. Французское правительство официально признает новорожденные Соединенные Штаты Америки, выражает готовность предоставить американцам заем в два миллиона ливров, в срочном порядке передать им тридцать тысяч ружей, а также отправить для защиты берегов Америки эскадру из восьми линейных кораблей.

Заметных успехов добивается лишь недавно обстрелянная американская добровольческая армия. 17 октября 1777 года она заставила капитулировать в Саратогe крупный отряд английских войск генерала Бургойня.

Между тем на Старом континенте англичане так и лезут в драку. Провокации их становятся нестерпимыми. Их корабли разбойничают в Ламанше, перехватывают конвои, обстреливают торговые суда. Французские

моряки мрачно шутят: «Пожалуй, вскоре островитяне заставят нас ползать на брюхе!» Вергенн заявляет Людовику XVI, что пора переходить к активным действиям, что Франция не может более терпеть подобных унижений, не может оставаться пассивным свидетелем событий в Америке без потери своего международного престижа.

6 февраля 1778 года в Париже заключен договор о союзе с Соединенными Штатами Америки, направленный против Англии. От имени Франции его подписал Жерар, от имени США Бенджамин Франклин, Силас Дин и Артур Ли.

Уже через месяц французский и английский послы затребывают свои паспорта.

20 марта полный разрыв с Лондоном.

Сюффрен, год назад назначенный капитаном 64-пушечного линейного корабля «Фантаск», плавает в Средиземном море. Он ждет не дожидается дальнейших решительных шагов со стороны Франции. Пора, пора рассчитаться с англичанами за старые обиды!

Но тут события начинают развиваться с головокружительной быстротой. Морской министр Сартин спешно снаряжает две эскадры: одну в Бресте во главе с шефом эскадры д'Орвильером, а вторую – двенадцать вымпелов – в Тулоне под командой вице-адмирала графа д'Эстена.

Сюффрен узнает о том, что его «Фантаск» включен во вторую эскадру. Ага, это что-нибудь да значит!

Ему уже сорок девять лет...

Вскрыть конверты

13 апреля 1778 года, в шесть часов вечера, Тулон оглашают звуки фанфар. Грохочут пушечные залпы. Все население города высыпало на улицы. Пороги лавок, окна домов, крыши и террасы, мачты торговых судов в порту усеяны взволнованным, горлающим людом. На набережных толкаются локтями, вытягивают шеи зеваки, стараясь лучше увидеть уход второй эскадры. В ней двенадцать линейных кораблей: 80-пушечные «Лангедок» и «Тоннан», 74-пушечные «Сезар», «Зеле», «Эктор», «Герри», «Марсей» и «Протектер», 64-пушечные «Вайян», «Прованс» и «Фантаск», 50-пушечный «Сагиттэр». С ними пять фрегатов.

Корабли один за другим снимаются с якорей, покидают порт. Хлопают паруса на свежем бризе. Огромные корпуса начинают слегка раскачиваться на волнах. На флагмане «Лангедок» взлетают многоцветные сигналы.

Толпа безумствует. Над головами летят шапки, колпаки и чепчики. «Виват!» Трезвонят все колокола Тулона. С каждым проходящим мимо кораблем энтузиазм тулонцев удваивается. Все указывают друг другу на марсовых, на карабкающихся по вантам юнг, на капитанов в их ярких униформах с золотыми галунами, которые командуют маневрами...

День угасает. Эскадра не спеша, величаво уходит в открытое море.

А наш герой? Взволнованный, сияющий, он меряет шагами боевые палубы «Фантаска». Переходит от одной батареи к другой. Выпускает залпы соленых провансальских шуток и острых словечек. По пути раздает матросам и канонирам отеческие тумачи, затрещины. Сюффрен едва в силах скрыть энтузиазм и нетерпение, которые заставляют чаще биться сердце. В который

уже раз он ощупывает во внутреннем кармане куртки запечатанный сургучом конверт, который он должен вместе с остальными капитанами вскрыть по приказу адмирала.

Эскадра следует тем же путем, которым девятнадцать лет назад шел злосчастный Ла Клю, чтобы потерпеть разгром у Лагоса. Дай-то бог, чтобы на этот раз все сложилось удачней!

Ветры между тем слабеют. Тридцать три драгоценных дня уходят на то, чтобы добраться до Гибралтара. Сюффрен, как и все остальные капитаны, уверен в том, что держат путь к Бресту, чтобы присоединиться там к морским силам Франции на Атлантическом океане. Давно уже поговаривают о планах массивного вторжения на Британские острова. Но о том, куда в действительности направляется эскадра, знает лишь вице-адмирал д'Эстен.

У Сюффрена большие сомнения относительно боевых качеств капитанов эскадры. Хотя почти все они провансальцы или бретонцы, а это «морская косточка», лишь немногие имеют достаточный боевой опыт. Не вызывает у него восторга и сам вице-адмирал Шарль Онри-Теодат д'Эстен. Известно, что д'Эстен долгое время служил в королевских пехотных полках, что на флоте он каких-нибудь пятнадцать лет. И насчет д'Эстена в морских кругах злословят потихоньку: «Пехотный адмирал! Нет еще и пятидесяти, а взлетел вон на какую высоту. Обошел многих, старше по возрасту и выслуге лет. За что такая честь? Кто шепнул об этом фанфароне на ухо королю? Не очередная ли фаворитка? Особенно прискорбно в глазах Сюффрена то, что у д'Эстена почти нет опыта командования крупными соединениями боевых кораблей. Впрочем, как говорят, д'Эстен человек активный и предприимчивый, большой храбрец. Это внушает определенные надежды. Сюффрен полон скептицизма и в отношении двух ближайших помощников д'Эстена – Брова и Бреньона. Он знает по собственному опыту – это «пустышки». Один маразматик, другой – идиот...

20 мая 1778 года, в одиннадцать часов дня, на долготе острова Мадейра, когда пропали из вида берега Европы, адмиральский корабль «Лангедок» покрывается флагами, на его грот-мачте взлетает брейд-вымпел – сигнал вскрыть конверты. Сюффрен, как все остальные капитаны, спешит распечатать конверт, и у него округляются глаза: место назначения эскадры не Брест, а... Нью-Йорк!

Д'Эстен собирает капитанов на борту «Лангедока». Все они в парадной форме, треуголках, при шпагах. Капеллан совершает службу. А когда служба закончена, вице-адмирал громко зачитывает приказ Людовика XVI об объявлении войны Англии. Король велит атаковать корабли англичан. Всем положена часть добычи, если таковая будет, согласно рангу и выслуге лет.

Всеобщий восторг. Капитаны, выхватив из ножен шпаги, потрясают ими над головами:

- Виват! Да здравствует король!

На «Лангедоке» находится первый французский посол в Соединенных Штатах Америки, месье Грам. Д'Эстену поручено доставить его в устье реки Делавэр.

Корабли, возносимые волнами, подстегиваемые ветрами открытого океана, держат путь на юго-запад. Самая старая монархия Европы спешит протянуть руку помощи самой юной республике Нового Света. Не без корысти, разумеется.

Сюффрен доволен. Уж на этот-то раз у него будет возможность отличиться, применить накопленные за годы службы опыт и знания, показать на что он способен.

Одни неприятности

Боевые наступательные операции 1778 года у берегов Северной Америки в глазах многих были крайне рискованным делом. Еще бы! До сих пор классическим «полем» сражений для французских эскадр были Средиземное море, Ламанш, Гасконский залив. Торговые караваны и ранее пересекали Атлантику. Теперь же речь шла о настоящей эскадренной войне, где французский адмирал не был ни в чем ограничен в своих действиях. А о прибрежной полосе Северной Америки, о тамошних ресурсах, условиях подхода к берегам, о возможностях высадки войск имелись весьма смутные представления. Французские моряки отправлялись в далекий путь наудачу, не зная, когда вернутся обратно. Впереди их ждали бесчисленные опасности и трудности...

В середине лета 1778 года, после изнурительного трехмесячного перехода через Атлантику, эскадра д'Эстена прибывает к берегам Северной Америки. На кораблях свирепствует цинга. Нехватает питьевой воды.

Д'Эстену известно, что Филадельфия, город в низовьях реки Делавэр, где два года тому назад была объявлена независимость восставших конфедеративных штатов, их моральный и политический центр, недавно занят англичанами. А в заливе Делавэр стоит на якорях, прикрывает город с моря эскадра адмирала Ричарда Хоу из девяти линейных кораблей.

Д'Эстен намеревается, войдя в контакт с американскими инсургентами, объединить усилия своей эскадры с их усилиями, и когда американцы пойдут на штурм Филадельфии, опрокинуть Хоу. Но увя, прибыв к заливу Делавэр он обнаруживает, что Хоу там нет. После крупной неудачи у Саратоги планы английских генералов изменились. Решено было оставить Филадельфию и сконцентрировать силы в районе Нью-Йорка. А адмирал Хоу должен был прикрывать с моря армию Клинтона, направлявшуюся к Нью-Йорку.

Д'Эстен пускается преследовать Хоу. Он обнаруживает английскую эскадру на якорной стоянке Санди Хук. Но тяжелым линейным кораблям не пройти к Нью-Йорку узкими проходами реки Гудзон. На военном совете, состоявшемся 20 июля на борту «Лангедока», даже Сюффрен не поддерживает идеи наступательной операции...

Сюффрен теперь не младший офицер, который лишь выполняет свой долг и хранит свое мнение при себе. Капитан первого ранга, один из самых способных и отважных на эскадре, он имеет право голоса на военных советах, непосредственно общается с адмиралом. Сюффрен дает примеры активного сотрудничества и исполнения воли адмирала. Ни от чего не отказывается. Всячески содействует успеху кампании. Жалуется лишь на то, что его редко пускают в дело.

Порой Сюффрен проклинает в душе медлительность и нерасторопность д'Эстена. Ведь знал же он, что Хоу направляется к Нью-Йорку. Нужно было напасть на него врасплох, и это дало бы великолепные результаты. Но корабли движутся словно не на парусах, а на веслах!

Убедившись в том, что эскадры Хоу ему «не достать», д'Эстен решает идти далее на север, к Ньюпорту, где засели шесть тысяч англичан. Американский майор Салливен осадит этот приморский городок с суши, а французы блокируют проходы Лонг-Айленда, чтобы исключить диверсию англичан с моря.

Новый мучительный недельный переход. Еще семь дней, ужасных для ополовиненных цингой экипажей, испытывающих к тому же острую нехватку воды. Сюффрен полон сомнений. Пожалуй, лучше было бы оставаться у входа в мышеловку, где заперт Хоу. Ведь уход французской эскадры даст ему свободу действий на море. Кораблей у него меньше, но они более быстроходны, а экипажи не так измотаны. И не следовало ли д'Эстену направить на Хоу отряд легких кораблей? Такой отряд, разумеется, не уничтожил бы силы Хоу, но мог бы нанести ему серьезные потери.

У Род-Айленда, куда д'Эстен прибывает 29 июля, новое разочарование. Проходы здесь столь же узкие, что и у Санди Хука. К тому же майор Салливен сможет прибыть к Ньюпорту лишь через неделю – две. Д'Эстен тогда блокирует центральный проход основными силами эскадры, восточный – двумя фрегатами, а западный – «Фантаском» Сюффрена и «Сагиттэром» капитана Альбера де Рьона.

5 августа Сюффрен с разрешения д'Эстена проводит дерзкую операцию. Проскользнув между островами, «Фантаск» и «Сагиттэр» врываются на рейд Ньюпорта. Сюффрен обнаруживает там пять фрегатов и три корвета противника. Французские капитаны действуют столь быстро и решительно, подходят столь близко к кораблям англичан, что те, не решившись принять бой, выбрасывают свои суда на берег. При ударе о прибрежные скалы на фрегатах и корветах рушатся мачты, их охватывает пламя.

«Нами замечены были над городом густые клубы дыма, - пишет в докладной Сюффрен. – По-видимому горели еще какие-то суда в порту. Англичане подожгли свои склады и арсенал... На рейде Ньюпорта я дал два бортовых залпа, чтобы поднять боевой дух экипажей наших кораблей. Это было бы еще более ценно, если бы нам пришлось пережить хоть какую-нибудь опасность».

Пять фрегатов и два корвета, превращенные в пепел – без борьбы, без единого выстрела. Было ли тут чем гордиться?

Ободренный успехом Сюффрена, на рейд Ньюпорта прибывает сам д'Эстен с эскадрой. Ранним утром 9 августа он высаживает на берег батальоны. Назавтра французы и прибывший отряд Салливена готовятся штурмовать Ньюпорт. Но не тут-то было! Назавтра, когда солнечные лучи разогнали густой туман со стороны моря, д'Эстен и его капитаны увидели неприглядную картину: два корабля, оставленные охранять подступы к Ньюпорту, на всех парусах удирают от преследующей их эскадры Хоу.

В мышеловке в свою очередь оказываются французы.

«Вот во что обошлось нам наше бездействие у Санди Хука! – негодует Сюффрен. – Изволь теперь выбирать: корабль за кораблем из этого мешка под прицельным огнем пушек Ньюпорта!»

Утром 10 августа кое-как вышли в море. Д'Эстен готовится к решительной схватке с Хоу. Но 11-го внезапный противный ветер с моря нарушает все его планы. Хоу удирает безнаказанным. Хуже того, в ночь с 11 на 12 августа сильнейший ураган сносит все мачты на «Лангедоке», превратив

флагман в простую баржу. И два месяца у д'Эстена уходит на то, чтобы привести эскадру в божеский вид.

Такое невезенье!

Сюффрену не забыть драматизма военного совета, состоявшегося 21 августа с участием американского генерала Грина и маркиза Лафайета, француза на службе США. Грин требовал возвращения французской эскадры к Ньюпорту, ее участия в новой попытке овладеть этим городом. Лафайет со слезами на глазах умолял д'Эстена активизировать борьбу с англичанами – во имя всего того, что дорого им обоим, во имя ненависти к Англии, извечному врагу Франции, во имя ее славы, триумфа права и свободы!

Д'Эстен не отказывается от совместных действий, но указывает на плачевное состояние своей эскадры, на срочную необходимость ремонта кораблей, лечения больных матросов, на необходимость дать экипажам отдых перед со дня на день ожидаемым прибытием английского адмирала Байрона с подкреплениями. Д'Эстен готов даже направить в поддержку американцам отряд своей пехоты, если только они пообещают взять Ньюпорт за сорок восемь часов...

Грин и Лафайет не могут дать такого обещания...

Так ничего и не сделав у Ньюпорта, д'Эстен направляется к Бостону. Там одни неприятности. Бостонцы считают, что французы предали Грина и Салливена. В драке на берегу убит французский офицер. Еще один ранен. 25 сентября бостонские власти приносят в связи с инцидентом официальные извинения.

Эскадра д'Эстена бездействует, тогда как английские генералы Клинтон и Бургойнь удерживают в своих руках почти все важные объекты на побережье, а адмирал Хоу хозяйничает в океане. Близится «зима». Где-то на подходе адмирал Байрон (дед знаменитого поэта). С его приходом у англичан будет двойной перевес в силах. И д'Эстен, решив не искушать судьбу, уходит на «зимовку» к Малым Антильским островам

9 декабря 1778 года французские корабли бросают якоря в гавани Форт-Рояля, остров Мартиника.

Коты на крыше

Малые Антильские острова выгнутой на восток дугой тянутся от острова Пуэрто-Рико до северного побережья Южной Америки. Это сказочно красивые «сахарные» острова с великолепными базами для морских операций – крупная ставка в более чем вековой борьбе между Францией и Англией. После того, как маркиз Буйе, губернатор Наветренных островов, захватит в сентябре 1779 года Доминику, цепь французских владений протянется от Гваделупы до Сент-Люсии.

Но это годом позже. А сейчас? Не успел д'Эстен высадить войска в Форт-Рояле, как ему становится известно о том, что коммодор Баррингтон захватил Сент-Люсию, небольшой островок к югу от Мартиники, крайний опорный пункт французов.

12 декабря д'Эстен спешно прибывает с двенадцатью кораблями к Сент-Люсии и застаёт семь судов Баррингтона стоящими на шпринге в заливе, известном под названием «Большой карман».

Сюффрен с одного взгляда оценивает ситуацию. У Баррингтона 422 пушки, у д'Эстена – 846. Он советует адмиралу немедленно атаковать эскадру Баррингтона – остров в наших руках. А нет, так владение островом будет непрочным, иллюзорным. Это нутром чувствуют все на эскадре, чувствует самый последний матрос. Но д'Эстен, увы, раб старых теорий. А согласно одной из них, стоящую на якорях эскадру атаковать нельзя, она непобедима. «Пехотный адмирал» и не помышляет о решительных действиях на море, а думает лишь о сражении на суше. Он ограничивается тем, что дважды проходит с построенной в линию эскадрой перед Баррингтоном, несколько наивно пытаясь выманить его из залива, вызвать на бой. Баррингтон же, сделав несколько выстрелов, с видом победителя юркает обратно в «Большой карман».

17 декабря д'Эстен высаживает войска на севере Сент-Люсии, тремя колоннами штурмует хорошо укрепленные позиции англичан. Одну из колонн возглавляет сам вице-адмирал, две другие Буйе и Левендаль. Штурм завершается полным провалом. Французская пехота с большими потерями откатывается назад. 18 декабря – спешная погрузка войск на корабли.

Сюффрен вне себя. Идет борьба на суше, а эскадра бездействует! Для д'Эстена флот, корабли – лишь средство доставки сухопутных войск к театру боевых действий, их поддержки в лучшем случае, а не орудие уничтожения сил противника. Но ведь ясно как день, что даже в случае успеха сухопутных войск это не приведет ни к чему, пока целы и невредимы вражеские морские силы!

Скверно быть свидетелем чужих глупостей. А когда приходится еще и выполнять глупые приказы, то право, есть от чего сойти с ума!

В тот же день, 18 декабря, вечером, Сюффрен, запершись в своей каюте, садится за стол и берет в руки перо. Тщательно выбирая слова, чтобы не задеть самолюбия д'Эстена, пытается преподать адмиралу азы его профессии:

«Позволю себе направить Вам памятную записку о нашем положении. Как честный патриот, считаю своим долгом и обязанностью поделиться своими мыслями и идеями, как я полагаю, полезными для блага Франции, с адмиралом, который доверяет мне. Несмотря на неудачу, постигшую наши войска, мы еще можем добиться успеха. Но единственное средство для его достижения – решительная атака, разгром эскадры Баррингтона. Ввиду нашего превосходства на море, англичане не смогут нам противостоять, несмотря на их фортификации на суше, чей эффект окажется равен нулю, если мы пойдем на абордаж или станем на якоря близ их буёв...

Если мы будем медлить, то Баррингтон, воспользовавшись ночной темнотой, может удрать...

Уничтожим эту эскадру! Войска англичан на острове, испытывая крайнюю нужду в боеприпасах, провианте и воде, вскоре вынуждены будут капитулировать. И пусть тогда является адмирал Байрон, мы посмеемся над ним».

Сюффрен тысячу раз прав. Разве добьешься реального успеха, не пытаясь разгромить силы противника по частям, не нанося последовательных ударов, не атаковав его концентрированной массой? Но д'Эстен так и не прислушался к советам Сюффрена. Он бездействует в водах Сент-Люсии до 24 декабря, затем плетется обратно к Мартинике.

Увы! Фортуна что женщина. Она не любит, когда пренебрегают ее авансами, и упущенные возможности более не повторяются.

Сюффрен, полный мрачных мыслей, шлет письмо Марии-Терезе:

«Можешь ли ты вообразить себе адмирала, наименьшим недостатком которого является то, что он не моряк...?»

«Наша кампания – цепь несчастий и глупостей. За 35 лет службы на флоте мне довелось видеть их немало, но не в таких количествах. Нельзя представить себе ничего глупее совершаемых нами маневров, ничего более дурацких советов адмиралу его штабом. К тому же, мой друг, все считают капризом то, что я предлагаю атаковать двенадцатью большими кораблями семь меньших по тоннажу, и потому лишь, что они защищены несколькими батареями на суше. Право, я полон отвращения ко всему этому, и весьма сожалею, что не нахожусь на Мальте».

Минует тропическая «зима», наступает «весна», а д'Эстен все бездействует. Эскадры по-прежнему стоят друг против друга, «как коты на крыше». Сюффрен пишет в Бурригай:

«Эта кампания, длящаяся уже год, наводит тоску, потому что имея десятки раз возможность добиться отличных результатов, мы совершаем одни только глупости... Под умелым руководством мы бы покрыли себя славой и разбогатели. Но не будет ни того, ни другого, и самое лучшее для нас – это поскорей вернуться домой».

В обратный путь

Наконец, проблеск в долгой и изнурительной кампании, которая изрядно всем надоела. Д'Эстен, получив подкрепления из Франции – пять линейных кораблей и три фрегата – прибирает к рукам острова Сен-Венсан и Гренада. Он стоит с эскадрой на рейде Джорджтауна, остров Гренада, когда ранним утром 5 июля 1779 года сигнальщики извещают о появлении на горизонте множества парусов.

Это Байрон! Он приближается широким фронтом, выслав вперед самые быстрые свои корабли. Надеется захватить французских моряков врасплох на якорной стоянке.

«Сюрприз» не удался. Французы оказываются на высоте положения. Сюффрен по своей инициативе возглавляет авангард линии. На своем «Фантаске» он в течение полутора часов ведет жаркую артиллерийскую дуэль с 70 и 74-пушечными кораблями Байрона, в том числе с «Монмутом».

Сражение бушует до 15:00. Французские канониры метким огнем выводят из строя четыре неприятельских корабля. У д'Эстена явное преимущество. Он может легко отрезать эти корабли, лишенные мачт, взять их или уничтожить. Ничто не мешает ему одержать блестящую победу. Но «пехотный адмирал» верен себе. Он не хочет удаляться от Гренады и прекращает преследование, к радостному изумлению Байрона. Вместо бесспорной победы французским морякам приходится довольствоваться ее видимостью.

Сюффрен в очередном письме Марии-Терезе так оценивает ситуацию: «Адмирал бился на суше и на море с великой отвагой, в чем ему не откажешь. Но будь он не только храбрецом, а еще и настоящим моряком, он бы не выпустил из рук четыре корабля Байрона, лишенные мачт и рулей. Английская эскадра теперь не посмеет и носа высунуть без серьезных подкреплений».

Сам Сюффрен вполне доволен собой. Он огорчен лишь потерей старшего помощника, месье де Компредона, «который так славно играл на фортепиано».

Скромная, неполная победа. Но в честь ее был иллюминирован Париж, в церквах возносились благодарственные молебны.

Д'Эстен, завоевав еще ряд мелких островов, готовится в обратный путь. Но его задерживают недобрые вести из Америки. После ухода д'Эстена к Антильским островам, положение инсургентов стало отчаянным. В конце 1778 года англичане захватили Джорджию. Конгресс требует возвращения французской эскадры, чтобы общими силами попытаться взять город Саванну, ключевой опорный пункт англичан.

Д'Эстен не остается глухим к требованиям американцев. 31 августа 1779 года его корабли бросают якоря в устье одноименной реки. И тут неисправимый «пехотный адмирал» совершает новую серьезную тактическую ошибку – рассредоточивает эскадру на сотни миль вдоль побережья с тем, «чтобы блокировать все подступы к нему».

Сюффрен видит опасность. Байрон, может поодиночке уничтожить все французские корабли. Он предупреждает об этом д'Эстена. И просто счастье, что основательно поколоченный Байрон не воспользовался такой возможностью.

Д'Эстен предпринимает новую отчаянную попытку переломить ход событий, добиться успеха на суше. 9 октября, в ужасную погоду, под проливным дождем французы штурмуют Саванну вместе с американцами, блокировавшими город с суши. Сам д'Эстен, как всегда идет впереди своих гренадеров, показывает чудеса отваги. Сюффрен тем временем обеспечивает прикрытие французских и американских войск со стороны реки: с двумя линейными кораблями и тремя фрегатами подымается вверх по реке Саванне. Увы! Одной отвагой город не возьмешь. Штурм захлебнулся под шквальным огнем гарнизона Саванны, который в последний момент получил сильные подкрепления. Д'Эстен тяжело ранен.

Таким образом, вся кампания «увенчивается» унижительным поражением французов.

Ничего не остается более, кроме как взять курс на Европу. С ноября по конец декабря 1779 года корабли д'Эстена, раскиданные новыми штормами, поодиночке возвращаются к берегам Франции.

Приходит в Тулон потрепанный бурями и сражениями «Фантаск» Сюффрена.

Глава Седьмая

УЛЫБКА ФОРТУНЫ

Уж лучше бы добрый мир...

Кампания у берегов Северной Америки, длившаяся более полутора лет, в огромной степени расширила боевой опыт Сюффрена. Теперь-то он знает досконально, что такое жизнь корабля в военное время. И что самое главное, он сумел заявить о себе.

В Тулоне Сюффрен отнюдь не бездействует. Как было сказано выше, он ненавидит писанину. Но есть веские причины мараить бумагу чернилами. Он пытается обобщить свой опыт, передать его другим. С начала 1780 года Сюффрен одну за другой направляет морскому министру Сартину пять кратких, но емких записок, каждая из которых – кладезь полезных сведений и предложений. Вот некоторые из них:

1. Во время сражения старший помощник капитана обычно находится на полубаке. Этот пост весьма важен, но слишком уязвим. Помощнику следует руководить батареями, в основной второй. Так ему будет удобней взять на себя командование в случае, если капитан убит или ранен, или же возглавить команду матросов при абордаже, если представится такая возможность.

2. На кораблях должны быть гаубицы. Размещенные на полуюте и заряженные железным ломом, они дадут ужасающий эффект.

3. Корабельные шлюпки должны быть снабжены небольшими пушками.

4. Все корабли должны иметь пожарные насосы (на многих их нет вовсе), а также молниеотводы Франклина. Стоят они недорого.

5. Днища всех кораблей должны быть обшиты медью – новшество, полезное во всех отношениях. Это дает большую экономию при ремонте подводных частей, облегчает маневры, ускоряет ход...

Сквозь записки Сюффрена красной нитью проходит мысль: нужно увеличивать скорость движения кораблей, увеличивать любой ценой. Быстрота, внезапный умелый маневр – главное на войне, и не только морской. А корпуса многих кораблей Франции до сих пор обиты гвоздями с широкими шляпками, что сильно замедляет движение.

Сюффрен не устает критиковать кабинетных стратегов, маньяков «Свода правил ведения морских сражений». Ученые доктрины и традиции, «неоспоримые» принципы и системы для него не более чем рецепты доброй жены, которые лишь способствуют рутине, порождают безынициативность. В своем отвращении к педантизму Сюффрен отказывается иметь дело со знаменитой Морской академией. Господа академики, хоть они и великие ученые, в вопросах ведения морских войн не видят далее своего носа!

За столетие линейная тактика полностью исчерпала себя. Адмиралы запутались в устарелых правилах и формулах. Сюффрен пожимает плечами. До каких пор они будут упорствовать в абсурдных привычках? Откуда эти полумеры, эти идиотские планы, эта мания воевать словно для проформы?

Откуда убеждение, что если удалось выйти из сражения с целыми кораблями, то это уже большой успех? В конце концов зачем берутся командовать эскадрами? Не затем же, чтобы выстраивать корабли в линии, а чтобы одерживать победы. При таком положении вещей англичане могут спать, заткнув оба уха. Никогда не удастся достичь успеха, ведя беспорядочную стрельбу издалека, делая круги на воде!

В голове Сюффрена складывается принципиально новая схема ведения морских сражений. Линейная тактика должна уступить место концентрации огня, а малоэффективная перестрелка вдоль линии – «атаке по секциям». На одном из участков путем умелого маневрирования необходимо создавать временный перевес сил. Основное ядро противника должно быть нейтрализовано. Одна из его «секций» берется под перекрестный огонь, на ней-то и концентрируется вся атака. Не всегда можно найти в линии противника брешь, чтобы прорвавшись сквозь нее, повести атаку с другой стороны. Но такая возможность всегда имеется в «хвосте» его арьергарда. Корабли второго эшелона всегда могут зайти по другую сторону линии, взять его замыкающие корабли под перекрестный огонь. Таким образом, концентрируя огонь на одной из «секций», изолированной от основных сил, затем на другой, можно по частям уничтожить всю вражескую эскадру. Соответственно, во втором эшелоне должны идти самые мощные, хорошо вооруженные корабли – они-то и решают исход сражения. Остальные суда лишь «занимают», нейтрализуют основные силы противника.

Должна быть изменена и стратегия морских войн. Во Франции по старинке флот лишь считают «сторожевым псом» сухопутных войск. Но в борьбе за колонии, в далеких морях, все должно начинаться с прямых действий флота. Будут успешными его действия, можно рассчитывать и на успех сухопутных сил...

Личные записки Сюффрена. Неразборчивый почерк. Строки бегут наискосок с головокружительной быстротой. Большие буквы напирают одна на другую. Зачеркивания, кляксы. Но вот что важно: там и сям видны сноски, говорящие о том, что Сюффрен дотошно штудировал морскую историю в поисках верных ориентиров, отыскивает «рецепты» успешных операций. Командор обращается к опыту видных адмиралов прошлого, главным образом голландца Мишеля Рюйтера (1607 – 1676), которого он особо выделяет среди прочих. Внимательно изучает проведенные Рюйтером кампании, примененные им методы ведения боя.

Хватит мнимых побед, которые ничего не решают! Если удалось добиться преимущества, надо использовать его до конца. Сюффрен за сражения без оглядки и отступлений, за то, чтобы одним ударом завершить войну. Выводы из его исканий таковы:

Единственный объект: вражеская эскадра,
единственная цель: ее уничтожение,
единственная тактика: нападение.

Все остальное – вздор, неумение, самообман!

Уверенный в правоте своих идей, Сюффрен, разумеется, не кричит о них со всех крыш, а хранит в глубине души. Если бы в один прекрасный день удалось стать во главе эскадры! Стать бы хозяином положения. Он бы тогда использовал все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы путем быстрых, энергичных мер добиться успеха...

Увы! Его величество случай старательно обходит командора. В начале 1780 года Сюффрен курсирует у побережья Португалии на 74-пушечном корабле «Зеле», имея предписание прибыть 15 июля к Кадису. Проходят недели, монотонные и утомительные, в безуспешных попытках догнать быстрые шебеки берберов. Еще одна скучная, бесцветная кампания...

Наступает вечер. Солнце бросает прощальные лучи на водную пустыню. Стихает шум волн. В вечерней тишине чуть слышно вибрируют фалы, скрипит и постанывает обшивка. Матросы, сгрудившись на палубе, толкуют о будущих заходах в порты, поют свои протяжные песни.

А что Сюффрен? Его не трогают вечерняя меланхолия, рефрены снастей. Он не перестает размышлять об американской кампании. Как неудачно она была начата, как бездарно осуществлялась. И сам он не сделал того, что мог бы сделать. Так видно никогда и не придет его час. Это его 23 кампания. Ему уже пятьдесят один год, а он вынужден растрачивать силы и время на пустяки, участвовать в чужих дурацких аферах. Сердце Сюффрена терзают сожаление, печаль. Он чувствует себя раздавленным роком, побежденным рутинной. Ведь, если он жаждет командовать, то не только из-за честолюбия, новых чинов и званий, а из-за горячего желания воплотить в жизнь свои концепции, доказать правоту своих идей. И он уверен, что обладает необходимыми для этого знаниями и опытом.

С 15 июня 1780 года Сюффрен находится в подчинении у все того же адмирала Дона Луиса де Кордобы. Медлительный и неповоротливый адмирал – подагрик кружит и кружит возле Гибралтара, блокада которого, если дело и впредь пойдет так, может длиться сто лет. Испанская черепаха!

Прибывают с подкреплениями Босси, д'Эстен, Гишен. Вновь поговаривают о попытке массированного вторжения на Британские острова. У Гибралтара сосредоточены огромные испано-французские силы, но что толку? 6 ноября французская эскадра идет на север и запирается в Бресте.

«Один бог знает, когда мы отправимся в путь и куда, - пишет Сюффрен Марии-Терезе. – Честно говоря, уж лучше бы добрый мир, который бы позволил жить спокойно нам и нашим друзьям».

«Карьера не удалась», - с горечью думает командор. Его все чаще посещает мысль об отставке.

Блестящий офицер

Война в Америке, между тем, не закончена, инсургентам еще далеко до победы. Британия, новоявленная Владычица морей, раздосадована тем, что ей вновь противостоит французский флот, уничтоженный дважды двадцать лет назад.

До предела осложняются отношения английской короны с Голландией. 20 декабря 1780 года король Георг Третий отзывает своего посла из Гааги, и все голландские суда, имевшие несчастье находится в английских портах, объявляются конфискованными. Англия давно уже точит зубы на голландские колонии на Мысе Доброй Надежды (крайний юг Африканского континента) и на Цейлоне, этом острове чудес. Над ними нависает смертельная угроза. Голландия тогда обращается за помощью к Франции, и Людовик XVI обещает оказать таковую...

С октября 1780 года пост морского министра занимает маркиз де Кастри, удачливый генерал, талантливый военный организатор. Маркизу не чужды и морские дела. Он из династии моряков, как Форбаны или д'Эстре. В его жилах течет кровь многих поколений французских адмиралов. Де Кастри убежден, что следует и далее помогать инсургентам Америки в их борьбе за независимость, чтобы в конце концов лишить Англию этой богатейшей колонии. Более того, думает де Кастри, нужно попытаться вырвать из рук англичан господство на море. Ныне французский флот, возглавляемый предприимчивыми и компетентными флотоводцами, способен успешно биться с островитянами одновременно на западе и на востоке, то есть у берегов Америки и в Индийском океане. Но для этого нужно обновить командный состав на флоте.

Это убеждение морского министра полностью разделяет и Людовик XVI.

Де Кастри замышляет далеко идущие планы. В Америку на помощь инсургентам будет направлена новая мощная эскадра под командой адмирала графа де Грасса. Де Грасс продолжит дело, начатое д'Эстеном. Одновременно будет сделана попытка обезопасить Мыс Доброй Надежды, вернуть французской короне ее прежние владения в Индии. Берега Индии, к сожалению, давно уже оставлены шефом эскадры графом д'Орвом, чьи корабли плесневеют на острове Иль-де-Франс. Исправить положение там может лишь человек исключительной энергии и силы воли.

Между тем, тайными путями Версалию становится известно о том, что из порта Плимут вот-вот отправится к Мысу коммодор Джонстон с эскадрой боевых кораблей и множеством транспортов с войсками. Если Джонстон захватит Мыс, где обычно делают остановку корабли, идущие к индийским берегам, и откуда снабжаются всем необходимым острова Иль-де-Франс и Бурбон, то ключи от Индии попадут в руки англичан. Допустить этого нельзя...

До Сюффрена, разумеется, доходят слухи о готовящихся дальних экспедициях. Оживают его надежды. Но он знать не знает о том, что в недрах морской канцелярии хранится доклад д'Эстена, полный похвал в его адрес. Вице-адмирал был покорен кипучей энергией и отвагой своего подчиненного, убедился в том, что этот боевой капитан – «единственный настоящий моряк на флоте». По возвращении из Америки д'Эстен предлагал назначить Сюффрена шефом эскадры. «Сила воли и военные таланты этого блестящего офицера делают возможным самое казалось бы невозможное, - писал д'Эстен. – В его руках любая самая трудная задача находит свое разрешение». А министр Сартин, направляя доклад д'Эстена королю, сделал такую приписку: «Этот капитан корабля был бы самым лучшим шефом эскадры на службе Вашего Величества...» Но, увы! Сюффрен лишь сороковой в списке капитанов – кандидатов на этот пост. Помня об этом, Сартин предлагал учредить для Сюффрена временную должность шефа эскадры – поощрительное назначение в ожидании регулярного повышения по службе. Резолюция короля: «Нельзя!»

Сюффрен тогда получил письмо Сартина, полное похвал поведению «Фантаска» у берегов Америки. Министр обещал сделать все возможное для более быстрого продвижения Сюффрена по службе.

Все возможное! Старая, знакомая песня!

Эскадры покидают Брест

Честь «открытия» Сюффрена, вопреки его недругам и ему самому, принадлежит маркизу де Кастри. В руки морского министра попадает послужной список Сюффрена. Из содержащихся в нем рапортов и записок де Кастри узнает о том, что этот «старый» капитан постоянно в море, то на кораблях короля, то на галерах Мальтийского ордена, что это человек редкой отваги, что он плавал чуть не по всем морям, участвовал во многих кампаниях, всегда полон инициативы. В других же рапортах жалобы, что Сюффрен в открытую критикует начальство, что им трудно командовать, что у него слишком большое самомнение.

Прочитав послужной список Сюффрена, начиная с гардемарин, а также доклад д'Эстена и приписку Сартина, де Кастри угадывает исключительные качества этого офицера. Чтобы поближе познакомиться с ним, приглашает отобедать вместе в Версале...

Этот капитан первого ранга, толстяк с мужественным лицом, который явился, раскачиваясь, словно на командном мостике, сразу же завоевывает расположение и симпатии министра. Знаток человеческих душ, де Кастри дает Сюффрену возможность высказаться, оценивает его, тогда как сам Сюффрен, не стесняясь, излагает свои мысли и планы. Он, разумеется, не выплескивает перед министром своих тревог и разочарований, не просит разрешения вернуться в родные пенаты, чтобы выращивать там апельсины. За внешней простотой своего визави де Кастри чувствует едва сдерживаемый душевный жар, вкус к решению трудных задач. Ни выспренности, ни пустословия. Четкие и веские доводы, взвешенные суждения ветерана, не пасующего перед трудностями.

Де Кастри с невольной улыбкой глядит на чудесного гостя, полного воодушевления и доброго аппетита, воинственного пыла против блюд на столе и врагов короля. Да! Это как раз тот человек, которому можно будет доверить нелегкое дело спасения голландской колонии на Мысе, борьбы с англичанами за Индию. Министр решает про себя: Сюффрен будет командовать...

Они расстались вполне довольные друг другом.

Обед с министром. Это что-нибудь да значит. Сюффрен, преисполненный надежд, мчится в Брест, куда собирался прибыть де Кастри. Там спешно готовят две эскадры. Одну из них, как уже было сказано, поведет к берегам Америки провансалец де Грасс. Но кто возглавит вторую эскадру, которая должна отправиться к Мысу, к берегам Индии? Кто?

13 марта 1781 года де Кастри прибывает в Брест. А 14 марта, отобедав на борту флагмана «Виль де Пари», присутствует при учебной боевой тревоге и удаляется под троекратные возгласы: «Да здравствует король!», гром пушек флота.

14 марта – день триумфа для Сюффрена и всех провансальцев. Де Кастри вручает ему командование второй эскадрой.

Наконец-то улыбнулась фортуна! Но Сюффрен ворчит, хмурится, морщит лоб. Обезопасив от англичан голландскую колонию на Мысе, ему предстоит затем войти в подчинение к графу д'Орву, который давно уже находится в Индийских водах. Сюффрену весьма не по душе такая перспектива.

«Милый друг! Я отправляюсь к берегам Индии во главе отряда из пяти линейных кораблей, - пишет он Марии-Терезе. – Месье де Кастри весьма любезно отдал их мне. Но он не сделал того, что должен был сделать: не назначил меня шефом эскадры, и я буду командовать этим отрядом лишь до прибытия в Индию, где есть офицер старше меня по возрасту и рангу. Всего там будет одиннадцать кораблей, и малейшая счастливая случайность может

поставить меня во главе великолепной эскадры, что и позволит, наконец, обрести славу, - этот дым, эту неосязаемую субстанцию, ради которой мы делаем столь многое. Мы будем находиться там не менее восемнадцати месяцев. Месье де Кастри торопит. Все делается в спешке...» В постскриптуме Сюффрен добавляет: «Мне обещано, что в индийских водах я буду обладать правами и прерогативами шефа эскадры. Я узнал об этом совсем недавно. Это секрет, которым я пока не делился ни с кем из родни».

Прервав свои приготовления, Сюффрен вновь мчится в Париж на прощальную аудиенцию у Людовика XVI.

В приемных залах Версаля толпа раздушенных придворных топчется у дверей суверена. На Сюффрена наводят лорнеты, пожимают плечами. Кто здесь знает этого невысокого полного моряка с хмурым лицом, в вышедшей из моды одежде? Кто видел его в здешних краях? Никто не двинулся с места. На помощь Сюффрену тогда приходит церемонимейстер, ведет его в кабинет короля.

- Благодарю вас, месье, за помощь, оказанную мне сегодня, - громко, с вызовом придворной камарилье говорит Сюффрен. – Но уверяю вас, что по возвращении из Индии я сам справлюсь с этой задачей...

Нетерпение жжет пятки Сюффрену. Он спешит обратно к своим кораблям. И 22 марта 1781 года, под проливным дождем, в присутствии морского министра обе эскадры, направляющиеся к берегам Америки и Индии, покидают Брест.

Часть вторая

ИНДИЯ

Порой на арене истории, словно комета в небе,
появляется личность, чей блестящий гений оживляет

текущие события, бросает неестественно яркий свет
на события и людей, чтобы вскоре исчезнуть, не оставив
сколько-нибудь заметного следа в мерном течении
времени...

К.М. Паниккар

Глава первая

ТРУДНЫЙ ПЕРЕХОД

«Артезыян» дает течь...

29 марта 1781 года эскадра, направляющаяся к берегам Индии, отделяется у мыса Финистер от основных сил адмирала де Грасса и берет курс на юг. С этого момента ею единолично командует Сюффрен.

Согласно полученным инструкциям Сюффрен должен вначале прибыть к Мысу Доброй Надежды и, выгрузив в Кейптауне войска и боеприпасы, усилить тамошний голландский гарнизон. Далее, наведя острова Иль-де-Франс и Бурбон, прибыть в Пондишери, откуда должна начаться атака на Индию, гордость и опору британской короны. В Версале поняли наконец, что сломить мощь Англии можно лишь нанеся удар в самое сердце ее колониальной империи. И разве забудешь о том, что каких-нибудь двадцать лет назад белый с лилиями флаг Бурбонов развевался во многих городах и весях этой сказочно богатой страны?

Эскадра Сюффрена невелика. В ней всего пять линейных кораблей: «Эро» под брейд-вымпелом самого командора, «Аннибал», «Артезыян», «Ванжер», «Сфинкс» и корвет «Фортюн». Первые два имеют на вооружении 74 пушки, три других – 64. «Фортюн» - 18 пушек. У всех у них, кроме «Аннибала» и «Фортюна», днища обшиты листовой медью. У всех борта в продольных черно-белых полосах, как это принято в Бресте.

За эскадрой следуют восемь транспортных судов с артиллерией, провиантом, боеприпасами и отрядом солдат под командой бригадира Дюшмена. Не располагая большими силами, Сюффрен по крайней мере избавлен от одного из бесчисленных торговых караванов, которые так замедляют ход, так сковывают действия боевых кораблей.

Сюффрена мы видим на командном мостике «Эро», который для него – лучший корабль в мире. Он в красно-голубой униформе. На широкой груди сияет крест командора Мальтийского ордена. Сюффрен не в силах скрыть того, что счастлив, и это вызывает усмешку у молодых офицеров, которые всегда склонны критиковать «стариков». Они уже успели прозвать Сюффрена «пашой».

Сюффрен наблюдает в подзорную трубу за кораблями эскадры. Что думает он о капитанах? В Бресте ему удалось лишь вкратце ознакомиться с их послужными списками. Идущим в кильватер «Аннибалом» командует Бартелеми де Треминьон, старослужащий французской Ост-Индской компании. Треминьон, хоть и сын адмирала, поздно пришел на флот. Потерял глаз в сражении у Короманделя – Восточного побережья Индии. Этот одноглазый – добрый моряк. Четыре года плавал в районе Молуккских островов. Не раз бывал у берегов Бенгалии, что может пригодиться в дальнейшем. Командуя фрегатом, Треминьон взял на абордаж и сжег корсарский корабль. В Прощении Треминьона присвоить ему звание капитана первого ранга есть такие слова: «Я люблю свою профессию...» И это не может не импонировать Сюффрену.

За «Аннибалом» следует «Ванжер». Его капитан, Шарль де Форбан, как и сам Сюффрен, уроженец Прованса, да еще и его кузен. Форбан, выходец из знаменитой семьи потомственных моряков, слишком хорошо известен Сюффрену. Будет ли он усерден на службе, точен в исполнении приказов? Не использует ли их родство в своих целях? Не завидует ли? Чем объяснить слишком уж быстрое продвижение Форбана по службе: отвагой и распорядительностью в сражениях или всего лишь блестящим прошлым семьи? За ним нужен глаз да глаз.

«Сфинксом» командует виконт Шийу де ла Рош. Этот моряк не вызывает у Сюффрена ни опасений, ни каких-либо эмоций.

Шествие замыкает «Артезьян» под командой Поля де Кардаяка. Кардаяк, мальтийский рыцарь, бился с берберами на галерах и шебеках Ордена, участвовал во многих сражениях. Одна рука Кардаяка на перевязи – перебита пулей. Два года назад, крейсируя в Ламанше на фрегате «Ренар», он потопил большой английский галиот, затем корсара «Активф».

Корветом «Фортюн», который эскортирует транспорты, командует Лузиньян, молодой офицер.

Можно ли будет положиться во всем на этих капитанов?

Небольшой отряд кораблей одинок в безбрежном океане. В распоряжении у Сюффрена 340 пушечных стволов, 3765 моряков, да еще 565 солдат колониальных войск. Ему известно о том, что к Мысу Доброй Надежды направляется и английский адмирал Джонстон. Известно также, что у Джонстона около тысячи орудий, семь тысяч человек экипажей, 2200 солдат на транспортах, причем транспорты снабжены пушками и могут принимать участие в сражениях. Явный перевес сил в пользу английского адмирала. Но Сюффрен уверен в себе.

Надо опередить Джонстона. И Сюффрен спешит, подстегивает отстающих. Однако старые, потрепанные бурями и сражениями корабли не идут так быстро, как ему хотелось бы. Транспорты в столь скверном состоянии, что один из них «Эсперанс» пришлось взять на буксир.

11 апреля случилось то, чего пуще всего опасался Сюффрен: дал течь «Артезьян». И командор решает сделать остановку в заливе Прая на Сантьягу, одном из португальских островов Зеленого Мыса. Там обычно останавливаются корабли, уходящие в плавание к Мысу Доброй Надежды.

Острова Зеленого Мыса, вопреки своему названию, представляют из себя скопище черных, обожженных солнцем базальтовых скал со сверкающими изломами. Нет там ни травинки, ни деревца, ни кустика.

Эскадра огибает архипелаг. «Артезьян» с разрешения Сюффрена уходит вперед к Прае. На «Артезьяне» ко всему прочему ощущается нехватка пресной воды, и его верхняя палуба уставлена пустыми бочками. Сюффрен приказывает Кардаяку дать сигнал, если он обнаружит в заливе чьи-нибудь корабли.

Все наверх!

16 апреля 1781 года, ранним утром, «Артезьян» приближается ко входу в залив, и Кардаяк вдруг видит множество мачт, реющие над ними английские флаги. Он тотчас ложится на обратный курс, дает условный сигнал: «Вражеские паруса!»

Невероятное известие! Сюффрен хватается подзорную трубу. С каждого полуяота офицеры и матросы обшаривают глазами фиолетовый горизонт. И вот в поле зрения французских моряков возникает одна мачта, за ней вторая, третья. Целый лес мачт! Ошибиться невозможно, это эскадра Джонстона. Того самого Джонстона, которого надо опередить!

Море играет. Погода чудесная. Легкий шум воды под форштевнем «Эро» сливается с потрескиванием снастей...

Сюффрен недвижим на полуяоте. Подбородок выдвинут вперед. Взгляд прикован к горизонту. Руки машинально теребят подзорную трубу. Считанные минуты на раздумья... Мыс должен быть спасен. Если пройти мимо, Джонстон непременно догонит французскую эскадру, так как ее сильно задерживает конвой, в котором много старых транспортов. Придется тогда оставить конвой, и его захватят англичане. Защитить конвой будет трудно, так как англичан больше. Если же Джонстон пройдет мимо, то прибудет к Мысу раньше. В любом случае проигрыш неизбежен. Единственный шанс добиться успеха, это задержать английскую эскадру в Прае, причинив ей большие потери, а еще лучше – уничтожить.

Экипаж «Эро» - офицеры и матросы молча глядят на командора, ждут его решения. Сюффрен вновь вглядывается в мачты, которые все вырастают. Ага! Корабли англичан стоят на якорях, они уверены в своей безопасности. Дорого же обойдется им такая уверенность. Атаковать Джонстона, атаковать внезапно, навалиться на него всей мощью эскадры! Разве не об этом мечтал Сюффрен с самого начала войны с англичанами? Согласно правилам, нельзя атаковать корабли противника, стоящие на якорях, да еще под защитой береговой артиллерии. К чёрту правила! Эскадра Джонстона находится в нейтральных португальских водах. Ну и что с того? Дипломаты позже объяснят что к чему. Сюффрен не забыл о предательском поведении португальцев двадцать три года тому назад, в августе 1759 года у Лагоса, когда адмирал Босковен расстреливал в их водах последние корабли бедняги Ла Клю, и где сам Сюффрен попал в плен. Он оплатит им обоим той же монетой. Потом, разве не ждут от него во Франции победы? И разве бывает победа без сражения?

Не колеблясь более, командор громовым голосом отдает одну за другой команды:

Вражеские корабли!

Приготовиться к бою!

Приготовиться стать на якоря!

Барабаны бьют тревогу. Команда: свистать всех наверх!

«Салют» командора

Дав сигналы, Сюффрен устремляется вперед. У него нет ни времени, ни возможности сообщить капитанам о своих намерениях. За «Эро» следует «Аннибал», не понимая в сущности, что собирается делать Сюффрен. То же самое и «Артезьян». «Сфинкс» и «Ванжер» пока отстают, но командор надеется, что они последуют его примеру.

Успех атаки зависит от внезапности. Сюффрен не без основания полагает, что большая часть людей Джонстона находится сейчас на берегу, в крошечном португальском поселении с нависшей на ним горой. Это немаловажно. Главное захватить Джонстона врасплох!

В 11:00 «Эро» входит в залив Праи. Сюффрен приказывает поднять брейд-вымпел, кормовой флаг с лилиями Бурбонов. На самого командора стоит поглядеть. За тридцать пять лет плаваний и сражений Сюффрен обрел простецкие повадки. Он любит рубахи из мягкой ткани без галстука, куртки без застежек. Вот и сейчас на нем ситцевая рубаха. Рукава засучены. Вместо треуголки голову его осеняет большая серая шляпа...

Сюффрен вглядывается в подозрную трубу. На берегу мечутся английские моряки. Они набиваются в шлюпки, гребут изо всех сил к своим кораблям. Их слишком много, черт побери! Войдя в тесный залив, похожий на мышеловку, командор рискует всем, ставит на карту всё. Поймут ли капитаны, что нужно вдребезги разбить корабли Джонстона, превратить в лохмотья паруса и такелаж на них, истребить их экипажи, сделать невозможным их выход в море? Преимущество у того, кто ударит первым, и ударит как можно сильнее.

Сюффрен врывается на своем «Эро» в самую гущу вражеской эскадры. Выбирает себе противника, 74-пушечный флагман Джонстона «Хироу», становится на якоря в «пистолетном выстреле» от него. По левый борт у командора еще один английский линейный корабль «Монмут», с которым он уже имел дело у берегов Америки. Капитан «Аннибала» Треминьон, человек легендарной отваги, изумленный маневром Сюффрена, тем не менее следует за ним. Обогнув «Эро», он бросает якоря так близко, что последний вынужден попятиться, чтобы не протаранить бушпритом корму «Аннибала». На обоих кораблях гремят барабаны, свистят дудки. Роятся у пушек канониры.

Сюффрен начинает бой – угощает корабли противника бортовыми залпами. Треминьон тоже палит с обоих бортов. Но и англичане, придя в себя, отвечают выстрелом на выстрел. Пять сотен пушечных жерл изрыгают пламя. Им вторят португальские батареи на обочине горы. Чудовищная канонада, стократно усиленная эхом, раскатывается по заливу подобно небесному грому.

В считанные минуты на борту «Эро» выведены из строя девяносто человек. На «Аннибале» убитых и раненых вдвое больше.

Является «Артезьян». Перед тем как войти в залив, его капитан Кардаяк в спешке сваливает за борт пустые бочки, чтобы очистить палубу для канониров. Он дает бортовой залп по ближайшему кораблю англичан, 50-пушечному «Джюпитеру», делает неудачную попытку взять его на абордаж. Но при новой попытке в грудь Кардаяку попадает вражеское ядро, укладывает его мертвым на палубе. А Кардаяк только что отправил старшего помощника Ла Буаксьера командовать первой батареей. Как некстати! Пока искали Ла Буаксьера, «Джюпитер» отодвинулся в сторону. В густых клубах порохового дыма, заволакивающего его корпуса и мачты, моряки на «Артезьяне» принимают за «Джюпитер» - «купца» Английской Ост-Индской компании, идут на абордаж. Команда «купца» рубит якорные канаты, и оба корабля, сцепившись рангоутами, дрейфуют по воле ветра и волн.

Форбан на «Ванжере» мог бы сделать всё, но не делает ничего. Не выполнив приказа стать на якоря, он не предпринимает ни малейшей попытки придти на выручку «Эро» и «Аннибалу», на которых сосредоточен огонь англичан и португальцев. Делает вид, будто не понял сигнала, дефилирует перед английскими кораблями, разряжает пушки и возвращается к выходу из залива.

Экипаж «Сфинкса» спешно выбирает канаты, на которых тащился за ними этот злосчастный транспорт «Эсперанс». Войдя в залив, капитан «Сфинкса» дю Чийо делает все, что может.

«Эро» и «Аннибал» пока держатся, ведут жаркую артиллерийскую дуэль с четырьмя линейными кораблями Джонстона и другими английскими судами, которые к счастью стоят так тесно, что это мешает им вести огонь. Но характер сражения начинает меняться не в пользу французских моряков. На «Аннибале» дела принимают катастрофический оборот: в кают-компании загораются ящики с зарядами. Тушить пожар направляют солдат. Падает бизань-мачта, и грохот от ее падения на миг перекрывает канонаду, трескотню ружей. Капитан «Аннибала» Треминьон смертельно ранен: у него разворочено бедро. Он умирает в судовом лазарете. Треминьона замещает его старший помощник Морар де Гай. Де Гай спешит расчистить верхнюю палубу от обрывков такелажа, поднимает на фале белую скатерть взамен флага, сбитого ядром и унесенного ветром.

На «Эро» мачты пока целы, но штаги и такелаж в плачевном состоянии.

Уже полдень. Бой гремит около часа. Сюффрен с горечью констатирует, что три других корабля так и не поддержали его. Надо отдать приказ «Аннибалу» уходить, но фалы порваны, не на чем подать сигнал. Командор тогда приказывает рубить канаты, надеясь, что «Аннибал» последует его примеру. Де Гай понял, тоже начал выходить из боя.

«Эро» медленно идет к выходу из залива, оставляя в кильватерной струе тела погибших в сражении моряков. По обоим его бортам то и дело появляются огненные вспышки, сопровождаемые громом. «Аннибал» идет следом, как вдруг на нем рушится фок-мачта, которая еле держалась, и корабль становится похожим на простую баржу. Возникает реальная угроза захвата его англичанами. К счастью, течение относит «Аннибал» к «Эро». Сюффрен приказывает капитану «Сфинкса» дю Чийо взять его на буксир, и дю Чийо сноровисто выполняет приказ.

Окутанные пороховым дымом корабли Сюффрена с «Аннибалом» на буксире покидают залив. Джонстону остается лишь проводить их взглядом.

Таков был боевой «салют» командора его давним врагам – островитянам.

Слишком новая игра

Выйдя из залива Праи, Сюффрен немедленно принимается за устранение повреждений на своих кораблях. Особую озабоченность у него вызывает «Аннибал», который лишился мачт и руля. При сильной бортовой качке на нем опасно раскрывать пушечные люки первой батареи. И так много убитых, раненых!

Между тем, в 16:30 Джонстон выводит из залива свою эскадру, выстраивает ее в линию. Сюффрен встречает Джонстона достойно. «К черту всякие маневры!» - кричит он и тоже выстраивает свои корабли. Впереди «Сфинкс» с «Аннибалом» на буксире, далее «Эро», «Ванжер» и «Артезьян». Привычное построение для французских капитанов. То, как быстро они выстроили свои корабли в линию, производит впечатление на Джонстона. У английского адмирала преимущество в ветре, но он, приблизившись на «дальний пушечный выстрел», медлит, не предпринимает ничего.

Это противостояние длится вплоть до позднего вечера. Оно мучительно для канониров Сюффрена. Ведь, целый день, не разгибаясь, работали они как проклятые у своих пушек, у горнов, с запальниками в руках.

Наступает ночь. Сюффрен приказывает зажечь кормовые фонари. Обозначив свои «позиции», он тем самым вызывает Джонстона на бой. Но Джонстон не принимает вызов. Громыхнув на прощание пушками, укрывается в заливе Прая...

По гроб жизни не забыть английскому адмиралу того, как флагман Сюффрена «Эро», извергая пламя и смерть с обоих бортов, вторгся в самую гущу его эскадры, не заботясь о том, последуют ли за ним остальные корабли.

Понеся сам немалые потери, Сюффрен считает, что он одержал пусть моральную, но все же победу. И он первым дойдет до Мыса. Но командор хотел большего. Он жаждал переломить Джонстону хребет, пустить ко дну его корабли. Увы! В одиночку этого не сделаешь. За исключением Треминьона, который умирает в раздробленном бедром, ни один из остальных капитанов не поддержал его, не выполнил приказ стать на якоря. И как робко, как неуверенно вели они себя в бою. Рабы одеревенелых теорий, они не поняли его замысла, его плана.

Все же скажем в оправдание капитанов, что маневр Сюффрена был для них полной неожиданностью, поставил их в тупик. Командор повел слишком уж новую, непривычную для них «игру».

В письме Марии-Терезе, отправленном позже, Сюффрен так оценивает сражение:

«Прая могла и должна была обессмертить мое имя; я упустил или, вернее, меня вынудили упустить уникальную возможность. С пятью кораблями я мог бы обеспечить Франции мир, и почетный мир. Твой друг был бы достоин тебя, и обо мне узнала бы вся Европа. Но, увы! Это сражение одно из тех, которые не решают ничего, и которое затеряется среди множества других таких же».

Но что подумают в Версале об этом сражении, проведенном в нейтральных водах, в нарушение полученных инструкций?

«Винюсь перед Вами в том, что я атаковал Джонстона в надежде, что используя внезапность нападения и сумятицу на якорной стоянке, уничтожу его эскадру, - пишет Сюффрен морскому министру. – И я бы уничтожил ее, если бы остальные корабли выполнили приказ стать на якоря. Достоин Вашего осуждения, месье, за то, что упущена возможность совершить великое дело с малыми средствами. Я безутешен».

Сам бывалый солдат, де Кастри вполне понимает действия Сюффрена, воздает ему должное. Людовик XVI, узнав от морского министра о деталях сражения у Праи, предоставляет Сюффрену право избавляться от капитанов, которые не отвечают предъявляемым к ним требованиям. А те, кто того заслуживают, получают Крест Святого Людовика на красной ленте, продвижение по службе.

«Как стало известно Его Величеству... в тех исключительно сложных условиях Вы проявили себя как человек большого мужества и таланта, - отвечает министр Сюффрену. – Мне поручено известить Вас о том, что Вам присваивается звание шефа эскадры».

Пройдут многие месяцы, пока эта желанная весть достигнет Сюффрена.

Паруса ставить!

Назавтра же, не теряя времени, Сюффрен пускается в дальнейший путь. На ходу, в открытом океане, ремонтирует корабли, восстанавливает на них стоячий и бегучий такелаж, ведет на буксире изуродованный «Аннибал», у которого нет ни мачт, ни руля. Сложный, трудный переход. Рвутся буксирные канаты, умирают раненые и больные. Но через два месяца, 20 июня 1781 года эскадра бросает якоря в заливе Фолс Бей. Сюффрен, к великой радости голландцев, высаживает с кораблей войска, приводит укрепления колонии в состояние боевой готовности, расставляет на побережье пушки. Мыс Доброй Надежды спасен.

Джонстон, задержанный в водах Зеленого Мыса громадным уроном, нанесенным ему Сюффреном, появляется лишь через полмесяца. Голландцы в страхе, который однако проходит. Одного присутствия на Мысе командора достаточно, чтобы охладить боевой пыл английского адмирала. У Джонстона нет желания вновь связываться со столь упорным противником. И прибыл он слишком поздно, чтобы попытаться сделать что-либо. Джонстон вымещает злость на голландских торговых судах, захватывая и сжигая их. Затем, не долго думая, уходит на север.

Чего бы ни отдал Сюффрен ради возможности отрезать путь английскому адмиралу! Но корабли нуждаются в дальнейшем ремонте. Некоторые из них едва держатся на плаву.

«Корвет «Фортюн», который мне дали, никуда не годится, - пишет командор морскому министру. – Он идет плохо. Его возьмет на бордаж и одномачтовая яхта».

Сюффрен вынужден с горечью признать, что имеющиеся в его распоряжении средства не отвечают возложенным на него задачам, и что во всем ощущается ужасная нехватка.

«Будь у меня хоть пара фрегатов, я бы захватил 16 апреля семь или восемь английских торговых судов, которые вышли из залива Праи, - продолжает он. – Эти суда очень быгодились, чтобы перевозить боеприпасы и провиант, разведывать движение кораблей противника. В Бресте мне было отказано в походной кузнице, во всем том, что необходимо для ремонта судов... Если Вы хотите извлечь пользу из одиннадцати кораблей в Индийских водах, срочно направьте на Иль-де-Франс необходимое снаряжение, канаты, паруса, лес на мачты, особенно для замены стенов, и что самое главное – офицеров, матросов, и т.д. Вышлите все это на яхтах короля с обшитыми медью днищами. Тем самым будет выиграно время для ведения боевых операций».

Совершать великие дела с малыми средствами – таков будет удел Сюффрена в ходе Индийской кампании. В сражении у Праи командор нанес ощутимый удар по престижу англичан. Он начал свою войну, где все будут решать умение и мужество. Он пойдет своей дорогой, вопреки глупым порой приказам и советам, ворчанию недовольных и завистливых.

За два месяца пребывания на Мысе Сюффрен приводит эскадру в полный порядок. Он сможет теперь противостоять суровому и капризному Индийскому океану.

27 августа 1781 года в Кейптауне состоится большой званый ужин в честь Сюффрена. А уже назавтра командор отдает приказ сниматься с якорей. Его корабли уходят в новое двухмесячное плавание, ужасное своей монотонностью, болезнями и смертями.

Что до самого Сюффрена, то он выглядит совсем неплохо и отнюдь не отказывает себе в удовольствии славно покушать. В бортовом журнале «Эро» есть такая запись:

«В субботу 22 сентября, рано утром выпал град, и командор приказал изготовить мороженое...»

Я прибыл сюда воевать

25 октября 1781 года Сюффрен видит в подзорную трубу хаотические пики большого острова. Он вводит эскадру в просторный залив полный кораблей, на берегу которого приветливо белеют домики под роскошными пальмами. Отдает приказ становиться на якоря.

Иль-де-Франс!

В этой отдаленной колонии Франции военному человеку жилось куда как славно. Процветала выгодная торговля, а здешние красавицы креолки были милы, легко доступны. Губернатор острова, виконт де Суйяк, человек весьма обходительный и покладистый, не хотел никого тревожить, и пуще всего желал, чтобы никто не тревожил его персону. Здешний интендант, великий финансист месье Фуко, с завидным усердием старался обогатиться за счет короля.

Кроме де Суйяка и Фуко на Иль-де-Франс находится также граф д'Орв, шеф эскадры, честный, но не блещущий талантами солдат, которому слабое здоровье не позволяет выходить с кораблями в море. Сюффрен весьма недоволен тем, что приходится быть у него в подчинении. Слишком хорошо знает командор это поколение французских моряков, которых череда неудачных сражений совершенно лишила боевого духа. К тому же офицеры д'Орва, проведя на этом «Острове Калипсо» столько лет в полном бездействии, во многом утратили навыки командования кораблями.

Ознакомившись с положением дел на острове, Сюффрен недоволен хмурится. И здесь все обстоит не так, как ему хотелось бы. В здешних морских складах хоть шаром покати!

«Месье граф Эктор, интендант Бреста, заверил меня, что он хорошо знает Индию, и что на Иль-де-Франс имеется все необходимое для оснастки и ремонта кораблей. С этими заверениями мы и отправились в плавание, подготовленные к нему хуже, чем торговые суда, - пишет Сюффрен Марии-Терезе. По прибытии на Иль-де-Франс что подумает он об этих «заверениях» и их авторе. - Здешняя публика встретила меня великолепно, кроме морских офицеров, которые бездельничают здесь уже шестой год, - продолжает командор. - Говорю тебе, дорогая, с открытым сердцем - эта страна расслабляет. На острове много красивых женщин. Все увлечены торговлей, зарабатывают немалые деньги, жаждут задержаться здесь как можно дольше. Это лучше, чем воевать... Наша эскадра, будучи снабжена всем необходимым, могла бы творить чудеса. Чего не хватает, так это светлой головы и уверенности в себе».

Д'Орв печалится, что на острове нет самого необходимого, чтобы привести эскадру в боеспособный вид. Сюффрен тогда заверяет его, что все будет сделано, все улажено. Предоставив д'Орву свободу предаваться медитациям, командор с жаром берется за дело. Он импровизирует, изобретает, придумывает. Его видят то тут, то там, но чаще на верфях, среди матросов. Он тормошит вялых и апатичных колонистов, влюбчивых офицеров. Не дай бог,

если на глаза Сюффрену попадется шляющийся без дела матрос или солдат! Не миновать ему наказания!

Под цепким взором командора, от которого не укрыться вора и лентяям, люди, будто очнувшись, принимаются за работу. Вскоре горячка охватывает все население острова. В Порт-Луи, столицу Иль-де-Франс, отовсюду везут лес для ремонта кораблей. С острова Бурбон прибывают суда с маисом и рисом, с побережья Мозамбика привозят шестьсот рабов, чтобы пополнить поредевшие ряды канониров. В Индии эти люди окажут эскадре неоценимые услуги.

Припертый к стенке этим дьяволом в человеческом облики, воодушевился губернатор де Суйяк. Он формирует отряд волонтеров в поддержку индийских друзей, которые ждут не дождутся столько раз обещанного и постоянно откладываемого прибытия туда французского экспедиционного корпуса. Здешний интендант клянется, что на острове нет ничего для оснастки кораблей. Сюффрен тогда приказывает собрать все имеющиеся в колонии обрезки и обрывки фалов и канатов. Каждый из них он сам осматривает, оценивает, пускает в дело. Не терпит никаких задержек, не принимает никаких объяснений.

На вечернем приеме в Порт-Луи Сюффрен бросает напудренным, натершимся мускусом офицерам такие слова:

- Я прибыл на Иль-де-Франс воевать, а не волочиться за здешними красотками...

Некоторые из молодых офицеров, отойдя в сторонку, зубоскалили:

- У месье де Сюффрена, командора Мальтийского ордена, монаха, есть веская причина не волочиться за женщинами...

Сюффрен отнюдь не обольщается насчет старших офицеров эскадры. Он, было, назначил капитаном «Аннибала» Морара де Гая, который так умело и отважно поддержал его в сражении у Праи, а капитаном «Артезьяна» Па де Болье. Это решение, при принятии которого Сюффрен руководствовался исключительно мужеством и умением вышеупомянутых офицеров, вызвало бурю зависти и злобы, что в полной мере проявилось здесь на Иль-де-Франс. Д'Орв отменил решение Сюффрена. Командование «Аннибалом» он передал де Тромелэну, человеку завистливому и мнительному, вокруг которого вскоре сплотилась кучка сплетников и интриганов. Форбан, один из самых способных, так странно, так необъяснимо вел себя в сражении у Праи!

Сюффрен остро ощущает недоверие к себе, отсутствие у многих офицеров доброй воли, в любой момент могущие перерасти в неповиновение. Он одинок в эскадре д'Орва. Неужто придется воевать в Индии под командой этого липового моряка? Неужто так и не удастся опробовать на практике новые, разработанные им методы ведения морских сражений? Но тут к сердцу командора приливает волна несокрушимой уверенности в себе. Индия станет трамплином к его славе!

Наконец все приготовления закончены. Корабли в полном порядке. У бедняги д'Орва нет теперь ни малейшего предлога и далее задерживаться на Иль-де-Франс.

Утром 7 декабря 1781 года команда: «Паруса ставить!» Эскадра покидает Порт-Луи и направляется к берегам Индии.

Глава вторая

ЭТИ КАНАЛЫ КАПИТАНЫ!

Преодолеть искушение!

С Иль-де-Франс никогда еще не отправлялась к берегам Индии столь великолепная эскадра. Одиннадцать больших кораблей, правда, не слишком «молодых», так как они спущены на воду еще при покойном Людовике XV, когда казна была не совсем пуста, а резчикам по дереву, декораторам и позолотчикам еще не начинали прививать более простые вкусы. В эскадре также три фрегата, два корвета и брандер², девять транспортов с войсками, боеприпасами и провиантом.

Корабли тремя колоннами неспешно, уверенно держат путь на юго-восток. В лучах восходящего солнца сверкают золотом кормовые фонари, галереи. Под кариатидами славные названия: «Орьян», «Эро», «Ажакс», и так далее. Ветер надувает паруса в густой чаще мачт.

Вначале все идет прекрасно. Погода великолепная, ветры – нельзя желать лучшего. Но вскоре все меняется. Одна за другой следуют полосы штилей, и корабли, не двигаясь с места, подолгу раскачиваются на крупной мертвой зыби. Уже недалеко и экватор. Поверхность моря все более походит на пелену из разогретого масла. Находиться на солнце – значит рисковать жизнью, а в межпалубных пушечных отсеках можно издохнуть от нехватки воздуха, духоты.

Сюффрен начинает знаменитую Индийскую кампанию с того, что 22 января 1782 года захватывает на своем «Эро» новый, только что со стапелей английский 50-пушечный «Ханнибал», который спешил от берегов острова Святой Елены к Мадрасу. От его капитана командор узнает о том, что вслед за ним идут еще пять английских кораблей с подкреплениями. Пленные были распределены между кораблями эскадры, их места заняли французские моряки. Корабль был переименован в «Пти (Малый) Аннибал».

Не выдержав тягот долгого плавания, умирает д'Орв. «Отче наш» над его телом, завернутым в парусину, с привязанным к ногам ядром, прочитал сам Сюффрен. Прочитал с чувством, но не без вздоха облегчения в душе. Смерть д'Орва, несомненно, та самая «счастливая случайность», о которой он писал Марии-Терезе перед уходом эскадры из Бреста. Кто там не знал о хлипком

² Брандер – небольшой корабль, начиненный горючими и взрывчатыми веществами. Горящий брандер направляют по ветру или по течению на крупные корабли противника.

здоровье д'Орва? Оправданием командору может служить лишь его горячее желание как можно скорее довести войну с Англией до победного конца. Сюффрен никогда не считал д'Орва гением, и по его твердому убеждению эскадра сможет добиться успеха лишь в том случае, если ею будет руководить одна голова.

Итак, в свои 52 года Сюффрен становится единоличным начальником эскадры. Он прибывает к берегам Индии с силами, превосходящими те, которыми здесь располагают англичане. Но негде приткнуться, негде бросить якорь. Все ранее принадлежавшие Франции порты в руках англичан. Хуже того, не так давно голландцы бесславно сдали поданным Георга Третьего порт Тринкомали на северо-востоке Цейлона с его великолепным рейдом и богатыми морскими складами. Сюффрен полагает, что единственный способ выйти из затруднительного положения, это отыскать английскую эскадру, которую возглавляет адмирал сэр Эдвард Хьюз, разбить ее в пух и прах.

Эскадра, в ее составе и «Пти Аннибал», капитаном которого Сюффрен назначил Морара де Гая, идет в виду берегов на север. И 14 февраля лейтенант Перрье де Сальвер, шедший впереди на фрегате «Фин», сигнализирует о том, что видит на рейде Мадраса английские корабли.

Командор сталкивается нос к носу с Хьюзом...

С командного мостика «Эро» Сюффрен разглядывает в подзорную трубу линейные корабли противника. Их всего девять. На фок-мачте одного из них реет голубой флаг, на грот-мачте другого красный брейд-вымпел. Чуть в стороне стоят два фрегата. На берегу толпы любопытствующих, на крышах домов гроздь зевак.

До противника каких-нибудь пол-лье. В первый момент Сюффрен решает обрушиться на него всей мощью, как тогда на Джонстона у Зеленого Мыса. И он отдал было приказ поднять на грот-мачте «Эро» штандарт с белым крестом, а следом за ним флаг в бело-голубую шахматную клетку – сигнал эскадре выстраиваться в боевую линию.

Господь бог свидетель, что командор готов был бы немедленно атаковать англичан. Но на этот раз его удерживает целый ряд обстоятельств. О факторе внезапности нет и речи. Французская эскадра давно замечена. Ее прибытие к берегам Индии ни для кого не является секретом. Но что самое главное: корабли Хьюза стоят под защитой береговых укреплений и батарей Мадраса. Ветры неблагоприятны. При таких условиях атаковать противника нельзя.

Утром 15 февраля Сюффрен созывает на борту «Эро» военный совет. Кроме капитанов на нем присутствует и начальник экспедиционного отряда Дюшмен со своими офицерами. Командор делится своими мыслями:

- Надеюсь, господа, что ни у кого из вас нет сомнений в том, что я хотел бы начать кампанию решительными действиями. Не без сожаления вынужден отказаться от такого намерения...

Сюффрен излагает причины, делающие атаку невозможной. Затем спрашивает мнение присутствующих. Капитаны согласны с его решением. Сюффрен готов уже объявить военный совет закрытым, как из задних рядов собравшихся в тесной кают-компании офицеров кто-то просит слова. Это Перрье де Сальвер, капитан фрегата «Фин». Сюффрен дает ему таковое.

- Я удивлен выводами, к которым пришел военный совет на основе информации о противнике, предоставленной мною месяце командору де Сюффрену, - говорит де Сальвер. - Сколь ни выгодны позиции англичан, корабли которых стоят на шпринге под защитой фортов Мадраса, мы могли бы,

как мне кажется, пройти между ними и берегом, напасть на них с тыла. Любое другое действие было бы предпочтительней уклонения от боя. Английскому адмиралу это даст повод думать, что мы его боимся, не надеемся одержать над ним верх. Индусы же, со своей стороны тотчас решат, что французский флот в который уже раз, едва прибыв сюда, бездействует, выказывает свою слабость. Какое разочарование для султана! И можно ли будет рассчитывать впредь на его союз с нами?

Пикантная ситуация для Сюффрена. В присутствии капитанов услышать в свой адрес столь незаслуженное обвинение в отсутствии мужества, поставить под сомнение правильность его решения! И как было не вспомнить командору о том, как некогда сам он запальчиво излагал свои мысли перед д'Эстеном, Бреньею и Бровом, подвергая сомнению их мудрую осторожность.

Но нет! Командор преодолевает искушение. Поставить эскадру под перекрестный огонь кораблей Хьюза и мощных фортов Мадраса? Это было бы непростительно глупо, более того, губительно.

Сюффрен благодарит, несколько сухоовато, де Сальвера, высоко оценивает его боевой дух и заверяет, что вскоре ему будет предоставлена возможность отличиться, проявить свои умение и отвагу.

Участники военного совета хранят молчание. Сюффрен улавливает усмешку де Сальвера, злорадство во взгляде де Тромелэна.

- Итак, все ясно, господа? – спрашивает Сюффрен, и продолжает тоном, не допускающим возражений: - Мы уходим на юг, к Порто-Ново, который занят недавно нашим союзником навабом, высадим там отряд месье Дюшмена...

Опрокинуть ангрезов в море

Но кто такой султан или наваб, о котором все чаще говорят на кораблях Сюффрена? Это Хайдар Али, властелин южно-индийского государства Майсур, который по словам персидского историка Кирмани «расстелил ковер уныния и печали в домах англичан».

Хайдар Али, неграмотный воин-мусульманин на службе махараджей Майсура, сумел оттеснить от власти древнюю правящую династию Водеяров и стал единоличным правителем княжества. Дальновидный политик и дипломат, способный полководец, он создал армию, одну из самых сильных на юге Индии. Хайдар Али давно уже вынашивал мечту о Великом Майсуре, который бы простирался «от моря до моря», то есть от Аравийского моря до Бенгальского залива. В стремлении к этой цели он с переменным успехом провел ряд войн с сильными соседями – Хайдарабадом и Маратхской Конфедерацией, расширил свои территории за их счет.

Столкнувшись с не менее честолюбивыми планами англичан, которые захватывали в Южной Индии все новые земли, Хайдар Али провел первую англо-майсурскую войну (1767 – 1768 г.г.), из которой вышел победителем.

В 1779 году Английская Ост-Индская компания спровоцировала новую войну с Майсуром. Из Мадраса к западному побережью ею были направлены войска для захвата там последних, принадлежавших Франции территорий. Войска эти прошли владениями Хайдара Али, не испросив на то его разрешения, и 18 марта 1779 года взяли Маэ – единственный порт, через который Майсур получал из Франции и других европейских стран необходимые ему пушки и порох, военное снаряжение. Оскорбленный владыка Майсура и его

сын Типу Султан поклялись тогда на Коране отомстить ангрезам, опрокинуть их в море.

20 июля 1780 года Хайдар Али с 90-тысячной армией покинул высокое майсурское плато и горными проходами спустился в Карнатик (Восточное побережье полуостровной Индии), где давно уже хозяйничали англичане. Так началась вторая англо-майсурская война. Хайдару Али удалось добиться немалых успехов. Типу Султан разбил несколько крупных отрядов войск Компании, пленил полковников Бейли и Брайтуэйта. Но силы были неравны. Англичане успели уже основательно закрепиться в Северной Индии и Бенгалии с их огромными материальными и людскими ресурсами. А Великий союз, сколоченный Хайдаром Али для борьбы с ангрезами, куда вошли его старые соперники – низам Хайдарабада и маратхи, развалился. Низам, соблазненный посулами англичан, так и не начал военных действий. Выйдя из Союза, он стал марионеткой в руках чиновников Ост-Индской компании. В Махараштре разгорелась очередная свара за верховную власть между сардарами, владыками полунезависимых княжеств Конфедерации.

Оказавшись в опасном одиночестве, Хайдар Али сделал ставку на помощь французов, с которыми у него были давние связи и которые лелеяли мечту вновь утвердиться в Индии. Вслед за эскадрой д'Орва и Сюффрена Версаль обещал прислать в поддержку майсурскому владыке десять тысяч солдат – ветеранов под командой знаменитого маркиза де Бюсси, героя многих прошлых войн в Южной Индии. Но отправленный в декабре 1781 года экспедиционный корпус запаздывал из-за бесконечных штормов, аварий на кораблях, болезни самого де Бюсси и его солдат. Некоторые из транспортов с войсками были перехвачены англичанами. Помощь все задерживалась, вызывая справедливое недовольство Хайдара Али, который в ожидании корпуса де Бюсси, отвоевал у англичан гавань Порто-Ново, что в 25 милях южнее Пондишери.

Так что прав был лейтенант де Сальвер, говоря о разочаровании султана медлительностью французских военных приготовлений. Но при чем тут Сюффрен? Командор вовсе не собирался, как мы увидим, уклоняться от решительной схватки с Хьюзом.

Ледяное молчание

Сюффрен ведет свои корабли на юг, держится мористей – на некотором расстоянии от берега. Транспортам приказано следовать близ побережья. Командор не видит иного способа выманить Хьюза с мадрасского рейда. Тот подумает, что французская эскадра направляется к Цейлону, чтобы захватить Тринкомали и поспешит на защиту этого недавнего ценного завоевания Ост-Индской компании.

Расчет Сюффрена был верен. Хьюз, тотчас же снявшись с якоря, идет следом под малыми парусами, держится на почтительном расстоянии. У него, как видно, нет желания первым начинать драку. Ранним утром 16 февраля Хьюз обнаруживает французский конвой и, верный традициям своего времени, нападает на него. Корабли Хьюза, славные ходоки с обшитыми медью днищами, атакуют транспорты, захватывают один из них – «Ористон». Командор тотчас же бросается на выручку своему конвою.

В потере «Ористана» оказался виновен Перрье де Сальвер, капитан фрегата «Фин», которому было поручено вести разведку и обеспечивать связь эскадры с транспортом. Не сумев выполнить поручение, Сальвер тем самым вызвал бурный гнев командора. И это заметно сбило с лейтенанта спесь и гордыню.

17 февраля 1782 года, рано утром, эскадры Сюффрена и Хьюза сближаются на высоте Садрас, что между Мадрасом и Пондишери. У Сюффрена двенадцать кораблей против девяти, и он намерен в максимальной степени использовать свое численное преимущество, повторить маневр Хоука у мыса Финистер, которому был свидетелем тридцать пять лет назад.

До полудня неустойчивый ветер с суши препятствует огневому контакту с противником. И лишь в 15:30 командор начинает бой...

Строки доклада Сюффрена морскому министру о сражении при Садрас пронизаны горечью, гневом:

«Шлю Вам, месье, полный отчет о событиях 17 февраля, которые могли коренным образом изменить ход войны, определить дальнейшие судьбы Индии. Я должен был уничтожить английскую эскадру, не столько из-за превосходства в силах, сколько ввиду выгоды своих позиций.

В 15:30 я дал сигнал сформировать боевую линию. Без этого, полагаю, не удалось бы начать сражение. Атаковав арьергард Хьюза на своем «Эро» в сопровождении «Орьяна», «Сфинкса», «Ванжера» и «Пти Аннибала», я с боем прошел вдоль всей линии англичан – вплоть до их шестого корабля. Три передних были нейтрализованы, и нас стало двенадцать против шести...

В 16:00 я дал сигналы: трем кораблям зайти по другую сторону арьергарда англичан; далее, всем остальным сблизиться с противником на «пистолетный выстрел», приступить к уничтожению арьергарда Хьюза.

Но эти сигналы, неоднократно повторенные, так и не возымели действия. По другую сторону английской линии зашел лишь «Брийян», но ни один из кораблей второго отряда не вступил с англичанами в плотный огневой контакт...»

Любой военный моряк скажет, что замысел Сюффрена великолепен. Вначале отвлекающий маневр в «голове» английской линии с тем, чтобы сковать авангард Хьюза, парализовать его действия. Осуществление его командор брал на себя ввиду отсутствия капитана, способного его выполнить. Но все это лишь с целью маскировки главного удара. Имея преимущество в ветре, Сюффрен не дает возможности английскому авангарду изменить курс, придти на помощь своему арьергарду. Сковав действия трех головных кораблей Хьюза, он пускает три своих в обхват. А дальше – решающая атака, ближний бой на расстоянии «пистолетного» выстрела. Никаких более отвлекающих маневров, никакой игры в прятки. Эскадра всей мощью обрушивается на противника, двенадцать против шести, пускает ко дну его корабли.

У Сюффрена были все основания рассчитывать на уничтожение хотя бы арьергарда Хьюза. А вместо этого безадресный обмен пушечными ударами с дальних расстояний, безликий бой, исход которого заранее известен...

«Наступление темноты, перемена ветра и начавшийся дождь, но главным образом неисполнение вторым отрядом приказа вплотную подойти к противнику, вынудили меня дать сигнал о прекращении боя, - продолжает командор. – И Хьюз, весьма довольный этим, задал деру...

Мое сердце разбито недостойным поведением тех, кто меня окружает. Упущена реальная возможность разгромить английскую эскадру. Я решил не

выражать капитанам своего недовольствия. Опасно было бы раздражать этих господ, избалованных чрезмерной добротой покойного месье д'Орва. Среди остальных офицеров эскадры нет никого, кто бы мог заменить их».

В конце доклада Сюффрен отмечает капитанов, действиями которых он доволен. Особо выделен Марар де Гай, капитан «Пти Аннибала». В отношении некоторых туманная фраза: «Без приказа и очень далеко».

Впрочем, Сюффрен нарушил свое решение «не раздражать этих господ». Упущенные возможности выведут из равновесия самого терпеливого, а терпение никогда не было сильной стороной командора. Такое нарушение дисциплины, воинского долга! Капитаны по существу предали его, симулировали видимость участия в бою!

Назавтра, перед тем как взять курс на Порто-Ново, Сюффрен собирает капитанов в кают-компании «Эро». Без обиняков высказывает свое недовольство. Словно предвидя такое развитие событий, он заранее разделил эскадру на два отряда и дал точные письменные инструкции де Тромелэну, начальнику второго отряда. В них было сказано, что в случае встречи с английской эскадрой командор намерен взять ее арьергард меж двух огней. Де Тромелэн должен будет, выбрав момент, обойти эскадру Хьюза с тыла, сблизиться с его арьергардными кораблями на «пистолетный выстрел», уничтожить их. Инструкции так и не были выполнены. Де Тромелэн и остальные капитаны делали вид, будто не поняли сигналов, предпочли роль пассивных свидетелей боя. Заботились лишь о том, чтобы выдерживать линию.

При таком отношении к делу любая тактика бесплодна, любое сражение обречено на неуспех. Сюффрен взывает к здравому смыслу капитанов, для которых его приказы и инструкции оказываются мертвой буквой, чьи упрямство или чрезмерная осторожность срывают все планы. В ответ – вежливое, ледяное молчание.

Коза на привязи

Противники теряют друг друга из виду. Хьюз уходит к Цейлону, ищет укрытие в порту Тринкомали. Он прекрасно понимает, что обязан своим спасением лишь вялости атаки французов.

21 февраля эскадра Сюффрена бросает якоря в Порто-Ново. Командор тотчас входит в контакт с Хайдаром Али, который прижал англичан к Мадрасу. Майсурский владыка, весьма довольный прибытием союзных сил, готов снабдить эскадру продовольствием, обеспечить безопасность высадки французских войск.

10 марта командор высаживает со своих кораблей генерала Дюшмена с его отрядом. И солдаты короля Франции вновь ступают на землю Индии, откуда не так давно они были изгнаны англичанами.

В Порто-Ново нет ни arsenалов, ни морских складов, и привести здесь эскадру в полный порядок – крайне трудная задача. Но Сюффрен блестяще справляется с ней в считанные дни. В то же время он повсюду рассылает письма. Просит у морского министра подкреплений для генерала Дюшмена; у губернатора Иль-де-Франс месье де Суйяка – рабочих и материалы для ремонта кораблей; у Моннерона, поверенного в делах Франции на Цейлоне – канаты.

«У нас такая нехватка канатов, что две-три дюжины их кажутся сокровищем, - пишет командор де Суйяку. – В экипажах недостает шестьсот

человек. Я прикупил в Транкебаре тридцать каффров за семьдесят пагод, собираюсь нанять ласкаров – туземных моряков. Но все это лишь полумеры. Пожалуйста, пришлите людей: матросов, солдат, волонтеров, негров. Последние, кстати, великолепно проявили себя в сражении 17 февраля».

Сюффрен все более укрепляется в мысли, что в борьбе за Индию победит тот, кто владеет океаном. Англичан не изгнать с субконтинента пока их корабли господствуют в Индийском океане. Французы не задумывались об этом ранее, не думают и сейчас. Нужно постоянно находиться в море, повсюду преследовать англичан. Командор не намерен следовать порочной практике своих предшественников – уходить в период осенних муссонов на Иль-де-Франс, покидая на полгода берега Индии. Ведь путь от Иль-де-Франс и обратно занимает четыре месяца!

«Ни в коем случае нельзя даже ненадолго оставлять Восточное побережье, - пишет Сюффрен морскому министру. – Как мне стало известно, Хьюз получил недавно в подкрепление два линейных корабля «Султан» и «Магнаним». Но все равно, у нас примерное равенство сил. Эскадра не уйдет «зимовать» на Иль-де-Франс. Я обещал это навабу, и сдержу слово».

Из Порто-Ново Сюффрен ведет эскадру к Цейлону. В краткой записке Марии-Терезе он сообщает:

«Я вновь в море. Рад буду вскоре сообщить тебе хорошие вести, но для этого нужно отыскать англичан, вновь сразиться с ними. В эскадре двенадцать линейных кораблей, и я веду операции у побережья протяженностью свыше полутора тысяч лье...»

Командор, несмотря ни на что, не теряет уверенности в себе. Не удалось разгромить Хьюза у Садрас, так удастся в другом месте.

А что Хьюз? Он дрожит за судьбу Тринкомали. Ведь ясно как день, что Сюффрен, не имея надежных баз на Восточном побережье Индии, попытается захватить этот порт с его отличной якорной стоянкой. Едва вернувшись с Цейлона к Мадрасу, едва узнав о том, что Сюффрен ушел на юг, английский флотоводец немедленно бросается за ним следом. Он вынужден без конца кружить близ Цейлона, как коза на привязи вокруг кола...

Победа была так близка

8 апреля 1782 года сигнальщики замечают вдалеке корабли Хьюза. Командор немедленно пускается в погоню. Он преследует беглецов, не выпускает их из вида. Вплоть до ночи с 11 на 12 апреля у англичан есть еще шанс укрыться в порту Тринкомали. Но Сюффрен настигает, он уже рядом. Близость земли вынуждает Хьюза принять бой. У острова Проведьен он выстраивает эскадру в линию...

12 апреля, рано утром, Сюффрен в свою очередь дает сигнал сформировать линию, параллельную английской, сблизиться с противником на «пистолетный выстрел», завязать с ним бой. Двенадцатый корабль «Бизарр», не имея непосредственного противника – у Хьюза на этот раз одиннадцать вымпелов – должен будет зайти по другую сторону линии англичан, один за другим атаковать их корабли.

Вроде бы все ясно. Сюффрен отказывается от сложных маневров, вынужденно снижаясь до уровня мышления своих капитанов. Но, увы! И на этот раз те не понимают или не хотят понять его сигналов, не выполняют

приказа. Нарушаются дистанции. Головные и замыкающие корабли подходят к противнику слишком медленно, открывают огонь слишком рано, а значит впустую. Активно действует лишь центр французской линии во главе с «Эро». Сюффрен с пятью кораблями наносит удар в самое сердце линии англичан. Приблизясь на «ружейный выстрел», все шестеро открывают ураганный огонь по «Сюпербу», флагману Хьюза, по идущим впереди и позади него «Монмуту» и «Монарку».

Сюффрен сосредоточивает огонь на «Монарке», бьет по нему бортовыми залпами. Достается и «Монмуту» - на нем рушатся бизань, затем грот-мачта, его начинает сносить течением. Хьюз спешит на помощь «Монмуту», чтобы тут же оказаться под огнем батарей «Эро», «Орьяна» и «Брийяна». Паруса на английском флагмане изодраны в клочья. На «Эро» взлетает сигнал «всем подойти вплотную к «Монмуту», завязать ближний бой!» Сюффрен любой ценой хочет завладеть этим кораблем, который дрейфует между обеими линиями. Все напрасно! Неумелые маневры капитанов, пожар на борту «Орьяна» позволяют Хьюзу спасти «Монмут». Командор упорствует, но в 17:30 «Эро», лишившись фок-мачты, становится неуправляемым. Сюффрен тогда переходит на «Ажакс», поднимает на нем свой брейд-вымпел...

Сражение останавливает внезапно налетевший ураган. У командора, как и у Хьюза, теперь одна забота: спасти от гибели свои корабли. Океан словно взбесился. В непроглядной ночной темени, в грохоте пенных валов трудно ориентироваться, невозможно поддерживать связь. А прибрежные воды, знает Сюффрен, усеяны рифами, глубина всего 15 морских саженей.

К утру 13 апреля ураган стихает. Противники стоят недалеко друг от друга не в силах возобновить сражение. С борта «Эро», который рыскает на крутой волне, Сюффрен разглядывает в подзорную трубу английскую эскадру. Она в плачевном состоянии: на многих кораблях Хьюза повреждены борта, изуродованы мачты, изорваны паруса. Полуразбитый «Монмут» сидит на рифах. Корабли самого командора пострадали значительно меньше, но и у них не слишком привлекательный вид. «Ажакс» задел дно килем. О ванты одного из фрегатов сломал бушприт английский линейный корабль «Изис»...

Сюффрен приказывает начать ремонтные работы. Три дня с утра до вечера экипажи трудятся не покладая рук. Тем же заняты и англичане. До них рукой подать. Французские моряки узнают их корабли по галюнам.

Начальник штаба эскадры флаг-капитан Муассак делает такую запись в бортовом журнале «Эро»:

«Завтра или послезавтра, вероятно, состоится новая схватка с англичанами. У нас тогда не останется ни мачт, ни такелажа, ни пороха, ни ядер. Трудно представить себе, что будет дальше. Эскадра приведена в относительный порядок, но дно здесь ненадежное, до берега каких-нибудь два лье. Англичане от нас на расстоянии «полутора пушечных выстрелов». Нигде и никогда не было видано такой мешанины. Наши потери примерно пятьсот человек. Из них половина убитые или умирающие...»

А победа была так близка!

17 апреля Сюффрен дает команду сниматься с якорей. Двое суток дефилирует перед Хьюзом, который укрылся за рифами, вызывая его на поединок. Но Хьюз не подает признаков жизни. Что он прячется там, этот чертов Хьюз? Может, атаковать англичан в их норе? Но, увы! Как бы ни хотел этого командор, порох и ядра на исходе, нет материалов для ремонта кораблей.

Эскадра находится в малознакомых водах, без надежного пристанища, где можно было бы укрыться в случае неудачи.

Что особенно тревожит Сюффрена, так это неопытность и малодушие капитанов. Командор нутром чувствует, что начини он новую атаку на Хьюза, они не поддержат его или поддержат в неполную силу. Атака при таких условиях может обернуться катастрофой. И как тогда у Мадраса Сюффрен подавляет искуc. Риск слишком велик. На мачте «Эро» взлетает сигнал: «Сниматься с якорей! Курс на юг!»

Эскадра Хьюза, которую Сюффрен должен был истребить, уничтожить, вновь ускользнула. Причина неудачи очевидна:

«Не могу сейчас входить в детали, - пишет командор морскому министру. – Но если не заменить пять или шесть капитанов, то есть каждого второго, то успеха нам не видать, упущены будут все возможности».

Командую здесь я!

30 апреля 1782 года Сюффрен приводит эскадру в Баттикалоа, небольшой морской порт в 60 милях к югу от Тринкомали, который пока принадлежит голландцам.

Менее трех месяцев бьется командор с Хьюзом, а на его кораблях острая нехватка людей, провианта, денег, боеприпасов. Пополнений, помощи ждать неоткуда. При таких условиях как продолжать борьбу с англичанами?

Но тут в Баттикалоа прибывает фрегат с письмами и новыми инструкциями из Версаля. Сюффрен узнает о том, что во Франции, во всей Европе только и говорят, что о сражении у Праи, о спасении голландской колонии на Мысе Доброй Надежды. Людовик XVI требует ускорить движение экспедиционного корпуса де Бюсси к берегам Индии. Командор вздыхает с облегчением. Он надеялся на чудо, и чудо это вскоре должно свершиться. Сюффрен продолжает читать депеши, и у него округляются глаза. Это еще что такое? Ему предписано идти с эскадрой к Иль-де-Франс на соединение с де Бюсси.

В первый момент Сюффреном овладевает отчаяние. Уйти с эскадрой к Иль-де-Франс, покинуть Индию на полгода или даже на целый год, это значит окончательно подорвать боевой дух капитанов и дисциплину на кораблях, уступить англичанам завоеванные позиции, отдать им последние принадлежащие голландцам поселения в Индии. И что самое ужасное – это оттолкнуть от себя Хайдара Али, навсегда лишиться его доверия и поддержки.

А Хьюз? Предоставленный самому себе, что только не натворит здесь чертов англичанин. У него будет повод считать себя победителем!

Нетрудно понять чувства Сюффрена. Уж эти кабинетные стратеги! Они пытаются составлять за него планы сражений, предписывать ему шаг за шагом линию поведения. Но... разумно ли выполнять приказ трехмесячной давности? Командор вспоминает беседу с де Кастри во время памятного обеда в Версале. Морской министр тогда определенно высказывался в пользу активных действий флота, ратовал за атакующий стиль. Затем на память Сюффрену приходит знаменательная фраза в письме министра графу д'Орву:

«... Его Величество считает неразумным определять и утверждать на расстоянии четырех тысяч лье какую-либо конкретную операцию, тем более ее

частности. Его Величество ограничивается замечанием графу д'Орву, что решительно не одобряет бездеятельности его эскадры».

Эту фразу Сюффрен помнит наизусть. Он взвешивает все за и против и разом отмечает всякие колебания и сомнения. Эскадра остается в Индии.

Командор проявляет немалое мужество, решившись послушаться приказа морского министра, а значит и самого Людовика XVI. Заступиться за него при Дворе будет некому. Происхождения он весьма скромного – в родословной Сюффренов одни сутаны да судейские крючки. Но сколько раз в истории войн личная инициатива субалтернов, прекрасно знавших обстановку на местах, приводила к великим победам.

Капитаны, разумеется, встречают решение Сюффрена «в штыки». Огорченные смертью чрезмерно покладистого д'Орва, эти люди, «любящие деньги больше грома пушечных выстрелов», которых командор с самого начала не считал ни моряками, ни военными, только и мечтали, что о возвращении на Иль-де-Франс. Там так легка и приятна жизнь. Зачем оставаться и далее у этих негостеприимных берегов? Чего еще хочет от них этот одержимый, который отвергает эскадру во все новые сражения? Или он решил погубить их всех?

Раздосадованный слишком уж громким ропотом и почти открытым недовольством капитанов, Сюффрен собирает их всех на борту «Эро». Капитаны явились разодетыми словно на парад – в синих куртках с золотыми галунами, с красными отворотами и обшлагами, красных жилетах, красных коротких штанах и красных же шелковых чулках. «Красные офицеры», или просто «красные» - так называли в народе этих выходцев из благородных французских семейств, в отличие от «синих» - офицеров, выслужившихся из низов, носивших сплошь синюю униформу. «Красные», преисполненные кастового чванства, ни в чем не желали считаться с «синими», хотя среди последних было немало прекрасных мастеров своего дела.

Сюффрен с явным сарказмом поглядывает на напудренных и надушенных капитанов, у которых такой вид, будто они проглотили свои шпаги. Говорит им:

- Прошу прощения за несоблюдение мною этикета...

Контраст в самом деле разительный. В этот нестерпимо жаркий день на командоре все та же просторная рубаха, все тот же жилет из серой бумазеи и серая шляпа, подарок его брата епископа. Таков обычный «наряд» командора со времени прибытия эскадры в Индийские воды.

Несмотря на тучность, Сюффрен удивительно подвижен. Предложив капитанам сесть, он занимает место за столиком с зеленым верхом, но тотчас же вскакивает и, шагая с заложенными за спину руками взад и вперед по тесной кают-компани, заявляет:

- Мне нечем вас обрадовать, господа. Эскадра остается в Индии. И вы прекрасно знаете почему: мы еще почти ничего не сделали, не успели сделать. И пока мы не отберем у англичан Тринкомали, чтобы обеспечить себя всем необходимым до конца кампании, нам придется довольствоваться торговыми портами Короманделя... - Пробежав взором по кислым физиономиям капитанов, Сюффрен добавляет. – Извольте сообщить об этом своим офицерам и экипажам...

Капитаны встают со своих мест, но не уходят, явно готовые «дать бой» командору. Он тогда надвигается всем корпусом на де Тромелэна и де Мурвия.

- Я скорей пушу эскадру ко дну у стен Мадраса, чем отступлю перед Хьюзом! – говорит он громовым голосом. – Исполнять приказы, полученные с

опозданием в три месяца, без учета достигнутых успехов и завоеванных позиций, значит предать волю и доверие короля. Вы не дождетесь от меня такого малодушия. Командую здесь я! Вы свободны, господа. Благодарю вас!

Капитаны, поняв тщетность сопротивления воле Сюффрена, молча покидают кают-компанию. Но с этого дня вокруг командора все туже стягивается узел интриг. Душа этих интриг – по-прежнему де Тромелэн. Де Тромелэна грызут зависть и злоба. Он тоже капитан первого ранга и мог бы с таким же успехом командовать эскадрой. Де Тромелэн стремится посеять семена недовольства в души даже самых смелых, преданных своему делу и долгу офицеров, таких как Морар де Гай и Сен-Феликс. И как мы увидим, не без успеха...

Глава третья

ОТЧАЯННЫЙ ДЯДЬКА

«Примерный» христианин

Баттикалоа на целые пять недель становится пристанищем для израненных кораблей Сюффрена. Этот порт расположен в просторном и глубоком устье небольшой реки. Подступы к нему оберегает голландская крепость, которая утопает в пальмовой роще на дышащем зноем и прелью побережье Цейлона.

Сюффрен жаждет как можно скорее выйти в море, чтобы дать бой Хьюзу. И с неукротимой энергией принимается за ремонтные работы. На кораблях с утра до вечера дробно перестукиваются топоры и молоты, визжат пилы, скрежещет железо. Слышны команды офицеров, натужные песни матросов. По бортам лазают с тяжелыми деревянными молотками, заделывают пробоины плотники. Ставят стены, восстанавливают ванты такелажники. Между кораблями и берегом снуют местные черные баркасы с грузами и бочками для воды.

Не имея в своем распоряжении ни доков, ни арсеналов, командор проявляет чудеса изобретательности. Нет выдержанной древесины, так он

добывает ее, посылая команды матросов выламывать потолочные балки в заброшенных домах Баттикалоа. Мачты для линейных кораблей берет с фрегатов, на фрегатах устанавливает мачты с трофейных судов.

Сюффрен крайне озабочен состоянием здоровья матросов и канониров. В трюмах и пушечных отсеках высокобортных кораблей, похожих на застенки, куда едва пробиваются солнечный свет и свежий воздух, свирепствуют лихорадка, тиф и цинга. Этому способствуют и убийственная жара, нездоровые испарения. На кораблях более полутора тысяч больных. И командор размещает их в палатках, в тени пальм, возле прохладных водных потоков. Он ежедневно навещает импровизированный госпиталь, ходит между убогих лож из листьев и тростника. Для каждого больного у него припасен вопрос, добрая шутка, соленое словечко. И самые последние из матросов ощущают интерес командора к их судьбе, его дружеское сочувствие и понимание. С матросами-провансальцами Сюффрен говорит на их наречии. У докторов требует, чтобы они регулярно докладывали ему о состоянии больных.

С краю «госпиталя» между тем растет скромное кладбище.

«Ничто не огорчает меня так, как ежедневная убыль людей, - пишет Сюффрен губернатору Иль-де-Франс. – И невозможность восполнить экипажи...»

Трудно с провиантом. Губернатор Баттикалоа смог поставить эскадре лишь несколько волов на мясо. И моряки вынуждены пробавляться в основном солониной, копченостями и мукой двухлетней давности. Кое-какую прибавку к скудному столу дают охота, рыбная ловля. Рыбу привозят также местные жители, которые ранними утрами выходят в море на катамаранах, утлых плотках под латаными-перелатанными парусами.

Сюффрен терпит такие же лишения, что и экипажи. Ему, великому любителю вкусно поесть, такому знатоку вин, соусов и подливок, до смерти надоел однообразный стол из старых запасов, а вместо зелени – местное подобие шпината, безвкусное и деревянистое, от которого приходится то и дело совершать прогулки в галюн.

Но все же жизнь – не без просветов...

Однажды мы видим Сюффрена за столом с заткнутой за ворот салфеткой, вдыхающим неземные ароматы свежезажаренной курицы, которую один бог знает где достал кто-то из матросов.

Курица в Баттикалоа! Откормленная зерном, мягкая, в золотистой корочке! Сюффрен уже разрезал ее, уже поднес ко рту пухлое крылышко. И в этот момент слуга докладывает, что явились два почтенных брахмана с визитом вежливости. Как некстати! Брахманы – говорливый народ, надолго отвлекут от дела. И эта уникальная курица, ниспосланная кажется самим Провидением. Командор тут же находит способ выпроводить нежданных гостей, не обидев их при этом:

- Объясни со всей почтительностью этим типам, - подмигнув, говорит он слуге, - что адмирал за столом. А для христианина обед – священный час, и прервать его даже на один миг – святотатство, смертный грех. Поэтому адмирал не может принять их. Передай им в этой связи мое глубочайшее сожаление и надежду, что они, святые люди, одобряют строгое соблюдение мною ритуалов христианства, как соблюдают они свои ритуалы...

И брахманы удалились, преисполненные уважения к «набожному» иноверцу, тогда как сам «примерный» христианин, колыша в смехе большим животом, принялся с аппетитом кушать заветное крылышко...

К концу мая 1782 года Сюффрен приводит эскадру в полный порядок. Корабли отремонтированы. Больные подлечены. Гигантская машина набрала прежнюю силу, вновь готова к бою...

На мачте «Эро» взлетают сигналы: «Сниматься с якорей! Паруса ставить!»

Это Хьюз!

4 июня Сюффрен приостанавливается с эскадрой перед входом в залив Тринкомали. Хьюз все там же, занятый ремонтом кораблей. Он не проявляет ни малейшего желания выйти в открытое море, принять бой. Командор тогда продолжает свой путь, и уже на следующий день его корабли бросают якоря в датском порту Транкебар, что между Карикалом и Порто-Ново. Из бортового журнала «Эро» мы узнаем о том, что Сюффрен был принят местным губернатором, и что на приеме «пили во здравие короля под гром пушечного салюта».

Но тут новый повод для негодования Сюффрена. Он приказал «Артезьяну», «Сфинксу» и двум фрегатам захватить конвой из Мадраса. Но те, вопреки ожиданиям командора, привели с собой лишь одно судно. И все потому, что Биде де Мурвий, капитан «Артезьяна», отказался от преследования конвоя англичан. Упущена такая возможность!

Сюффрен вызывает де Мурвия к себе на «Эро». Спрашивает его, едва сдерживая гнев:

- Почему вы прекратили преследование конвоя? Ведь ваш шеф, капитан «Сфинкса», требовал продолжить его. Что за самовольство? Или вы считаете исполнение приказов необязательным для себя?

Де Мурвий бормочет что-то в свое оправдание.

«Этот чертов Мурвий – обуза для эскадры! Лишний балласт! – негодует в душе командор. – Надо будет списать его при первой же возможности!»

20 июня Сюффрен прибывает к Куддалуру и с нелегким сердцем убеждается в правильности тревожных слухов, которые доходили до него в Баттикалоа. Генерал Дюшмен, командир экспедиционного отряда, со времени прибытия в Индию палец о палец не ударил. Не сотрудничает с Хайдаром Али в борьбе с англичанами. Заняв почти без боя Куддалур, непонятно почему тянет и тянет с захватом соседнего Негапатама, хотя ему известно, что этот порт крайне необходим для французской эскадры. Более того, тяжело заболев, генерал отказывается передать командование одному из своих помощников. И отряд цепенеет в бездействии.

Ситуация хуже не придумаешь. Из-за странного поведения Дюшмена, который явно «страдает головой», можно лишиться поддержки наваба, единственного союзника в Индии, который к тому же оплачивает содержание французских войск!

Увы! Шеф эскадры не может приказывать командиру экспедиционного отряда, а может лишь советовать, рекомендовать. Перед тем как высадить на берег Дюшмена с его отрядом, Сюффрен пытался внушить генералу, сколь выгодно было бы для всех взятие Негапатама, «ключом» к Танджавуру, саду и житнице Южной Индии. Дюшмен же отвечал, что «это не входит в его планы».

Черт побери! Ждать чего-либо от этого типа – бесполезная трата времени. Командор сам налаживает отношения с Хайдаром Али через Пиверона

де Морла, агента короля при дворе Майсура. Он предлагает навабу совместными усилиями овладеть Негапатамом. Пусть только наваб даст людей, снабдит эскадру боеприпасами, поддержит ее действиями с суши, а все остальное командор берет на себя.

Хайдар Али знает о том, какой переполох вызвало у англичан появление эскадры Сюффрена в Индийских водах. Как не похож активный и смелый адмирал Сюффрен на генерала Дюшмена!

«Наконец-то нашлась управа на ангрезов! – не устает повторять наваб. – Сюффрен сахиб поможет мне опрокинуть их в море. Я хочу видеть этого необыкновенного человека, обнять его, выразить ему свое восхищение...»

Властелин Майсура охотно обещает командору поддержку, выделяет для захвата Негапатама трехтысячный отряд сипаев.

Готовясь к планируемому смелому предприятию, Сюффрен решает передать Хайдару Али триста пленных англичан. У него нет людей для их охраны, а кроме того, они «едят слишком много». К тому же губернатор Мадраса лорд Макартни и Хьюз отказываются произвести обмен пленными. Черные баркасы доставляют на корабли семьсот европейских солдат и восемьсот сипаев. Этих сил, по мнению командора, вполне достаточно для захвата Негапатама, гарнизон которого по данным разведки невелик.

«Назавтра отправляюсь атаковать англичан, - пишет Сюффрен губернатору Иль-де-Франс. – Повезет, так возьму Негапатам. Но главная моя цель, как и прежде – Цейлон».

Теперь в путь! Хьюз обретается где-то близ Мадраса. Действовать надо быстро, решительно.

3 июля 1782 года Сюффрен выводит эскадру в открытое море. Не заметив в пути ни единого паруса, прибывает почти к самому Негапатаму. И тут вдруг сигнальщики с высоты своих «сорочьих гнезд» видят на горизонте корабли. Сюффрен, приставив к глазу окуляр подзорной трубы, считает паруса: восемь... девять... десять, одиннадцать! Корабли стоят на якорях, выстроившись в линию.

Это Хьюз! Предупрежденный верными людьми или руководимый инстинктом, он явился к Негапатаму, чтобы преградить путь французской эскадре. Тем лучше!

Быют тревогу барабаны. Пронзительно свистят дудки боцманов...

Вывернулся, чертов англичанин!

Адмирал Хьюз, умелый тактик, мастер маневра, располагает теперь эскадрой, почти равной по числу вымпелов эскадре Сюффрена. Он поражен упорством и отвагой французского флотоводца... при явном недостатке средств Сюффрен в любых обстоятельствах бьется до последней возможности, и Хьюз избегает прямых стычек. Он делает ставку на то, что французская эскадра малопомалу придет в полный упадок вдалеке от своих баз и арсеналов. Сюффрен по той же причине стремится ускорить ход событий. Корабли стареют, возможностей все меньше...

6 июля 1782 года Сюффрен дает английскому адмиралу третье морское сражение.

Увы! Оно было столь же мало результативным, что и предыдущие. За день до этого сильный порыв ветра снес верхушки мачт на «Ажаксе». Буве,

капитан «Ажакса», не успел за ночь устранить повреждения, и вопреки категорическому запрету Сюффрена покинул боевую линию. Эскадра разом лишилась преимущества в один линейный корабль. Одиннадцати английским кораблям теперь противостояли не двенадцать, а столько же французских.

Как и у Садрас, у острова Проведьен линия выстраивалась медленно. Всю тяжесть на редкость ожесточенного сражения, почти все бортовые залпы англичан приняли на себя флагман «Эро» и «Артезьян» капитана Сен-Феликса. Большая часть эскадры оставалась далеко позади.

Сюффрен, не довольствуясь обменом бортовыми залпами, контр-маршем попытался зайти в тыл противнику. Но шедший в голове французской эскадры капитан Лаландель «не понял» сигнала изменить курс, и маневр был сорван...

Четвертый час бьются противники на расстоянии «пистолетного выстрела». На кораблях обеих сторон большие разрушения, немалые людские потери.

К полудню в ход сражения властно вмешивается стихия. Мощный порыв ветра нарушает боевые порядки французов и англичан, расшвыривает их корабли.

В 15:00 Хьюз покидает «поле сражения». И командору ничего не остается, как стирая пот со лба, с гневом в сердце глядеть вслед английским кораблям, которые под градом ядер уходят к Негапатаму. Опять вывернулся, чертов англичанин!

Надо бы преследовать Хьюза. Но разве догонишь его на старых, неповоротливых кораблях. «Поле боя» остается за Сюффреном, но упущена еще одна реальная возможность разгромить англичан. Капитаны в очередной раз не поддержали усилий шефа эскадры.

План захвата Негапатама отпадает сам собой.

Честь «Севёра»

Но горечь, вызванная неутешительными результатами сражения при Негапатаме, перерастает в ярость, когда Сюффрену становятся известными некоторые его частности.

7 июля, в полдень, идущую к Куддалуру эскадру догоняет английский бриг под парламентским флагом. Мистер Уатт, капитан корабля «Султан», предъявляет командору письмо Хьюза, в котором тот требует, согласно международным правилам, передать ему 64-пушечный линейный корабль «Севёр», поскольку «Севёр» в ходе боя спустил флаг и сдался «Султану». Но затем внезапно открыл огонь по приблизившемуся английскому кораблю, нанеся ему большие повреждения...

Спущенный флаг? Французский корабль, сдавшийся противнику? – недоумевает Сюффрен. – Что за чушь? Де Кийяр, капитан «Севёра!», не сообщал ничего такого. Он не блещет отвагой и умением, этот де Кийяр. Но чтобы французский офицер, капитан королевского флота был способен на такую подлость? Спустить флаг с целью обмана противника, а когда тот, прекратив пальбу, подойдет поближе, дать по нему бортовой залп с близкого расстояния? Так может поступить только корсар, пират!

Англичанин, по-видимому, говорит правду, стоит на своем. И Сюффрен тут же придумывает объяснение случившемуся: мол, фал был перебит пулей, и английские моряки подумали, что флаг спущен, тогда как офицеры «Севёра» в

пылу сражения этого не заметили. Что угодно, но только не такое постыдное вероломство!

- Передайте мистеру Хьюзу, что если бы один из моих кораблей решил сдаться, я бы сам отправился наказать его за это - хоть в самую середину английской эскадры, - добавляет Сюффрен. – И если вашему адмиралу угодно получить «Севёр», то пусть приходит, попробует взять его...

Парламентер не настаивает более ни на чем.

Перед Сюффреном предстает вызванный на «Эро» бледный и встрепанный де Кийяр. Командор требует объяснений, и де Кийяр, запинаясь, рассказывает, что попав под сильнейший перекрестный огонь, он посчитал свое положение безнадежным и приказал спустить флаг. При этом крикнул капитану «Султана», что сдается. Но старший помощник месье Дье, приняв команду на себя, вновь поднял флаг и возобновил пальбу...

Сюффрен выслушал это жалкое признание мертвенно-бледный, сжав кулаки, не в силах вымолвить слова. Послали за Дье. Перед командором вырос детина в истерзанной синей униформе.

- Я как раз находился на нижней батарее, месье командор, - стал рассказывать Дье. – И вдруг слышу: капитан велел спустить флаг. Но почему? – спросил я самого себя. Мачты пока целы, пороховые погреба полнехоньки. Спешно поднялся на верхнюю палубу. Гляжу, и верно – флаг спущен. Я тогда взял на себя смелость вновь поднять флаг, дал команду возобновить огонь, и... пардон, предложил месье де Кийяру «отдохнуть» в его каюте. Сказал при этом, что если королевский флаг для него тряпка, то ни я, ни экипаж «Севёра» не позволим его обесчестить...

Какой позор! Терпению Сюффрена приходит конец. Он снаряжает корвет на Иль-де-Франс с письмом морскому министру:

«С крайним сожалением сообщаю вам, месье, что вынужден отправить во Францию трех капитанов эскадры, которой командую. Это месье де Кийяр – за постыдную попытку спустить флаг на корабле в ходе боя у Негапатама, месье де Мурвий и граф Форбан – за невыполнение приказов шефа эскадры в трех предыдущих сражениях...»

Отправлен во Францию и капитан Буве, самовольно покинувший линию в сражении при Негапатаме.

Решившись на столь смелый шаг, Сюффрен рискует многим. Ведь, согласно Королевскому указу отстранить капитана от должности не имеет права даже адмирал. А командор еще не получил и диплома шефа эскадры. Но что ему оставалось делать?

Де Кийяр должен был предстать перед военным трибуналом. Опасаясь за свою жизнь, он бежал с Иль-де-Франс и окончил жизнь на чужбине. Де Мурвий и Форбан были интернированы.

Капитаны Сен-Феликс, Перрье де Сальвер, Болье, Бомон и Первьер – племянник Сюффрена, получили новые назначения.

Но почему Сюффрен церемонился с де Тромелэном? Или ему неизвестно было, что этот капитан – вожак всех недовольных? Или, может, он опасался дезорганизовать эскадру новыми перестановками на командных постах в разгар боевых действий? Ни то, ни другое. Попробуй тронь этого негодяя, у которого есть надежные защитники при Королевском дворе!

Железная натура

Прибыв в Куддалур после очередной схватки с Хьюзом, Сюффрен находит состояние эскадры удручающим. А экипажах шестьсот убитых и семьсот раненых. На большинстве кораблей серьезные повреждения: разбиты борта и пушечные люки, снесены мачты, стены, и что уж там говорить о реях, бегучем такелаже! На «Орьяне» и «Ванжере» сильные течи, и матросы едва успевают откачивать воду из трюмов.

«Поверьте, непросто это воевать в такой дали от Франции без денег, без арсеналов и морских складов, - с горечью пишет командор губернатору Иль-де-Франс. – Тем более, что мы прибыли в Индию столь плохо снабженные всем необходимым...»

Но это лишь минутная слабость. Сюффрен вовсе не отказывается от намерения уложить Хьюза на обе лопатки. Наоборот! Он полон решимости и далее придерживаться наступательной тактики, гоняться за английским адмиралом вдоль и поперек Бенгальского залива, по берегам которого европейцы трясутся от приступов болотной лихорадки, мрут как мухи.

В Куддалуре командор вновь с несокрушимой энергией приступает к приведению эскадры в порядок. Он работает вдохновенно, не щадя себя. Подает пример другим. С утра до вечера моряки видят его бегущим туда и сюда на своих коротких ногах. Он появляется «с барабанным боем» то тут то там, принимает рапорты. И никто не знает лучше его, как легче и проще установить стеньгу, как заделать пробоину, осмолить борта и днища. Командор влезает в мельчайшие детали, дает дельные советы. И это вдохновляет экипажи, придает им уверенность в успехе дела.

Офицеры брюзжат, недовольные такой спешкой. Но простые матросы душу готовы отдать за командора. Они только и ждут его появления. Сюффрен как никто другой умеет подбодрить людей, рассмешить острым словечком. А едва удалится он, тотчас заработают языки. Старики начнут травить байки о командоре, о его причудах. Непременно зайдет разговор и о его шляпе, знаменитой серой шляпе, которая со временем обрела рыжеватый оттенок. Командор одевает ее перед любым горячим делом, и знать неспроста. На эскадре все уверены в том, что шляпа заколдована. Недаром ядра, картечь и пули шадят месье командора, хоть он первым лезет в самое пекло...

Все на «Эро» помнят о том, как перед сражением у Негапатама Сюффрен советовал канонирам не бояться вражеского огня, потому что островитяне палят из своих пушек, как из ж..ы!

- Вам-то что, месье командор, - несмело говорит вслед Сюффрену кто-то из молодых матросов. – В такой шляпе чего бояться...

Сюффрен мигом возвращается. Не то смеясь, не то сердясь, швыряет шляпу за борт со словами:

- Ах ты, такой сякой! Думаешь, в ней все дело?

Дюжина матросов тогда бросилась в воду спасать бесценный головной убор командора...

О мужестве, отчаянной отваге Сюффрена на эскадре ходят легенды. Во время сражений он бестрепетно смотрит в глаза смертельной опасности. Громовым голосом перекрывает рев пушек. Яростно атакует противника. Всегда готов прыгнуть с борта «Эро» в шлюпку, чтобы спешить под пулями к другим кораблям и обратно. И при этом с полной серьезностью уверяет всех, что, мол, биться с противником на расстоянии «пистолетного выстрела» куда безопасней, чем вести дальнюю артиллерийскую дуэль.

Губительный климат Индии влияет на Сюффрена так же мало, как штормы и картечь. Матросов косят лихорадка, дизентерия. Судовые госпитали переполнены. А командору все нипочем. Он словно бросает вызов болезням и миазмам. Не соблюдает предосторожностей, много ест, пьет крепкое вино, спит когда придется. Железная натура!

Вместе с тем Сюффрен прост в обращении. Когда это необходимо, всяк может зайти в его каюту, где командор, сидя за заваленным бумагами столом, работает как галерник. На нем мокрая от пота рубашка, пуговицы коротких штанов расстегнуты на икрах. Несвежие чулки свисают на пятки. Туфли смахивают на разношенные шлепанцы. Ни парика, ни пудры, ни завивки. Лишь сзади болтаются перевязанные черной лентой седые пряди, похожие на крысиные хвосты.

Зато на ужин в кают-компании Сюффрен является при всем параде: в уставной униформе, башмаках с серебряными застежками. Этикет для него сущая пытка. Бедняга охает, задыхается в тесной одежде. Но жара и духота отнюдь не отбивают у него аппетита. Командор первым набрасывается на подаваемые блюда, ест быстро, словно перед боем.

- Это потому, - объясняет он молодым офицерам, - что мне столько лет приходилось довольствоваться червивыми сухарями, да протухшим салом. Ну как тут не вознаградить себя за такие лишения?

В Куддалуре за столом у Сюффрена порой сиживают и англичане. Хотя, как мы знаем, у командора к ним давние счеты, врожденные такт и благородство подвигают его обходиться с пленными вполне цивилизованно. Беседа, естественно, идет о войне.

- Господа англичане, - говорит Сюффрен. - До меня доходят слухи, что вы недовольны своим адмиралом. Я иного мнения. Он знает свое дело, черт его побери. Еще не встречал я столь отважного и умелого вояки. Думал, вот-вот скручу его, а нет...

Разговор заходит о сражении у Негапатама. Командор мрачнеет.

- Если бы только выполнялись мои приказы! Разве добьешься чего-либо путного с людьми, которые отказываются идти вперед, бросают ядра в воду. Эти фанфароны и негодяи - позор Корпуса морских офицеров Франции. Их давно бы пора изгнать с флота...

Сюффрен мечет громы и молнии. Глаза у него гневно сверкают.

К исходу дня Сюффрен отправляется на вечернюю прогулку. Никаких церемоний. Матрос, всегда один и тот же, докладывает, что шлюпка готова. Командор приветствует всех присутствующих взмахом руки. Затем хватает принайтовленный к релингу канат и мигом спускается по нему в шлюпку. Он никогда не покидает свой «Эро» иначе, кроме, может быть, торжественных или официальных случаев. Очевидцы глядят разинув рты. Невероятно! Как может человек его возраста и комплекции решиться на такую гимнастику? Нужно видеть, чтобы поверить в это.

Старики марсовые качают головами:

- Лихой дядька!

Им вторит хор грубых матросских голосов:

- Ей богу, отчаянный дядька!

С таким не пропадешь...

Глава четвертая

ХОЗЯИН МОРЯ

В честь наваба

Менее чем за десять дней Сюффрен приводит эскадру в полный порядок. В портах со снабженными всем необходимым арсеналами на выполнение стольких работ обычно требуется не одна неделя.

Уже 18 июля 1782 года эскадра готова к выходу в море.

Сюффрен планирует возвратиться к Цейлону, чтобы ожидать там прибытия с Иль-де-Франс подкреплений, обещанных маркизом де Бюсси. Или, если удастся, захватить Тринкомали, поскольку основательно поколоченный Хьюз едва ли скоро выберется из Негапатама.

Но тут дает знать о себе Хайдар Али. Он идет с армией к Куддалуру чтобы увидеться с Сюффреном сахибом, поздравить его, провести с ним

переговоры. Наваб сообщает при этом, что уже преодолел сорок лье, чтобы встретиться с «нашим адмиралом».

25 июля, в 11:00 до слуха французских моряков доносится гул пушечного салюта – двадцать один выстрел в честь владыки Майсура. Хайдар Али стал лагерем в лесу по соседству с отрядом генерала Дюшмена, в двух лье от Куддалура.

Сюффрен вынужден отложить на время свои планы. Хайдар Али – ценный союзник. В Индии французам более не на кого опереться.

И вот уже начальник штаба месье Муассак встречает на тесной и пыльной площади Куддалура, окруженной скромными деревянными строениями, одного из командиров Хайдара Али. Тот явился договариваться о завтрашней встрече наваба и Сюффрена в сопровождении большой конной свиты.

Откуда только взялись, откуда примчались эти ловкие бронзоволицые всадники? Бег их дивных лошадей похож на полет птиц. Костюмы и сбруи украшены золотом, драгоценным шелком, усыпаны сверкающими алмазами.

Муассак, договорившись обо всем с высоким гостем, предлагает ему совершить прогулку по берегу. Начальник штаба хочет, не без задней мысли, «угостить» майсурцев эффектным зрелищем эскадры...

Разумеется, кораблям Сюффрена пришлось многое претерпеть за те восемь с лишним месяцев, когда они тусклым декабрьским днем покинули рейд Порта-Луи. Сколько пришлось выдержать штормов, сражений! Но полученные ими раны залечены насколько возможно. Установлены девятнадцать новых стенок, возобновлен бегучий такелаж, заштопаны паруса, отремонтированы, заново покрашены борта. И под ярким солнцем Индии, под ее темно-синими небесами старые, изношенные суда имеют гордый, воинственный вид.

В честь властелина Майсура корабли расцвечены флагами. Стоят рядами на реях, выстроены вдоль релингов матросы. Марсы, баки, полубаки и шкафуты обтянуты усыпанной голубыми королевскими лилиями тканью с красными каймами. На мачтах развеваются бесчисленные флаги. На кормовых галереях позолочена лепнина. Между выкрашенными охрой пушечными люками бегут голубые полосы с золотым тиснением. Между мачтами – ванты, похожие на паутину, сотканную гигантскими пауками.

А ниже первых батарей – недавно проконопаченные и просмоленные, черные до самой ватерлинии корпуса. Непривычному глазу странным окажется резкий контраст между грубым и суровым низом кораблей и их украшенным сверх меры верхом, похожим на театральные декорации или жилища морских божеств.

Муассак затем приглашает майсурцев на борт «Эро». Показывает ему затейливые фигурины на носу и на корме – фрагменты минувшего золотого века Людовика XIV, короля Солнца. Объясняет, как управлять этой машиной, как корабль ведет сражение.

Начальник штаба отмечает в глазах майсурцев восхищение и... явную опаску, даже страх. Вот пускай и расскажет своему властелину о морской мощи далекого союзника Франции!

Сюффрен, я видел тебя

26 июля 1782 года, в 13:30, Сюффрен сходит на берег. Его сопровождают капитаны, действиями которых он более или менее удовлетворен – это Перрье де Сальвер, Сен-Феликс, Палье, Кювервий, Болье и де Первьер, а также интендант эскадры месье Равено.

Из ставки Хайдара Али прибывают паланкины. Сюффрен садится в самый большой и роскошный, к которому приставлены носильщики покрепче. Занимают свои места капитаны. Кorteж покидает Куддалур под эскортом прибывшего утром батальона сипаев, сопровождаемый несметной толпой местных жителей.

Уши французов раздрают барабанный бой, хриплые, пронзительные вопли индусского оркестра.

Вскоре corteж оказывается под густо-зеленым пологом дремучего леса. Лес подавляет своей мощью, внушает некоторую растерянность, даже чувство страха, несмотря на щебет птиц, прыжки обезьян, сверкание крыльев бабочек.

И какая картина! Сюффрен видит женщин в цветастых одеяниях до пят в позах кариатид, которые набирают из колодцев воду в странной формы медные сосуды. Меж стволов гигантских туй и обвитых лианами тиковых деревьев льдисто отсвечивают священные пруды. На тенистой прогалине вдруг возникнут пирамидальные ворота, а за ними силуэт храма. Древние, обросшие мохом красноватые камни. На храмовых воротах бесформенные тела, уродливые физиономии – что это, женщины, чудовища или боги?

Разумеется, уже в XVIII веке многие морские офицеры Франции не были лишены литературных амбиций. Но Сюффрен – человек действия, и мы не знаем, какие впечатления произвело на него волшебное зрелище старой, еще не тронутой европейцами Индии.

Сюффрен делает остановку в Манджакупаме, где его ждут два новых высокопоставленных посланца наваба с эскадрой кавалерии.

Вот и лагерь генерала Дюшмена! Дюшмен по-прежнему отказывается передать командование одному из своих заместителей, хотя знает, что дни его сочтены. Сюффрен, осуждая в душе генерала, выражает ему свое сочувствие, старается его подбодрить.

Наконец, лагерь майсурского владыки! Из своего паланкина Сюффрен с изумлением разглядывает небывалое скопление людей, где перемешались, кажется, все народы Индии, все касты, все мыслимые и немыслимые костюмы и одеяния. Кругом вооруженные пиками и щитами всадники, пешие воины с мушкетами и кинжалами за поясом, слуги, женщины, дети. По меньшей мере, триста тысяч ртов! Проезжая многолюдным базаром, командор видит бесконечные палатки купцов, толпы бродячих торговцев, факиров и нищих, арбы с лежащими близ них распряженными волами, ряды верблюдов, слонов...

Носильщики втаскивают паланкин Сюффрена на взгорок посредине лагеря. Там высятся три шатра. Вокруг шатров ограда из желтого полотна длиной в четверть лье. Там и тут часовые с добротными европейскими мушкетами. Ворота охраняют великаны-копейщики, канониры при шести пушках с тлеющими фитилями в руках.

Сюффрен кряхтя вылезает из паланкина. Сопровождаемый агентом короля при дворе Майсура Пивероном де Морла и офицерами, направляется к самому большому шатру из изумрудного шелка с сияющим на солнце золотым шаром и знаменем властелина Майсура.

Перед шатром командор видит человека невысокого роста и крепкого сложения с лицом цвета спелой ржи, огненным взглядом. Он в блестящем

одеянии, тюрбан на нем сверкает словно солнце. Это наваб Хайдар Али. По правую руку от наваба стоит отважный Типу Султан, удачливый кавалерийский начальник. Позади – члены семьи, приближенные.

Сюффрен кланяется, делает несколько шагов вперед. Хайдар Али идет навстречу, обнимает его. Властелин Майсура и командор входят в шатер, где горят факелы, оживляя ковры и костюмы. Хайдар Али ведет Сюффрена к «чабутаре» - низкому дивану, который служит ему тронem. Слева от него устраиваются индусы, справа французы.

Вначале участники «дарбара» (совещания) испытывают некоторое затруднение, поскольку каждый из них говорит на своем языке. Но в дело вступают толмачи, и... все бы шло отлично, если бы Сюффрен не задыхался в своей униформе. А разодет он словно на приеме в Версале! Туго натянут и напудрен парик. Камзол из голубого бархата с большими золотыми галунами, красный жилет с золотым шитьем, красные короткие штаны, красные чулки. Ради такого случая командор даже отказался от своей любимой епископской шляпы. В руках у него черная треуголка, в которой он был на аудиенции у Людовика XVI.

Но хуже всего то, что Сюффрена усадили... на подушку. Жестокое испытание для его живота. Он ерзает на ненадежном сидении, пытается сохранить равновесие. Слуги усердно подтыкают командора подушками с тех сторон, куда он вот-вот обрушится. Наваб, лукаво поглядывая на гостя, говорит в ответ на его извинения:

- Этикет не для такого человека, как вы, адмирал сахиб.

Появляются новые горы подушек и перин, которые заставляют беднягу потеть еще больше.

Первая встреча Сюффрена с Хайдаром Али – бесконечный обмен комплиментами, состязание в красноречии, обмен подарками в традициях восточных дворов. Хайдар Али вручает одному капитану златотканый шарф, другому усыпанную алмазами бляху, третьему сумму денег, равную стоимости доброго коня. Сюффрену наваб дарит слона. Но поскольку командор, по всей видимости, не сможет взять на борт «Эро» столь громоздкое животное, вручает ему 24 тысячи ливров – именно столько стоит слон. В довершение всего наваб, сняв с тюрбана огромный бриллиант чистейшей воды, своими руками прикрепляет его к треуголке гостя.

Сюффрен рассыпается в благодарности. В свою очередь, он одаривает военачальников и приближенных Хайдара Али деньгами. Навабу преподносит дивные каминные часы со звоном, две великолепные люстры из хрусталя и этрусскую вазу для цветов или благовоний. Он, понятно, умалчивает о том, что все эти предметы роскоши предназначались для императора Китая, и лишь несколько дней назад были найдены на борту захваченного английского корабля...

Встреча заканчивается в полночь. Перед тем, как откланяться, Сюффрен приглашает Хайдара Али посмотреть на эскадру, предлагает ему праздник на борту «Эро», даже примерный морской бой. Но наваб предпочитает оставаться на земной тверди посреди своего войска. Из щекотливого положения он выходит с помощью очередного комплимента:

- Сюффрен, я видел тебя, я видел всё...

Мы обо всем договорились

Следующим утром Хайдар Али приглашает Сюффрена в свой личный шатер для конфиденциальной беседы. Роль переводчика берет на себя Пиверон де Морла.

Хайдар Али выражает крайнее сожаление в связи с упорным бездействием генерала Дюшмена. Из-за этого приходится отзывать часть майсурских войск с Малабара – Западного побережья Индии, хотя там заметно активизировались англичане. Маратхи, которые при первой же неудаче вышли из антианглийского Великого союза, вот-вот начнут очередную войну против Майсура...

Если у слуг французского короля нет желания и далее вести совместную войну с ангрезами, то не лучше ли завершить дело миром? Хайдар Али дает понять, что он уже не раз спрашивал самого себя, не поступить ли ему именно таким образом? Правда, говорят о прибытии крупных французских сил, что могло бы выправить ситуацию, но говорят об этом уже давно, а обещанных войск все нет и нет. Наваб честно высказывает командору свои опасения и тревоги.

Задержка с прибытием экспедиционного корпуса де Бюсси беспокоит и Сюффрена. Перед тем как отправиться с визитом к Хайдару Али, у него была встреча с только что прибывшим в Куддалур генеральным комиссаром корпуса де Бюсси месье де Лони. Де Лони сообщил о том, что де Бюсси благополучно прибыл с корпусом на Иль-де-Франс под эскортом кораблей д'Эймара. Судьбы отправленных из Франции трех других конвоев, насколько ему известно, складываются не совсем удачно. Конвой де Гишена расшвырян штормом. Конвой де Пейнье прибыл к Мысу Доброй Надежды в столь плачевном состоянии, что долго не сможет выйти в море. Конвой Суланжа перехвачен англичанами, наполовину уничтожен.

Де Бюсси, находясь на Иль-де-Франс, явно не спешит взять в свои руки верховное командование французскими сухопутными и морскими силами в Индии. Но все же по настоянию де Суйяка направил на подмогу Сюффрену отряд д'Эймара – два линейных корабля «Иллюстр» и «Сен-Мишель», фрегат, корвет и семь транспортов с войсками и боеприпасами. Этот отряд должен прибыть в Пуант-де-Гай, порт на юго-западе Цейлона, в начале августа.

Ничего не приукрашивая, ибо бесчестно было бы вводить в заблуждение столь искреннего и дружески настроенного союзника, Сюффрен сообщает Хайдару Али известные ему факты. Особо подчеркивает при этом те из них, которые должны были укрепить уверенность наваба: де Бюсси находится в Порт-Луи и лишь ждет прибытия трех больших отрядов королевских войск. Отправленный им с Иль-де-Франс крупный конвой на всех парусах спешит к берегам Цейлона. Что же касается самого командора, то он пойдет навстречу этому конвою, и с помощью свежих войск сделает попытку захватить порт Тринкомали, крайне необходимый для его эскадры. А прибудет де Бюсси, вновь попытается разгромить эскадру Хьюза...

Уверенность Сюффрена в конечном успехе, приведенные им факты производят на Хайдара Али благоприятное впечатление. Вот он, человек, который поможет ему повернуть ход войны с ангрезами в нужную для Майсура сторону!

Командор покинул наваба лишь заручившись его твердым обещанием, что армия Майсура не будет переброшена на Малабар, что наваб останется на

Восточном побережье и продолжит лично руководить боевыми операциями против англичан.

Немалый успех на дипломатическом поприщем. Этого успеха Сюффрен добился исключительно благодаря личному престижу...

В письме от 31 июля 1782 года Сюффрен сообщает де Суйяку:

«Я бы уже отправился в плавание, если бы не это интервью, необходимое для того, чтобы воспрепятствовать заключению мира между Майсуром и англичанами. Наваб ради того, чтобы встретиться со мной, сделал четыре дневных перехода. Я видел его. Он принял меня великолепно. Мы обо всем договорились. Завтра ухожу к Цейлону. И горячо надеюсь, что вновь схвачусь с Хьюзом лишь после того, как эскадра будет усилена отрядом месье д'Эймара».

Дерзкое предприятие

30 и 31 июля 1782 года Сюффрен принимает на свои корабли французские и индийские войска. 1 августа дает команду сниматься с якорей. Ему известно о том, что неделю назад Хьюз прибыл из Негапатама на рейд Мадраса. Путь на Цейлон открыт...

9 августа Сюффрен приводит эскадру в Баттикалоа, где четыре месяца тому назад ремонтировал корабли после сражения у острова Проведьен. Затаясь, ждет подкреплений с Иль-де-Франс. А придут ли эти подкрепления?

Но нет! 12 августа прибывает в порт «Беллона», сильно поврежденная в результате стычки с английским фрегатом. За «Беллоной» - два линейных корабля Эймара, а с ними транспорты с войсками, боеприпасами и продовольствием. Командор облегченно вздыхает.

22 августа прибывает яхта с Иль-де-Франс с корреспонденцией из Версаля. И какие окрыляющие новости! Король доволен действиями Сюффрена у Праи. Морской министр присылает ему диплом шефа эскадры (жаль, что так поздно!), а великий магистр Мальтийского ордена – звание бальи и большой серебряный крест.

Теперь к Тринкомали, главной ставке в единоборстве с Хьюзом! До Тринкомали всего три дня ходу. Хьюз, который до сих пор зорко оберегал этот порт, сейчас далеко. Надо воспользоваться его отсутствием...

23 августа, ночью, без лишнего шума Сюффрен выводит эскадру из Баттикалоа, идет на север вдоль побережья Цейлона. Посланная вперед на разведку яхта не отмечает ничего подозрительного. Англичане, как видно, ни о чем не догадываются, ничего не подозревают.

Вот и Тринкомали, залив глубиной в 30 километров, защищенный двумя фортами и несколькими батареями. Вечером, до наступления темноты Сюффрен решительно вводит эскадру в пустынный залив, ставит корабли на якоря в его глубине. Застигнутые врасплох английские батареи дают несколько залпов, но приказано им не отвечать.

Теперь все зависит от быстроты действий!

В два часа ночи Сюффрен дает команду к высадке десанта. 2400 бойцов-сипаев, малайцы, гренадеры из полка Австразия, морские пехотинцы плотно набиваются в баркасы и шлюпки. Они берут с собой пушки, мортиры, осадный материал, провиант на три дня. Десант высаживается на берег столь быстро, в таком образцовом порядке, что защитники Тринкомали не успевают ничего предпринять.

Скорей! Скорей! Командор размечает места, где нужно рыть окопы, где ставить осадные батареи.

27 августа открывают огонь легкие пушки. Сюффрен поспеивает всюду. То инженер, но начальник артиллерии, он мчится то вправо, то влево, руководит осадой. Командор помнит, как маршал Ришелье брал приступом форт Сан-Фелип. Ни лишних разговоров, ни ненужной суеты. Он подбадривает людей шуткой, и суровые лица матросов с неприменной серьгой в ухе, лица усачей в тюрбанах расплываются в улыбках. Все понимают командора с полуслова, с одного жеста. Ведут осаду с новой энергией.

29 августа осадные орудия пробивают бреши в стенах фортов. Сюффрен отчаянно спешит. Ситуация крайне опасная. Появись Хьюз, французская эскадра будет зажата в тиски. Пушки с кораблей сняты, экипажи ополовинены. Дело тогда неминуемо закончится катастрофой.

Дорог каждый час! Сюффрен предлагает гарнизону сложить оружие. И англичане, как ни странно, присылают парламентаров. Стороны обсуждают условия сдачи... и слишком медленно, как кажется Сюффрену. Не попытка ли это затянуть переговоры?

- Нам более не о чем говорить, господа англичане, - обращается он к парламентарам. - Мы возобновляем осаду...

Но осада так и не была возобновлена. У гарнизона Тринкомали (к счастью!) иссякли запасы воды. Англичане, продержавшись пять дней, капитулируют. По условиям капитуляции гарнизон с военными почестями убывает в Мадрас на французских судах. У командора нет ни малейшего желания вновь связывать себе руки пленными. Какой гвалт подняли калькуттские газеты после того, как он передал Хайдару Али триста пленных! Взамен англичане оставляют ему провиантские склады, пушки, ружья и боеприпасы. Все это как нельзя кстати.

Сюффрен – хозяин положения. Он спешно принимает меры к тому, чтобы укрепиться в Тринкомали. Войска занимают форты, батарейные площадки...

И вовремя!

2 сентября Сюффрен, согласно обычаю, устраивает банкет в честь английских офицеров. Говорит им в утешение:

- Что поделаться, господа! Превратности войны.

Но едва те, не без вынужденных комплиментов в адрес командора, поднялись из-за столов, как сигнальщики извещают о появлении на горизонте семнадцати кораблей.

Тревога! Это Хьюз!

Кровавый бал

Хьюз готов был встретить Сюффрена где угодно, но только не в Тринкомали. Он входит в залив по-хозяйски, под малыми парусами, готовится встать на якоря, как вдруг видит над фортами и на мачтах кораблей... флаги короля Франции.

Адмирал ошеломлен. Он приказывает ложиться в дрейф, зажечь кормовые фонари. Созывает военный совет...

На французской эскадре никто не спал в эту ночь. К борту «Эро» одна за другой причаливали шлюпки с капитанами. Все они дружно убеждали

Сюффрена в том, что англичане примирятся с фактом потери Тринкомали, уйдут восвояси, и поэтому разумней было бы удовольствоваться достигнутым, чем рисковать, добиваться новых сомнительных успехов. Когда прибудет де Бюсси, Тринкомали послужит великолепной базой для его экспедиционного корпуса. Кроме того, экипажи отчаянно нуждаются в отдыхе.

Все это так! Но прибывает де Болье, капитан фрегата «Беллона» с докладом, что у Хьюза не семнадцать кораблей, как сообщил сигнальщик, а всего двенадцать. У Сюффрена их четырнадцать, и это диктует его решение:

- Господа! – говорит он. – Если бы противник имел превосходство в силах, я бы последовал вашему совету. Будь силы равны, я бы подумал, стоит ли устраивать свалку. Но у нас превосходство в силах, и поэтому нет вопросов...

3 сентября 1782 года состоялось сражение у Тринкомали, четвертое большое морское сражение, данное Сюффреном. Увы! Рассказывать о нем, значит продолжить прискорбный реестр нелепостей, малодушия, полупредательства.

Едва забрезжило утро, Сюффрен дает команду сниматься с якорей, Хьюз отходит в полном порядке, старается оттянуть французскую эскадру как можно дальше от Тринкомали. Восемь часов утра. Девять, Сюффрен продолжает преследование. Он дает сигнал сформировать боевую линию. «Иллюстр» и «Фламан», к сожалению, мешают друг другу. «Артезьян» и «Сен-Мишель» выдвигаются слишком далеко вперед и, сделав резкий поворот, мешают авангарду. Сюффрен, раздраженный их неловкими маневрами, не один раз повторяет сигналы, но безрезультатно.

Уже 14:30, а линия все не сформирована. Сюффрену так и не удастся добиться того, чтобы каждый из кораблей занял свое место, выбрал бы себе противника. Имея превосходство в силах, командор делает попытку взять арьергард Хьюза «в клещи», но капитаны «Консоланта» и «Ванжера» делают вид, будто не поняли сигнала.

Еще можно поправить дело энергичной атакой, навалившись на Хьюза всей боевой линией, которая будет сформирована по ходу атаки. Открыть по его кораблям убийственный огонь с расстояния «пистолетного выстрела».

Командор как всегда идет впереди на своем «Эро»...

С борта флагмана гремит пушечный выстрел: приказ идти на сближение с противником. Но что это? Трагическое непонимание или сознательная «ошибка»? Неужто капитаны не знают элементарных сигналов? Они решили, что это приказ открыть огонь. Корабли останавливаются, открывая огонь с далеких расстояний, хотя эскадра еще не выстроилась в боевую линию. Половина ядер падает в воду, поднимая фонтаны брызг. Разгневанный Сюффрен приказывает прекратить стрельбу, повторяет сигнал подойти к линии противника на «пистолетный выстрел». Но его опять «не понимают».

«Эро» между тем неотвратно сближается с «Сюпербом», флагманом Хьюза. Но за ним следуют лишь «Иллюстр» и «Ажакс». Командор не щадит себя. В который уже раз «Эро» оказывается в самом пекле. На нем «повисает» вся эскадра противника.

Хьюз стягивает смертельный аркан вокруг головных французских кораблей. Бьет по ним из пушек с фронта, с флангов, со всех сторон. На «Эро» суший ад. В открытые пушечные люки летят ядра, картечь, пули. Канониры, голые по пояс, все в крови, работают как черти в развороченных батареях среди взрывов и смертных воплей, сменяют друг друга у пушек. Между очередными

бортовыми залпами они приглядываются к лицам офицеров. Долго ли будет продолжаться это смертоубийство? Когда придут на выручку остальные корабли? Впрочем, они знают, что месье командор будет биться покуда у него есть хоть один человек, хоть одна пушка, покуда корабль на плаву, что командор скорее взорвет «Эро», чем сдастся противнику.

К пяти часам на «Иллюстре» цепными ядрами срезана бизань-мачта. На «Эро» перерублены ванты, такелаж. Англичане, предвкушая победу, усиливают огонь по израненным кораблям.

Сюффрен в отчаянном положении. Он приказывает закладывать в пушки двойные заряды. Но на «Эро» с грохотом рушатся сразу две мачты, в том числе и главная, грот-мачта. Корабль становится неуправляемым. Падают адмиральский флаг – фал перебит пулей.

На английских кораблях раздаются крики ура! Командор сдается! Командор в наших руках!

Со своего корабля Хьюз видит на борту «Эро» - а он совсем рядом – толстяка, который чудом оставаясь целым и невредимым среди урагана ядер, пуль и картечи, мечется по палубе, топает ногами, пытается сплотить экипаж, вопит как безумный:

- Они подумают, что я сдаюсь, что шеф эскадры капитулирует! Белые флаги! Принести королевские белые флаги! Покрыть ими весь мой корабль!

- И он первым спешит к ларю с флагами. Английский адмирал узнает Сюффрена. Говорит своему штабу:

- Вот вам пример мужества, достойный подражанию, джентльмены!

Позднее Хьюз напишет в своих мемуарах:

«Я никогда не видел человека, отважней Сюффрена... С его прибытием к берегам Индии мы лишились сна и отдыха...»

Между тем канониры, слыша голос командора, возвращаются к своим пушкам, и кровавый бал вновь набирает силу. К несчастью, на «Эро» иссякает запас ядер, и канонирам дан приказ стрелять вхолостую, чтобы скрыть нехватку боеприпасов...

Скорее бы уж ночь! Обе стороны с нетерпением ждут прихода темноты. Сюффрен потому, что у него нет более средств продолжить бой, а Хьюз потому, что на многих его кораблях от ударов ядер о борта открылись сильные течи. Кроме того Хьюз знает, что ему придется худо, если в дело вступят главные силы французской эскадры.

Увы! Главные силы вступают в дело слишком поздно, к семи часам вечера. Так капитаны «наказывают» командора за то, что он не последовал их совету остаться в порту Тринкомали, не ввязываться в новое сражение с англичанами.

Хьюз, как обычно, первым ретируется с «поля боя».

Кто заменит меня?

Сюффрен, смертельно усталый, уходит в свою каюту. Садится за стол и полный гнева, царапая пером бумагу, брызгая чернилами, делает пометки против имен капитанов: «Плохо!», «Очень плохо!», «Хуже некуда!».

Эскадра, ведя на буксирах израненные корабли, возвращается в Тринкомали. Разрушения на «Эро», «Иллюстре» и «Ажаксе», которые только

одни и принимали участие в сражении, поистине ужасны. Велики и людские потери. На «Эро» выведена из строя треть экипажа.

Вновь не удалось добиться успеха, которого так жаждал и которого был достоин Сюффрен. Никогда еще капитаны не поддерживали его столь скверно. Поведение их смахивало на предательство...

Командор ничуть не удивился, когда на следующий день, рано утром, когда экипаж был занят уборкой корабля, явились де Тромелэн, Лаландель, Сен-Феликс и Морар де Гай, чтобы заявить о своем желании покинуть эскадру. На королевском флоте Франции капитаны имели право в любой момент потребовать своей отставки.

Совместный демарш! Прицельный удар исподтишка! Приводимые капитанами причины для отставки не более как предлог. У де Тромелэна якобы какие-то неотложные дела на Иль-де-Франс. Трое остальных «чувствуют себя нездоровыми»...

«Я был слишком недоволен ими и отпустил их всех с удовольствием, - сообщает Сюффрен морскому министру в письме от 29 сентября. – И если я не сменил многих других, то потому лишь, что у меня нет людей, которые умели бы управлять кораблями. Ужасно то, что у меня четыре раза была возможность разбить английскую эскадру, а она по-прежнему существует...»

«Отпустил их с удовольствием», - пишет Сюффрен. Но так ли это на самом деле? Что касается де Тромелэна, то это безусловно так. Именно де Тромелэн был душой скрытого мятежа на эскадре. Он подчинил своему влиянию большую часть офицеров, навязал им тактику пассивного сопротивления воле командора. И все они дружно делали вид будто не понимают сигналов, не выполняли его приказов, или выполняли их с большим опозданием. Возможно, это справедливо и в отношении Лаланделя. Но Сен-Феликс! Сюффрен всегда особо выделял этого капитана. Правда, Сен-Феликс тщеславен, чрезмерно крут с экипажем, но эти недостатки с лихвой искупаются отчаянной отвагой, умением командовать. А Морар де Гай? Он всем обязан Сюффрену. После памятного сражения у Праи Сюффрен назначил его, простого лейтенанта, капитаном «Аннибала», что вызвало бурю протеста со стороны офицеров, старших по возрасту и чинам, а позже отдал ему «Пти Аннибал». Измена Морара де Гая, несомненно, больно уколола командора.

«Сердце мое сокрушено отступничеством, общим предательством, - читаем мы далее в письме Сюффрена морскому министру. – Я вновь упустил возможность уничтожить английскую эскадру. У меня было четырнадцать кораблей, но бой с противником на расстоянии «пистолетного выстрела» вели лишь «Эро», «Иллюстр» и «Ажакс». Все остальные оставались далеко в стороне, палили издали впустую. Все, да все, могли принять участие в сражении, так как у нас было преимущество в ветре, но никто не сделал этого. Ранее многие из капитанов вели себя достойно, бились с противником отважно. Могу объяснить весь этот ужас лишь общим желанием как можно скорей завершить кампанию, отсутствием доброй воли и неумением, если не предположить худшего.

Я уже докладывал Вам, что эти офицеры, так долго пробывшие в бездействии на Иль-де-Франс, не являются более ни моряками, ни военными людьми. Не моряками, потому что утратили навыки командования, а их меркантилизм и неподчинение приказам абсолютно несовместимы с воинскими долгом и честью. Вы не можете представить себе всех мелких хитростей, с помощью которых они стараются заставить меня вернуться на Иль-де-Франс.

Выбор офицеров для службы на кораблях в Индийских водах имеет первостепенное значение, поскольку заменить их здесь некем. Не думаю, что сам я обладаю всеми необходимыми талантами и качествами. Но, по правде говоря, в случае смерти или тяжелой болезни, кто заменит меня? Мною были допущены ошибки в этой кампании, кто их не делает? Но не было таких, которые бы приводили к срыву дела».

Сюффрен чувствует себя в полном одиночестве. У него нет более уверенности ни в ком. Все же, пытаясь укрепить веру в самого себя, он так резюмирует результаты кампании:

«Мне удалось сделать многое в Индии. Моя эскадра господствует в Бенгальском заливе. Я – хозяин на море. Мною даны четыре больших сражения, занят важнейший порт Индии. Я захватил пять кораблей короля Англии, три корабля Английской Ост-Индской компании и более шестидесяти частных судов... И хочу лишь, чтобы были довольны король, министры и общество».

Глава пятая

ПОСЛЕДНИЕ УСИЛИЯ

Нерадостные вести

Сюффрена будто преследует злой рок. При возвращении в Тринкомали разбился о риф 74-пушечный «Орьян», самый мощный корабль эскадры, на котором ранее держал свой флаг граф д'Орв. Разбился из-за оплошности капитана Ла Пайера, ибо риф был хорошо виден и давно известен. Вскоре такая же судьбы постигла 64-пушечный «Биззар». Корабль погиб у Куддалура на песчаной банке, при спокойном море, в великолепную погоду. Все усилия спасти его были тщетными.

Когда кораблями командуют такие неумехи, засомневаешься в успешном исходе кампании!

«Я уже имел честь сообщить Вам, что на эскадре не хватает опытных офицеров. И вот в один и тот же месяц потеряны два корабля, чему наверное нет примера на флотах всего остального мира, - в отчаянии пишет Сюффрен морскому министру. – Пришлите хороших офицеров! Если бы кораблями командовали умелые люди, мы бы стали хозяевами Индии. Я тут одинок, ждать помощи не от кого ...»

Между тем вступает в свои права осенний муссон. С неба отвесно, будто из миллиардов открытых кранов целыми днями льют и льют дожди. На море бушуют свинцовые волны. Тяжко приходится экипажам. В этот сезон, длящийся три месяца, Бенгальский залив – неподходящее место для пребывания там кораблей. Даже Тринкомали не обеспечивает надежной стоянки.

Хьюз уводит свою эскадру к Бомбею на Западном побережье Индии, где осенний муссон не столь свиреп и где его ждет с подкреплениями коммодор Бикертон. Английский адмирал совершенно уверен, что Сюффрен по примеру своих предшественников отправится «зимовать» на Иль-де-Франс, не станет рисковать своими кораблями.

На Иль-де-Франс? Нет, и тысячу раз нет! В этот момент, возможно, самый критический во всей кампании, ибо у Хьюза теперь почти двойной перевес в силах, командор принимает неординарное решение. Будучи вынужденным покинуть берега Индии, он, тем не менее, остается у ее порога в малоизвестной французам стране, пользующейся худой славой, но где можно будет переждать муссон, запастись провиантом и питьевой водой, дать отдых экипажам, где удобно будет держать под контролем Бенгальский залив, ожидать появления Хьюза и прибытия де Бюсси с экспедиционным корпусом французских войск.

2 ноября 1782 года Сюффрен приводит эскадру в порт Ачин, что на крайнем севере острова Суматра. Суматра, более обширная, чем Франция, принадлежит Голландии, скорее номинально, ибо ни один голландец не посмеет хоть чуть-чуть удалиться от побережья. А Ачин – владение султана, независимого правителя. Его королевство труднодоступно, утопает в непроходимом экваториальном лесу, полном гигантских, опутанных лианами деревьев, древовидных папоротников, где нет ни дорог, ни тропинок.

Но якорную стоянку Ачина Сюффрен находит просто великолепной. Это обширный и глубокий залив, куда впадает река. А значит, нет проблем с питьевой водой. Сам Ачин – не более чем группа хижин, раскиданных по лесным чащобам.

Прежде всего, нужно получить у султана разрешение на заготовку деловой древесины, дров и провианта. Эту задачу Сюффрен поручает начальнику штаба Муассаку. И Муассак, пройдя около лье вдоль берега речки, натывается на хижину несколько больших размеров, чем все остальные. Это и есть «дворец» султана.

Но Его Величество отказывает в аудиенции невесть откуда явившемуся чужаку, чьи намерения ему неизвестны. Муассака принимает главный министр, шабадур – смуглый толстяк в шелковых штанах с голым животом и пучком перьев на голове. Муассак начинает переговоры в чисто версальской манере с комплиментов, которые драгоман кое-как переводит на неведомый язык, полный гортанных звуков, тогда как сам шабадур не спускает недоверчивых глаз с неожиданного и нежелательного визитера. Впрочем, выслушав его ответную речь, Муассак убеждается в том, что имеет дело с прирожденным дипломатом. Шабадур говорит горячо и много, рассыпает пышные фразы, умудряясь при этом не сказать ничего, и ничего не обещает.

Султан так и не разрешил высадить экипажи на берег, разместить больных матросов и канониров в палатках близ речных потоков. Весьма нелюбезный прием! Но Сюффрен в глубине души даже доволен таким оборотом дела. Берег в Ачине болотистый, воздух полон миазмов. Матросы не видели женщин более года, а здешние малайцы, весьма свирепый люд, зорко оберегают своих жен, хотя «последние не слишком-то соблазнительны». И эти ревнивцы никогда не расстаются со своими «крисами» – кривыми, зачастую отравленными кинжалами.

Не дезертировал ни один матрос. Как говорят, здешние леса кишмя кишат людоедами, а кому охота попасть на вертел или в котелок этого странного племени?

Все долгие недели пребывания в Ачине французские моряки провели на борту своих кораблей. Это рассеяло опасения султана, и командору удалось в избытке запастись провиантом и дровами.

Вновь бесконечные ремонтные работы. Леса кругом сколько угодно, и корабельные плотники творят чудеса своими топорами. Вновь очистка днищ от ракушек и водорослей, которые так замедляют ход кораблей. Вновь установка мачт, стенок и рей, требующая порой акробатической ловкости.

Эскадра Сюффрена полностью отрезана от всего остального мира. Никаких известий из Индии, тем более из Версаля. Минует месяц. Наконец 24 ноября сигнальщики дают знать о появлении в океане корабля под белым флагом с голубыми лилиями. Это корвет «Дюк-де-Шартр».

С каким нетерпением ожидал Сюффрен прибытия «Дюка-де-Шартр» в условленном месте! Но хотя трюмы корвета полны провианта и боеприпасов,

столь необходимых эскадре, его капитан месье Керсен привез плохие вести. 12 апреля 1782 года, в тот самый день, когда командор вел жаркое сражение с Хьюзом у берегов Цейлона, на другой стороне земного шара, в далеком Карибском море разыгралась трагедия: эскадра графа де Грасса была разбита адмиралом Роднеем, а сам де Грасс попал в плен. Де Бюсси болен, и неизвестно, когда сможет покинуть Иль-де-Франс. Пейнье задерживается у Мыса Доброй Надежды из-за вспышки цинги на его кораблях. Конвой Суланжа разгромлен англичанами.

Какой удар по планам и надеждам Сюффрена! 30 ноября он отправляет маркизу де Бюсси письмо:

«Невозможно передать словами всю горечь, испытанную мной при получении ужасных вестей из Америки, с Мыса Доброй Надежды и с Иль-де-Франс... Но нужно думать о будущем. Не знаю, право, как объяснить Хайдару Али все эти бесконечные задержки с прибытием французских войск. – И командор добавляет устало. – Право я был бы счастлив покинуть берега этой страны...»

Корабли между тем худо-бедно отремонтированы, экипажи отдохнули. Муссон заметно ослабевает. Оставаться и далее в Ачине, значит попусту тратить время. Сюффрен принимает решение возвращаться к берегам Индии. Пока Хьюз в Бомбее, нужно попытаться взять порт Ганджам, округ Орисса, нанести удар по морской торговле англичан. И, что главное, нужно узнать, как отреагирует Хайдар Али на последние неутешительные новости. Не пришел ли конец его долготерпению?

20 декабря 1782 года команда: «Паруса ставит!»

Наконец-то, Бюсси!

Французская эскадра внезапно появляется в Бенгальском заливе. Быстроходные фрегаты Сюффрена «Пти Аннибал», «Фин» и «Беллона» захватывают в устье Ганга корабли английской Ост-Индской компании, груженные рисом и пшеницей. Сюффрен словно выметает залив огромной метлой. Не имея возможности использовать захваченные торговые суда, поскольку людей у него в обрез, командор сжигает их близ Мадраса на глазах у англичан. Те и не шелохнулись. Бушевавший здесь сильнейший шторм потопил и повредил множество их кораблей, причинил большие разрушения окрестностям города.

11 января 1783 года Сюффрена и его капитанов позабавило необычное происшествие. Ночью в самую середину французской эскадры, стоявшей на якорях у Ганджама, сам того не ведая, влез великолепный 36-пушечный фрегат «Ковентри» под командой капитана Хьюза, племянника адмирала. Хьюз целый день гонялся за фрегатом «Фин», полагая, что это какой-то корсар. Сюффрен только что отправил к «Иллюстру» одну из своих шлюпок с запиской капитану Ла Брюйеру. Старшина шлюпки перед тем активно участвовал в дележе аррака, местного спиртного, причем гораздо более заботился о своей доле, чем о долях своих подчиненных.

Будучи в сильном подпитии, он подрулил к первому же попавшемуся на пути кораблю – а это был «Ковентри» - кое-как вскарабкался до выхода на наружный трап, и уже был готов передать капитану Ла Брюйеру записку Сюффрена, как вдруг был схвачен, скручен, повален на палубу и раздет донага.

Та же участь постигла его матросов. И что тут началось! На головы бедняг обрушилась буря криков, громких команд, топот сотен ног, лязг оружия. Рыжий взлохмоченный верзила, грубо встряхнув старшину, спросил его на сатанинском языке – именно сатанинском, ибо это был «инглиш», объект ужаса для каждого истого француза – кто он такой, кому принадлежит шлюпка и что это за эскадра, которая берет на прицел «Ковентри»?

Протрезвевший старшина отвечал с достоинством:

- Я – старшина шлюпки Эскраньо, родом из Прованса. А это эскадра командора месье де Сюффрена...

Сюффрен! Среди английских моряков паника. А оплошавший фрегат «Ковентри» уже окружают «Иллюстр», «Ажакс» и «Брийян», и капитану Хьюзу не остается ничего, кроме как сдаться.

Вызволненные из плена Эскраньо и его матросы с триумфом вернулись на «Эро». До конца жизни будут они хвалиться тем, что на шлюпке «захватили» английский фрегат.

От капитана Хьюза Сюффрен узнает крайне огорчительную новость: умер Хайдар Али. Умер 7 декабря прошлого года от раковой опухоли на спине.

Какая неожиданная, невосполнимая утрата!

Впрочем, не все потеряно. На троне Майсура теперь Типу Султан, продолжатель дела Хайдара Али, союзник Франции. Командор шлет Типу Султану дружественные послания, направляет к нему делегацию.

Эскадра, следуя вдоль побережья, минует Пондишери, Куддалур, Порто-Ново. И тут Сюффрену становится известно о том, что экспедиционный корпус с Иль-де-Франс, который он ждал так долго, с таким нетерпением, блуждает на кораблях где-то близ Цейлона. Командор тотчас же берет курс на Тринкомали и встречает отряд капитана де Пейнье, а с ним тридцать пять транспортов с войсками и боеприпасами. Прибывшие войска возглавляет не кто иной, как сам маркиз де Бюсси, знаменитый де Бюсси!

Казалось бы, прекрасная новость. Но в письме Сюффрена Марии-Терезе не ощущается особого энтузиазма:

«Месье де Бюсси благополучно прибыл к берегам Индии. Но армия его невелика. Сам он нездоров...»

Да и в самом деле, чему радоваться? Вместо десяти тысяч солдат ветеранов, обещанных Версалем Хайдару Али, прибыли лишь две с половиной тысячи полураздетых, голодных, измученных дальней дорогой, во всем разуверившихся людей. Причем половину из них надо тут же отправлять в госпиталь. Де Пейнье привел Сюффрену три старых линейных корабля да один фрегат. Вот и все подкрепление. Хьюз же, по слухам, получил из Англии пять совершенно новых линейных кораблей. У него теперь восемнадцать вымпелов, тогда как у Сюффрена лишь пятнадцать.

Отважный Вилларет

16 марта 1783 года, высадив экспедиционный корпус де Бюсси в Порто-Ново, неутомимый Сюффрен берет курс на Цейлон.

«Я отправляюсь к Тринкомали, чтобы там привести в порядок эскадру, - пишет Сюффрен губернатору Иль-де-Франс. – Надеюсь вскоре завершить все работы... За тринадцать месяцев пребывания в Индии мы ни разу не получали пополнений. На кораблях, несмотря на потерю «Орьяна» и «Биззара», не

хватает около двух тысяч человек. Если король пожелает держать в Индийских водах эскадру в пятнадцать – восемнадцать вымпелов, то ежегодно необходимы будут пополнения в две – три тысячи человек, чтобы экипажи были в комплекте, особенно если биться с неприятелем так, как мы, четыре раза в году...»

Тем не менее, Сюффрен как всегда выходит из трудного положения. Тринкомали на несколько недель превращается в арсенал, где командор в который уже раз ремонтирует многострадальную эскадру. Сюффрен хочет, чтобы она была готова по первому же сигналу сняться с якорей. И будто в воду глядел...

В конце мая сигнальщики извещают о появлении Хьюза. На этот раз у английского адмирала восемнадцать кораблей. Днища у всех у них обшиты медью и они только что из порта, где есть все необходимое для оснастки и ремонта кораблей. Сюффрен же успел приготовить к бою лишь пять кораблей. Поставив их на два якоря левым бортом к противнику, он загоразивает вход в залив. Хьюз помнит, с кем имеет дело. Он осторожничает. Походив «на цыпочках» пару дней близ Тринкомали, удаляется восвояси.

Сюффрен спокоен за себя, но его тревожит судьба двух линейных кораблей и фрегата под командой де Пейнье. Уходя из Порто-Ново, он оставил Пейнье крейсировать близ Мадраса в надежде перехватить ожидаемый английский конвой. Наткнись Хьюз на этот отряд, судьба его предрешена.

Командор вызывает к себе на «Эро» капитана «Беллоны», молодого отчаянно смелого гасконца Вилларета де Жоеза, говорит ему:

- Перевожу вас на корвет «Наяд». Отправитесь на поиски отряда месье де Пейнье. Предупредите его о появлении эскадры Хьюза. И пусть он немедленно возвращается в Тринкомали.

«Наяд»! Старый тихоходный корвет с обитым гвоздями корпусом. И для такой миссии!

- Месье командор, - отвечает Вилларет де Жоез, будущий адмирал Революции. – Уж если решили назначить меня капитаном на это щелястое корыто, то снабдите хотя бы рекомендательными письмами к адмиралу Хьюзу и губернатору Мадраса лорду Макартни.

Сюффрен, широко улыбнувшись, кладет тяжелую ладонь на плечо гасконца:

- Друг мой! Принимая меры к тому, чтобы месье де Пейнье не попал в беду, я не могу рисковать таким прекрасным фрегатом, как «Беллона». Для этого достаточно и «Наяда». Я уверен, что вы справитесь с задачей лучше, чем кто-либо другой...

Юпитер умел золотить пилюли...

Тремя днями позже корвет «Наяд» был остановлен 64-пушечным линейным кораблем «Скептр». И Вилларет сдался лишь после пяти часов отчаянного сопротивления. Когда гасконец вручал шпагу мистеру Граву, капитану «Скептра», тот заметил со вздохом:

- Ваш корвет достался нам слишком дорогой ценой, месье.

Что же касается де Пейнье, то он вскоре прибыл в Тринкомали целый и невредимый.

Положение критическое

Сюффрен не может быть там и тут одновременно. А дела в Индии идут из рук вон плохо. Маркиз де Бюсси, на которого командор возлагал столько надежд, оказался лишь тенью самого себя, каким он был двадцать и тридцать лет тому назад. Буквально тенью, жалкой и бесцветной. Где он, прежний де Бюсси, пусть алчный до денег, жадный до всяческих утех, неразборчивый в средствах, но в то же время нередкость удачливый полководец, изворотливый дипломат, сумевший завоевать громадный авторитет среди местных владык? Теперь это густо напудренная и нарумяненная мумия, натершийся мускусом тщедушный старик-подагрик, карикатура на бывшего хозяина Южной Индии, чей часовой стоял некогда у Чарминара, триумфальной арки в сердце Хайдарабада. Де Бюсси не терпит возражений, не желает слушать ничьих советов, не оставляет инициативы своим помощникам, и что самое скверное, не хочет рисковать ничем. Он разыгрывает из себя набоба, ожесточенно спорит по пустякам со своим первым заместителем полковником д'Оффлизом, другими офицерами.

Увы! Таков командующий экспедиционным корпусом, присланный Версалем отвоевывать у англичан Индию для французской короны.

Результаты подобной летаргии не заставляют себя долго ждать. Корпус де Бюсси, едва прибыв в Индию, оказывается заблокированным генералом Стюартом в Куддалуре, ненадежной, слабо защищенной крепости, без воды, без провианта. Хьюз изолирует французов с моря. Кольцо блокады стягивается все туже. Возникает реальная угроза капитуляции. Де Бюсси и его офицеры обескуражены. Все свои надежды они возлагают на Сюффрена.

Сюффрен, между тем, узнав о состоянии дел в Куддалуре, созывает на «Эро» капитанов. Говорит им:

- Положение нашей армии под стенами Куддалура критическое, господа. Она погибнет, если мы не придем на выручку. Нужны немедленные решительные действия. Забудем же о наших разногласиях и спорах, от которых один лишь вред. Докажем, что мы достойны чести называться французами...

Блокада Куддалура с моря должна быть прорвана, иначе войну за Индию придется считать проигранной. Но оставить Тринкомали – базу эскадры, с гарнизоном всего в пятьсот человек? Когда Хьюз, возможно, где-то рядом? Сюффрен в который раз рискует всем. Он дает приказ грузить на корабли боеприпасы, провиант.

11 июня эскадра покидает Тринкомали.

Как невзрачен вид кораблей Сюффрена! За те два года, что они столько раз бились с англичанами на расстоянии «пистолетного выстрела», даже «на расстоянии плевка», как говорят моряки, заходили на ремонт в случайные порты, снабжались всем необходимым где и как придется, их стало не узнать. Ни позолоты, ни бледно-голубой краски, фамильного цвета Бурбонов – все это стерто морскими ветрами, смыто волнами, сбито огнем английских батарей. На всех на них – сдвоенные мачты и стеньги, шесты вместо рей, наспех заплатанные паруса. Борты в бесчисленных шрамах от ядер, картечи и пуль. Из пятнадцати кораблей лишь семь обшиты медью. На «Иллюстре» сильная течь. «Сен-Мишель» пропускает воду как решето, и его матросы день и ночь не отходят от помп. Экипажи укомплектованы в лучшем случае наполовину, утомлены до предела.

Но зато есть шеф стоящий дюжины линейных кораблей!

Спаситель

13 июня 1783 года Сюффрен узнает о том, что эскадра Хьюза стоит на якорях к северу от Порто-Ново. Слава Всевышнему! Тринкомали пока в безопасности! 16 июня он проходит в виду Куддалура, и облегченно вздыхает. Над крепостью реет белый с голубыми лилиями флаг короля Франции. Командор решает не удаляться более от Куддалура, соблюдая при этом крайнюю осторожность. Хьюз немедленно воспользуется малейшей его оплошностью.

Что больше всего тревожит Сюффрена, так это недокомплект экипажей на кораблях. И он шлет де Бюсси записку с просьбой одолжить ему на время как можно больше людей, особенно канониров. Он прибудет за ними... ночью.

Чтобы избавиться от Хьюза, который переместился к Куддалуру, Сюффрен вопреки своему обыкновению хитрит, делает вид, будто возвращается в Тринкомали. И «взятый на пушку» Хьюз покидает якорную стоянку.

Только это и нужно командору. В ночь с 17 на 18 июня он проскальзывает между английской эскадрой и берегом к Куддалуру. Прибыв на рейд, где только что стояла эскадра Хьюза, спешно принимает на борта своих кораблей шестьсот европейских солдат, столько же сипаев, и возвращается в открытое море. Операция проведена блестяще, без единого выстрела. И английскому адмиралу не остается ничего, кроме как признать, что его «оставили с носом».

18 июня Сюффрен делает попытку сблизиться с Хьюзом, но тот, пользуясь быстроходностью своих кораблей, уклоняется от столкновения. Весь день 19 июня обе эскадры маневрируют без конца, так как ветер дует то с суши, то с моря. И лишь 20 июня Хьюз решается принять бой.

Это пятое и последнее сражение, данное Сюффреном английскому адмиралу, было недолгим, но весьма успешным. В 16:30 эскадры наконец сближаются, и Сюффрен дает сигнал открыть огонь.

Французы начинают бой весьма энергично, чего не скажешь о противнике. Хьюз, как видно, не уверен в себе, придерживается оборонительной тактики. Располагая большим числом кораблей, он вполне может взять аррьергард Сюффрена «в обхват», но даже не пытается сделать это. Случайное столкновение между «Ванжером» и «Аннибалом» грозило сорвать атаку французов, но он не воспользовался некоторым замешательством во французском «стане». Хьюз ведет эскадру под малыми парусами, стягивает свою линию, не решается повести бой в полную силу...

Накануне сражения 20 июня Сюффрен отдал ряд распоряжений, изложенных в его известном Меморандуме № 3: приказ восьми кораблям принять на себя удар основного ядра английской эскадры, тогда как пять остальных, самых лучших, должны будут зайти по другую ее сторону и обрушиться на аррьергард Хьюза, уже обстрелянный двумя французскими линейными кораблями и фрегатом. В последний момент командор отказался от этого плана. То ли он не понадеялся на капитанов, то ли его вынудило пойти на это бедственное состояние кораблей. Сражение проходило по классической схеме, между выстроенными в линию кораблями противников.

На этот раз Сюффрен, вопреки обыкновению, держал свой флаг на фрегате «Клеопатра», а не на своем «Эро». Людовик XVI запретил шефам эскадр руководить боевыми действиями с одного из линейных кораблей. Их место должно быть на фрегате, за пределами линии огня, откуда удобней и

безопасней наблюдать за ходом боя. Такое решение было принято после катастрофы в Антильском море, где эскадра де Грасса была разгромлена англичанами, а сам де Грасс взят в плен на борту флагмана «Виль де Пари». Командор вначале ворчал, говорил, что, мол, будет поступать по обстоятельствам, но, в конце концов, все-таки перешел на фрегат.

В ходе сражения Сюффрен курсировал вдоль своей линии, контролируя действия капитанов. Но каждый из них и без того делал все, что мог. После целого ряда замен на командных постах, вызванных невыполнением некоторыми из офицеров воинского долга, впервые всеми кораблями командовали люди, на которых Сюффрен мог вполне положиться, и которые готовы были со рвением выполнять его приказы. Это принесло свои плоды. Даже «старые» капитаны – дю Чийо и Сен-Феликс (последний вернулся добровольцем с Иль-де-Франс вместе с отрядом де Пейнье) состязались в мужестве и героизме, стараясь стереть память о своем недавнем неблагоприятном поведении.

Кстати сказать, де Тромелэна и остальных офицеров, покинувших эскадру в столь трудное для нее время, на Иль-де-Франс встретили более чем холодно. Губернатор де Суйяк отказал им в приеме, де Бюсси не пожелал с ними разговаривать.

Отменно проявил себя в этом сражении «Эро», которым командовал Муассак.

И все же был момент общего смятения... на «Клеопатре». Фрегат ходко шел вдоль линии с сигналом на грот-мачте: «Сблизиться с противником на «пистолетный выстрел!» Сюффрен видел, что сражение складывается в пользу французов, и лицо его под широкими полями легендарной шляпы было полно вдохновения. Наконец-то назревает победа! Настоящая, безусловная победа! Мечта его жизни!

Командор стоял возле рулевого колеса, держась за просмоленный пеньковый канат, не обращая внимания на картечь и пули. Но вдруг зашатался и, потеряв равновесие, рухнул на палубу. Ранен? Может быть, убит? Он, который за сорок лет службы на флоте участвовал в стольких сражениях и не получил ни единой царапины! Он, которого все считали неуязвимым! В отчаянии, офицеры и матросы бросаются к Сюффрену. Но он уже сам встает, встает сам, без посторонней помощи. Стряхивает с плеч пудру, как это он делал в Версале.

- Ничего! Ничего, дети мои! – смеясь говорит он. – Это все из-за чертова каната, который лопнул. Рулевой, вперед!

Канат не лопнул, а был перебит пулей в двух пядях от плеча командора.

Но что это? «Клеопатра» не движется вперед, а «пятится» под ветром. Попятное движение фрегата вызывает негодование Сюффрена. Тем более, что он слышит, как капитан «Клеопатры» лейтенант де Розили говорит рулевому:

- Круче к ветру! Круче!

- Кто это смеет не выполнять мои приказы?

- Месье, - отвечает де Розили. – Мы не хотим, чтобы вы были убиты.

Искренний ответ де Розили обезоруживает Сюффрена:

- Спасибо, сынок! Какое это счастье видеть вокруг себя в сражении столько отважных сердец...

Кораблей у Сюффрена меньше. Но его канониры работают столь слаженно и четко, огонь их столь точен, что уже через два с половиной часа Хьюз, не выдержав, пускается в бегство. Он тушит кормовые фонари, удирает

на всех парусах. Тысяча пушек Сюффрена возобладали над тысячью двумястами пушками Хьюза. Потери у англичан огромны. На кораблях же Сюффрена две сотни убитых. Среди погибших – Перье де Сальвер, капитан «Фламана», и отважный «синий» Дьё, год назад спасший честь «Севёра».

Ночь французская эскадра провела на месте сражения. Утром Сюффрен ведет ее к Пондишери в надежде возобновить бой с Хьюзом. Но никого в виду. Лишь ранним утром 22 июня сигнальщики видят английскую эскадру. Она в величайшем беспорядке движется на север. На многих кораблях, в том числе и на адмиральском «Сюпербе» отмечены большие разрушения.

Заметив, что он обнаружен, Хьюз ставит все имеющиеся паруса, спешит уйти подальше от опасного соседства.

Сюффрен, вопреки обыкновению, не преследует англичан. Позднее он объяснит это так:

«Первым моим движением было отдать приказ рубить канаты и начать погоню. Но удерживал ряд обстоятельств. Во-первых, на эскадре катастрофически не хватало якорей и канатов. Нельзя было жертвовать последними из них. Во-вторых, Куддалур был блокирован англичанами с суши, а немалая часть его гарнизона – тысяча двести солдат и сипаев, находились на борту моих кораблей...»

23 июня, утром, офицеры и солдаты экспедиционного корпуса де Бюсси, которые уже ни на что не надеялись и считали капитуляцию неизбежной, увидели на горизонте корабли Сюффрена. До их слуха донеслись громовые пушечные удары. И все сразу поняли, что это означает. Послышались ликующие возгласы:

- Сюффрен побил Хьюза! Да здравствует Сюффрен!
- Блокада прорвана!

В бортовом журнале «Эро» есть такая запись, сделанная рукой Муассака и датированная 23 июня 1783 года:

«В 14:30 месье де Сюффрен сошел на берег под гром салюта из пятнадцати пушечных стволов. На набережной Куддалура он был с ликованием встречен офицерами экспедиционного корпуса».

Несмотря на протесты Сюффрена, его дружно втискали в паланкин и с торжеством поволокли к дому, где находился командующий экспедиционным корпусом. Де Бюсси, не потерявший несмотря ни на что былую элегантность и желание порисоваться, ожидал Сюффрена на пороге. При виде командора, он пошел ему навстречу. Взяв за руку, с пафосом сказал, обращаясь к офицерам:

- Вот наш спаситель, господа!

Прекрасный лик Фортуны

Нет, не так уж плохи дела у французов! Вмешательство Сюффрена в ход событий у Куддалура резко меняет обстановку. У Хьюза подбито крыло, и командор уже готовится нанести ему завершающий удар. Вместе с занятыми у де Бюсси солдатами и сипаями, Сюффрен высаживает на берег более тысячи своих матросов. И это воодушевляет де Бюсси. Теперь в распоряжении у него небольшая, но вполне боеспособная армия, есть провиант и боеприпасы.

Острую нехватку во всем, в свою очередь, начинают испытывать войска генерала Стюарта, блокирующие Куддалур. Присутствие эскадры Сюффрена лишило их подвоза провианта из Транкебара и Негапатама. Окрестности

Куддалура опустошены кавалерией майсурского командира Саида Сахиба, все коммуникации на севере перерезаны. Еще немного, и английская армия обратится в бегство, теряя под ударами французов людей, пушки и снаряжение.

25 июня 1783 года Сюффрен получает новую вдохновляющую информацию: с Иль-де-Франс отплывают к берегам Индии шесть голландских боевых кораблей, а с ними Люксембургский легион. С такими подкреплениями легко будет взять Мадрас. Еще какие-нибудь два – три месяца, и французские владения на юге Индии будут восстановлены.

Увы! 29 июня на рейд Куддалура прибывает английский фрегат «Медея» под парламентским флагом. Изумленные французские моряки не знают что и думать. Но вскоре все выясняется: капитан «Медеи» вручает Сюффрену письмо адмирала Хьюза. Командор, вскрыв конверт, читает:

«20 января 1783 года в Версале подписаны и 9 февраля ратифицированы прелиминарные условия мира...»

Таков вот неожиданный «подарок» Сюффрену. Никаких более планов дальнейших действий, никаких мыслей о реванше, надежд на новые успехи. Все кончено! Эта новость получена сухопутным путем и имеет пока официальный характер, но Сюффрен принимает предложение Хьюза о перемирии, советует де Бюсси сделать то же самое. С меньшими силами он сумел нанести поражение английскому адмиралу, но ручаться за успешность дальнейших действий не может. Эскадра исчерпала свои возможности. Все на пределе. На кораблях сильные течи, они срочно нуждаются в капитальном ремонте, многие годны лишь на слом. А кроме того в сражении 20 июня экипажи понесли новые большие потери.

Итак, мир!

Сюффрен уводит эскадру в Тринкомали. 15 августа там состоялись торжества по случаю окончания военных действий. На шумном банкете, где председательствовал командор, моряки и командиры сухопутных войск пили за здоровье друг друга.

Два месяца спустя де Бюсси и Сюффрен получают официальное извещение военного министерства о том, что Франция и Англия, воевавшие целых пять лет, сложат оружие.

«Будет ли этот мир прочным, выгодным для Франции? – спрашивает себя Сюффрен. Ведь он вложил в эту войну столько сил и энергии, и фортуна уже начала обращать к нему свой прекрасный лик. И командор, несомненно был бы глубоко разочарован, узнав о том, что в результате мирных переговоров в Версале Франции удалось лишь вернуть себе ранее принадлежавшие ей крохотные территории: Пондишери, Маэ, Шандернагор, Янам и Карикал. Французским дипломатам не были известны последние события в Индии, в которых Сюффрен добился несомненного преимущества над Хьюзом. Франция могла бы претендовать на гораздо более обширные территории.

Командор, перебирая в памяти недавние события, не находит ничего, в чем бы мог упрекнуть себя.

«Говорю тебе от чистого сердца, и лишь тебе одной, - пишет он Марии-Терезе. – Все совершенное мною ранее не идет ни в какое сравнение с тем, что совершено недавно. Ты, конечно, слышала о взятии Тринкомали, о сражении близ этого порта, но завершающая стадия кампании и особенно события с марта по конец июня 1783 года превосходят по своей значимости все то, что сделано флотом с тех пор, как я на нем служу... Результаты весьма лестны для меня и моих друзей, важны для Франции, ибо эскадра была в смертельной опасности, а

экспедиционный корпус на краю гибели. Надеюсь, что месье де Кастри не раскаивается в оказанной мне величайшей чести».

Сюффрен имеет в виду свое внеочередное назначение шефом эскадры и присвоение ему звания генерал-лейтенанта...

«Представляю, мой милый друг, как ты была горда, узнав о том, что в марте 1782 года я стал шефом эскадры, а в марте 1783 года генерал-лейтенантом. Читая «Ла Газетт», ибо вероятно оттуда были почерпнуты тобой эти новости, ты, я уверен, радостно воскликнула...»

Там, в далекой Франции, во всей Европе говорят о его подвигах, высоко оценивают совершенные им дела.

«Я просто осыпан милостями министерства, и это еще до взятия Тринкомали, - продолжает командор. – Много шума наделают и события 20 июня 1783 года. Не знаю, что думают во Франции о присвоении мне звания генерал-лейтенанта, как это воспринято публикой, но здесь в Индии меня хвалят и превозносят более, чем я того заслуживаю».

Нет, не напрасны были его порой сверхчеловеческие усилия, не напрасно он плавал, сражался, трудился не покладая рук. Преисполненный справедливой гордости, Сюффрен забывает о выпавших на его долю тяготах. Он полон радости. Он счастлив.

К родным берегам

Получен приказ морского министра де Кастри возвращаться домой. Какое-то время Сюффрен посвящает организации небольшой эскадры, которая будет «стоять на часах» в Бенгальском заливе. В Индии остается де Пейнье с пятью линейными кораблями и тремя фрегатами – силами, равными английским.

А теперь в долгий и утомительный путь!

6 октября 1783 года «Эро» с реющим на фок-мачте квадратным штандартом генерал-лейтенанта, берет курс к берегам Франции. За «Эро» следуют «Сфинкс», «Фламан», «Артезьян», «Ванжер» и «Севёр», фрегаты «Фин» и «Клеопатра».

Прощай Тринкомали!

Два с половиной года тому назад Сюффрен прибыл в Индийские воды капитаном первого ранга во главе небольшой эскадры, а возвращается домой генерал-лейтенантом, сановником Мальтийского ордена. Какая головокружительная карьера! И вместе с тем сколько странствий по океанским просторам, сколько сражений!

12 ноября Сюффрен делает остановку в Порт-Луи. Приветствовать его поднялся на борт «Эро» месье де Суйяк, губернатор Иль-де-Франс. А когда генерал-лейтенант сошел на берег, его торжественно встречали все власти острова, офицеры, неисчислимая толпа островитян. Народ надсаживался в крике:

- Да здравствует король!
- Да здравствует Сюффрен!..

Под трезвон колоколов и гром пушек Сюффрен прошествовал сквозь ряды солдат с взятыми «на караул» ружьями к городской ратуше. И сколько было устроено в его честь приемов, балов, фейерверков! Под конец званого ужина, данного губернатором в его резиденции, здешние дамы «угостили»

генерал-лейтенанта серенадой, песнями под аккомпанемент гитар. И он, как истый француз, разумеется, не остался к этому равнодушным.

«У тебя голова пойдет кругом, когда я расскажу, как меня принимали на Иль-де-Франс. Я просто осыпан стихами и цветами...» - пишет Сюффрен Марии-Терезе.

28 декабря Сюффрен прибывает на Мыс Доброй Надежды, где его встречают с еще большим энтузиазмом. Улицы Кейптауна расцвечены флагами. Генерал-лейтенанта изводят длинными и скучными до зевоты речами, бесконечными приемами.

«Эти добрые голландцы встречали меня как освободителя, - отмечает Сюффрен. – Если бы месье д'Орв не был мертв, он бы умер от зависти...»

С особым энтузиазмом приветствовал Сюффрена здешний винодел, выпускающий вино «Констанс». И, разумеется, несколько оплетенных соломой бутылей этой волшебной амброзии, в сравнении с которой знаменитые «Токай» и «Канари» не более чем дрянные травяные настойки, были преподнесены генерал-лейтенанту и по достоинству им оценены.

Но что особенно тронуло Сюффрена, задело чувствительную струну в его душе, так это знаки уважения со стороны недавних противников. Девять кораблей адмирала Хьюза, которые тоже возвращались домой, сделали остановку в Табль-Бее, когда там еще находились французские суда. И надо же такому случиться: при входе в порт один из «англичан», 64-пушечный «Эксетер» сел на мель. Шлюпки Сюффрена тогда поспешили на помощь вчерашним врагам. И коммодор Кинг, человек гигантского роста, облачившись в свою самую красивую униформу, явился со всем штабом на «Эро» засвидетельствовать свое почтение генерал-лейтенанту.

3 января 1784 года Сюффрен пускается в дальнейший путь. Не спеша входит в Атлантический океан, минует Сенегал, остров Мадейру и, пройдя Гибралтаром, впервые ощущает прохладу латинских морей. Его матросы, до черноты обожженные тропическим солнцем, изголодавшиеся, измученные тремя годами непрерывных плаваний, уже предвкушают встречу с родной землей. Но она еще так далеко!

Тем не менее, наступает день, когда на горизонте французские моряки видят знакомые берега. И, наконец, 26 марта над кромкой вод возникает линия белых и розовых домов Тулона. Начинают кричать чайки. И корабли Сюффрена во главе с «Эро», оставляя за кормой запахи рассола и пряностей, входят в порт.

Глава шестая

Слава – это дым, это химера...

Незабываемый час

Экипаж «Эро» выстроен на верхней палубе для прощальной церемонии. Сюффрен обходит живописные ряды матросов и канониров, вглядывается в знакомые лица, называет многих по имени. Это они, простые рыбаки и

деревенские парни позволили эскадре выдержать невыносимые испытания в далекой Индии и по пути к ней. Вопреки строптивым и бесталанным капитанам.

- Спасибо за службу, дети мои!

Моряки отвечают нестройным гулом голосов. У многих на глазах слезы. Бесконечно далек бедный матросский люд от командора, но он был для них что отец родной в дни ранений и болезней. А скольким он спас жизни, запретив хирургам делать слишком уж поспешные ампутации!

Под грохот барабанов, пронзительный свист флейт, Сюффрен спускается по парадному трапу в адмиральскую шлюпку. Бросает последний взгляд на свой корабль. Наружная обшивка «Эро» сплошь в грубых шрамах от ядер и картечи, в деревянных заплатках. Тут и там из корпуса торчат куски железа. Сколько бурь и сражений пришлось вынести кораблю! Прощай старый, добрый товарищ!

Он не увидит свой «Эро» более никогда...

Сюффрен спешит нанести визит интенданту Тулона, месье Малуэ. Но на набережной его задерживает почтительная толпа горожан, солдат, матросов и портовых рабочих. В толпе много женщин с детьми, которые, прослышав о приходе из Индии эскадры, явились встречать своих мужей. Бедняжки! Многие не знают, что они давно уже вдовы.

Сюффрен слышит приветствия, добрые пожелания. Искренне, неподдельные чувства простого люда трогают его сердце. Он – великий человек для своей малой родины, Прованса. Но уделить ей должное внимание нет времени. В Париже его ждет морской министр. Его хочет видеть сам король!

Не переводя дыхание, Сюффрен отправляется в путь. Все же он решает сделать небольшой «крюк», заглянуть в Салон, колыбель семьи Сюффренов. Одна из его сестер служит экономкой в монастыре ордена Святой Урсулы. Сен-Канна, Ришбуа, Драгиньян и Бурригай он посетит потом.

Еще из Тринкомали Сюффрен писал Марии-Терезе:

«Я прибуду во Францию скорее всего в марте. Поскольку месье де Кастри, по-видимому, пожелает видеть меня тотчас же, я вынужден буду ехать прямо в Париж. И лишь по возвращении оттуда смогу сполна насладиться покоем и тишиной Бурригая, чего, по правде говоря, желаю более всего на свете».

27 марта 1784 года запыленную карету Сюффрена встречает на окраине Салона все его население во главе с тремя консулами. Сколько восторженных лиц! Крики «виват!»

Сюффрен, выйдя из кареты, обнимется, целуется с родственниками и друзьями, поднимет высоко на руках заметно подросших племянников и племянниц.

- Ах, как славно это вновь оказаться среди земляков! – повторяет он, растроганный до слез. – Как я мечтал о встрече с вами все эти годы.

На главной улице при появлении Сюффрена местные ополченцы-милиционеры берут ружья «на караул». Их оркестр исполняет с детства знакомую каждому провансальцу мелодию на слова:

Что может быть милей,
Чем круг семьи своей...

В честь генерал-лейтенанта гремят ружейные залпы, трезвонят колокола. Окруженный галдящей толпой, радостный и взволнованный до глубины души, он отвечает на сыплющиеся со всех сторон вопросы.

- А где Ламанон? – вдруг спрашивает Сюффрен. – Не вижу его. – Из толпы тогда выходит Ламанон, отставной морской офицер, с которым Сюффрен плывал на «Фантаске» в Америку. Сюффрен обнимает его со словами:

- Ах, Ламанон! Дорогой друг! Вижу, вы оставили службу на флоте. Как мне не хватало в Индии таких людей, как вы...

На пороге ратуши Сюффрен пожимает руки отцам города, слушает их приветственные речи. Под конец недолгого визита посещает сестру в монастыре урсулинок, щедро раздает милостыню. И снова в путь.

Вот наконец и Париж! 3 апреля 1784 года Сюффрен прибывает в Версаль. Сопровождаемый морским министром, оказывается у входа в галерею, ведущую к кабинету короля. Там клюют носом караульные в голубых костюмах. Де Кастри говорит им:

- Господа! Это месье де Сюффрен!

И стражи, воспряв от дремы, берут ружья «на караул», сопровождают их до дверей кабинета. Как тут было не вспомнить Сюффрену о том, как три года назад на него, никому неизвестного капитана, пожимая плечами, наводили дерзкие лорнеты придворные шаркуны. Теперь он генерал-лейтенант, шеф эскадры. Бесконечным трудом он пробил себе путь сквозь их лъстивую толпу!

Оказавшись в кабинете короля, Сюффрен кланяется суверену, настолько низко, насколько это позволяет его неординарная талия. Людовик XVI заключает его в объятия. Расхаживая по своему обыкновению по кабинету, целых два часа слушает рассказ Сюффрена о проведенной им кампании в Индийских водах. Король дает высокую оценку действиям его эскадры. Говорит, что Сюффрен вернул флоту Франции его былые славу и величие.

Из кабинета короля Сюффрен выходит кавалером ордена Сен-Мишеля и вице-адмиралом.

Великий магистр, гордясь славой Сюффрена, назначает его послом Мальтийского ордена при Дворе Людовика XVI.

Париж отдает дань уважения Сюффрену. Все отмечают его мужество, талант флотоводца и стратега. Приумолкают хулители, за исключением, может быть, капитанов, которых он лишил командных постов и которые чувствуют себя обесчещенными...

26 апреля 1784 года, по примеру королевы, весь бомонд явился на премьеру оперы Глюка «Данаиды». Пока служители устанавливали свечи в канделябрах и зажигали их, важные персоны в ложах, народ попроще в партере, оживленно толковали о модной певице мадемуазель Сан-Юберти, о балете в постановке Гарделя, о том, что вскоре будет показана комедия «Свадьба Фигаро».

И вдруг по залу пронесется некий шелест. Из уст в уста переходит одно и то же имя. Мужчины и женщины встают, поворачиваются спиной к сцене, отыскивают глазами вновь прибывшего, который только что появился на балконе. Все различают широкую грудь с голубой лентой поперек нее, загорелое энергичное лицо. Это он, вице-адмирал де Сюффрен, герой Праи, Тринкомали и Куддалура! Гремят аплодисменты. Оркестр, позабыв о Глюке и «Данаидах», разражается победными фанфарами, звонкой медью. Довольный, улыбающийся Сюффрен окидывает взором приветствующих его зрителей, благодарит взмахом руки. Крики «браво!» звучат с утроенной силой,

выплескиваются на улицу. Парижане, топая ногами, вплетая свои голоса в бравурные звуки оркестра, славят Бога войны. Славят героя Индии, взявшего у англичан реванш за унижительный Парижский договор, славят в его лице королевский флот.

Незабываемый час, которого Сюффрен ждал так долго. Наконец-то слава, о которой он мечтал всю жизнь!

У себя дома

Уж месяц, как не смолкают овации. Спешат высказать свои восхищение и благодарность Сюффрену голландцы. Голландская Ост-Индская компания преподносит ему начиненный похвалами адрес, а Генеральные Штаты (Парламент) Голландии – шпагу ценой в пятьсот тысяч экю с инкрустированным алмазами эфесом и приличествующей надписью, выгравированной на золоченом клинке.

И с какой пышностью была обставлена церемония вручения шпаги!

12 августа 1784 года старинный парижский квартал, где Сюффрен живет в гостинице на улице Турнон, оглашают звуки боевых труб и барабанов. Зеваки, стайки вездесущих мальчишек, лотошники, точильщики, старьевщики и нищие, приникшие к окнам кумушки, видят великолепный кортеж. Впереди движутся конные трубачи. За трубачами следуют четыре золоченые кареты. В первой карете находится шпага, одна только шпага! Во второй восседает голландский посол, в остальных – посланники правительства, которые должны вручить шпагу освободителю Мыса Доброй Надежды и Тринкомали.

Трубачи так дуют в свои трубы, что стекла дрожат. Голландцы и парижане рукоплещут Сюффрену, который появляется на балконе...

Вице-адмирал, словно римский император, становится объектом внимания скульпторов, граверов, художников. Жители Салона, офицеры тулонского порта заказывают его бюсты. Власти Прованса отбивают великолепную золотую медаль с его профилем.

«Милый друг! Посылаю тебе медаль со своим изображением. Чуть позже получишь мой бюст, мой портрет. Будешь иметь меня во всех видах, - не без иронии пишет он Марии-Терезе. И добавляет меланхолично. – За исключением того, каким бы я хотел предстать перед тобой».

В середине сентября 1784 года Сюффрен решает навестить Прованс. Вначале это Марсель. Затем Сен-Канна, Ришбуа, Сен-Тропез, Драгиньян...

Весь Прованс всколыхнулся, чтобы достойно встретить своего прославленного сына. Сюффрен повсюду ощущает горячую любовь земляков. Старушки в бархатных чепчиках, с красными шейными платками, плакали от умиления при виде толстяка в форме вице-адмирала, которого они знавали еще сопливым мальчишкой. Сюффрен же улыбался им, обнимал их, говорил им ласковые слова. Впрочем, еще охотней он обнимал молодых симпатичных девушек. Ему не было чуждо ничто человеческое.

В эту пору по всему Провансу гуляли своеобразные «лубки», которые несомненно видел и высоко оценил вице-адмирал. Вот один из таких «лубков», в котором наивный художник попытался с помощью кисти отобразить «прибытие домой нашего доброго Сюффрена после стольких побед в Индии». Композиция, надо признать, несколько пестрая, может быть слишком яркая, но сколько в ней чувств! Автор вложил в нее всю свою душу.

Великолепный, залитый лучами огненно-красного солнца пейзаж. Синее-синее небо. Желтая земля и белая-белая дорога. Кругом оливковые рощи, дубравы. И на этом роскошном фоне – Сюффрен. На его бронзовом, мужественном лице под легендарной епископской шляпой (художник увеличил ее вдвое) капли пота. Жилет распахнут. В руке посох. На ногах большие деревянные башмаки–сабо, которыми так удобно пинать камни на дороге, и шерстяные чулки (это в середине-то августа!). На плече у Сюффрена попугай, который то ли от избытка чувств, то ли из-за несносной жары... запачкал белым его голубую куртку.

Автора сего шедевра несомненно воодушевляла идея, что всяк прибывший из Индии вел там жизнь Робинзона и носил именно такой костюм. Но Сюффрен все-таки адмирал, французский и провансальский, и вместо Пятницы за ним валом валит толпа загорелых до черноты индийцев в тюрбанах, с поясами из птичьих перьев...

Как и в прошлые приезды Сюффрена, вокруг него теснятся родственники и друзья. Он рассказывает им об Америке, об Индии, и эти славные люди, многие из которых никогда не покидали своих деревень, слушают, разинув рты. В рассказах вице-адмирала им чудится рев штормового океана, гром сражений. Они будто воочию видят эскадры кораблей, горделиво идущие под надутыми парусами по океанской глади, будто видят галеры Мальтийского ордена, будто слышат скрип громадных весел, звон цепей, свист бичей и тяжелое дыхание прикованных к скамьям галерников...

Сюффрен продолжает свой путь и, наконец, добирается до Бурригая, где его уже шестой месяц ждет не дождется Мария-Тереза. Он вновь видит залитое солнечным светом шато, и на его гостеприимной веранде изрядно постаревшую подругу детства и юности. Наконец-то он у себя дома! Сюффрен всем существом ощущает здешние покой и усыпляющую монотонность жизни, память о которых лелеял в душе в своих бесконечных скитаниях по морям и океанам. И сколько было переговорено с Марией-Терезой во время долгих прогулок с ней по парку и садам, полным благоухающих цветов!

Сюффрен вынужден покинуть Бурригай раньше, чем ему хотелось бы. Вице-адмирал королевского флота, сановник Мальтийского ордена, он не может долго отсутствовать в Париже. Он вновь посетит Прованс лишь в будущем году. В последний раз.

Метаморфоза

Слава Сюффрена достигает апогея. Он национальный герой. На него устремлены взоры всей Европы. Все ждут, когда же Людовик XVI вручит ему маршальский жезл с королевскими лилиями, который он заслужил по праву. Втайне мечтает об этом и сам Сюффрен. Ведь звание маршала Франции до него получали и моряки, например граф Турвий, д'Эстре, сам де Кастри. Но Двор... отказывает ему в этом.

Еще слышны дифирамбы в адрес Сюффрена. Он еще получает подарки. С него пишут портреты. Однако все это лишь последние лучи заходящего солнца – лучи хоть и яркие, но лишённые тепла. Популярность вице-адмирала быстро угасает, сходит на нет. Энтузиазм сменяют охлаждение, затем безразличие и, наконец, забвение.

Причины столь резкой перемены недалеко искать. Это, разумеется, обычные непостоянство и ветреность общественного мнения. Еще в большей степени – корыстный расчет, неблагодарность придворной камарильи. Еще до прибытия Сюффрена из Индии, морской министр де Кастри старательно внушал Людовику XVI мысль, что просвещенной администрации не следует слишком баловать удачливых слуг короля, чтобы можно было ожидать от них дальнейших подвигов во славу Франции. Маршалов и так слишком много (сам де Кастри получил звание маршала лишь год назад). Сюффрену следует присвоить звание вице-адмирала, наградить орденом Сен-Мишеля, и этим ограничить возможные дальнейшие его претензии, внушаемые общественным мнением.

Но, по правде говоря, главная причина метаморфозы в том, что Сюффрен оказался плохим царедворцем. Он часто отсутствует во время утренних выходов короля – непростительное упущение в глазах Двора. В Фонтенебло, где король охотится, а королева убивает время в болтовне с приближенными дамами, в залах старинного замка, среди разодетой знати, вице-адмирал явно чувствует себя не в своей тарелке. Уже не тот у него возраст, чтобы менять привычки, приспосабливаться к новой обстановке. Независимый нрав, резкие и справедливые суждения, а также неистребимый провансальский акцент отторгают Сюффрена от остальной массы придворных. Суровый и критичный в своих отношениях с представителями знатных семейств, он тем самым наживает себе кучу врагов. Людовик XVI и члены королевской семьи пока обходятся с вице-адмиралом весьма дружелюбно, чего не скажешь о Дворе.

В довершение всего, Сюффрен встает на защиту своих друзей – казначея флота Сен-Жама и знатока артиллерии графа Ле Бегю. Первый обвинен в растрате, банкротстве. И Сюффрен пишет: «Двор задолжал казначею восемь миллионов». Что это, как не «камень в огород» некоторых влиятельных в области финансов персон? А Ле Бегю? Де Кастри недоволен графом за резкую критику реформ на флоте. Сюффрен спешит к морскому министру, пытается изменить его мнение.

«Мне так и не удалось умерить гнев месье маршала, - пишет он Мари-Терезе. – Я заявил ему: Вы собираетесь покарать графа Ле Бегю, шефа эскадры, чей блестящий послужной список должен был бы избавить его от подобной немилости. Огромный опыт в своем деле обязывал графа честно говорить о том, как реально обстоят дела с корабельной артиллерией. Излагая мысли о вооружении кораблей, он следовал своим убеждениям и принципам... Меня сокрушает мысль, что графу Ле Бегю затыкают рот, не дают говорить правду, не дают честно оценить предполагаемые перемены. Прежде чем ополчиться против него, подумал бы хорошенько...».

Такие смелые демарши! Такая прямота суждений, вопреки этикету, правилам и обычаю двора! Мог ли стерпеть это всемогущий морской министр? Подвергнуть опале героя сражений в Индии нельзя, но зато можно «задвинуть его в угол».

Удушливая атмосфера Версаля, царящие там нравы не по душе Сюффрену. Он бывает там редко, тогда лишь, когда вынуждают обязанности. А таковые все-таки есть. Великий магистр, справедливо гордясь славой Сюффрена, назначил его послом Мальтийского ордена при дворце Людовика XVI. И 6 марта 1786 года новый посол, в полной парадной форме Ордена, сопровождаемый свитой из бальи и «больших крестов», вручил верительные грамоты министру иностранных дел Шарлю Вергенну.

«Посольство, хлопотное и утомительное из-за множества связанных с этим мелких и надоедливых частностей, - делится Сюффрен впечатлениями с Марией-Терезой. – Во всем этом нет ничего серьезного, существенного...»

Круг обязанностей посла Ордена весьма узок. Но Сюффрену приходится лавировать в сфере частных интересов и личных амбиций, то и дело обращаться с ходатайствами в канцелярию Ватикана. Он обязан передавать Христианнейшему королю Франции охотничьих птиц, которых согласно давней традиции ему ежегодно присылает Великий магистр. Так, 19 марта 1786 года Сюффрен передает Людовику XVI шесть охотничьих соколов в присутствии графа Вудрея, главного сокольничего Франции.

Впрочем, посольские обязанности не слишком тяготят Сюффрена. Он часто бывает в театре. Дважды в неделю его карета останавливается перед дверями Новой Оперы. И в ложе № 4, соседней с ложей королевы, зрители видят на обычном месте отяжелевшего, убеленного сединами вице-адмирала, который, тем не менее, не упускает ни одной детали спектакля.

Сюффрен стал весьма говорлив. Он обожает рассказывать всяческие истории, «с сильным провансальским акцентом», как свидетельствует современник. Хорошая кухня, само собой, у него в особой чести. Великий знаток блюд и вин, Сюффрен никогда не скрывал своих слабостей. Десять лет назад, в ответ на упрек д'Эстена, что отправляясь к берегам Америки он прихватил с собой на «Фантаске» столько же кур, сколько ядер, Сюффрен отвечал со вздохом: «Что поделаешь, месье! Я люблю вкусно покушать».

В 1786 году прибыли в Париж послы Типу Султана. Типу, как и его отец, искал поддержки Франции в своей неравной борьбе с ангрезами, предлагал немалые деньги и территории за помощь Майсуру. Но Людовик XVI и министр иностранных дел Вергенн отклонили эту просьбу.

Не то Сюффрен. Полный воспоминаний об Индии, о Хайдаре Али, он принял в послых горячее участие, организовал в их честь прием, на котором были семьдесят персон, в том числе «тридцать красивых женщин». Военная музыка, костюмированный бал, тюрбаны, шелковые шарфы, танцы, фейерверк. В одном из помещений резиденции Сюффрена майсурцы долго разглядывали картинку, изображавшую сражение с Праи, личный подарок короля вице-адмиралу.

Сюффрен по-прежнему чувствует себя полным сил, жаждет вновь выйти в море, боится, что о нем забудут. Но именно к этому и идет дело. Маршал де Кастри не простил Сюффрену его критики и смелых высказываний. Весной 1786 года он не консультируется с вице-адмиралом по поводу реформы Морского устава.

«Морской устав увидит в конце концов свет, - пишет Сюффрен Марии-Терезе. – Но я не принимал в этом никакого участия».

В июне того же года Людовик XVI совершает поездку в Шербур, город на побережье Ламанша, где начаты работы по превращению его в военный порт, нацеленный на Англию.

«... Я не участвовал в этой поездке. Король отказал всем, и я не хотел быть в числе тех, кому отказано. Он взял с собой лишь ближайших советников и никого более».

Сюффрен, понятно, огорчен. Так хотелось увидеть работы, которыми интересуется вся Франция. Уже приступили к возведению дамбы по проекту архитектора Кассара, которым разработана методика строительства с помощью

деревянных кессонов. Их погружают в воду, а затем заполняют камнем, щебнем. Интересное новшество!

Позднее Сюффрен навестил-таки Шербур, чтобы взглянуть на знаменитые кессоны.

«Только что вернулся из Шербура, мой дорогой друг, - сообщает он Марии-Терезе. – Это была всего лишь частная поездка, однако парижские дурни тотчас же увязали ее со слухами о новой войне...»

Между тем, слухи о новой войне имеют под собой вполне реальную почву. В далеко идущих планах французского правительства, война в Америке 1775 – 1783 г.г. и кампания в Индии – лишь первый этап борьбы с Англией. По Версальскому мирному договору 1783 года Англия признала независимость и суверенитет Соединенных Штатов Америки. Ею утрачено первенство на морях и океанах. И теперь ничто не помешает нанести старому врагу смертельный удар, то есть высадить свои войска на английских берегах...

На этот раз сыр-бор разгорелся из-за внутренних распрей в Голландии. В сентябре 1787 года новый король Пруссии Фридрих-Вильгельм Второй, подстрекаемый Англией, силой восстанавливает в Гааге власть штатхудера Вильгельма Пятого, своего тестя. И это наперекор общественному мнению, правам и власти Генеральных Штатов Голландии, союзницы Франции!

Новые козни англичан! Монморэн, в ту пору министр иностранных дел и одновременно исполняющий обязанности морского министра Франции отдает приказ начинать в портах страны широкие военные приготовления... И тут вспоминают о Сюффрене. Министры могут сколько угодно пренебрегать советами Сюффрена, «отодвигать его в сторону», но едва горизонт начали заволакивать грозные тучи, взоры всех естественно обращаются к вице-адмиралу.

Сюффрен чувствует прилив новых сил. Он вновь полон жажды сражений, геройских подвигов. 22 сентября 1787 года он извещает своего старого друга графа Ле Бегю:

«Счастливые вести для Вас... Его Величество отдает мне командование своими эскадрами».

Большие буквы скачут по бумаге:

«Милый друг! Мы пребываем пока в неопределенности: то ли война, то ли мир. Один бог знает, когда все прояснится. Но в прошлое воскресенье я благодарил короля за назначение меня командующим всеми военно-морскими силами Франции. У меня хлопот по горло».

Сюффрен добивается права самому назначать капитанов, и получает такое право. В памяти вице-адмирала еще свежа история с де Тромелэном и Лаланделем. Он хочет быть уверенным в подчиненных ему офицерах. Старый воин жаждет вновь полной грудью вдохнуть соленый морской воздух. Ждет лишь сигнала, чтобы вновь сразиться с англичанами.

«Собираюсь на днях в Брест, - сообщает Сюффрен графу ле Ле Бегю. – Надеюсь увидеть в порту готовые к бою корабли и хорошо подготовленных Вами канониров...»

Увы! Все это не более чем мираж, который быстро рассеивается. Людовик XVI явно побаивается нового столкновения с Англией, думает лишь о сохранении за Францией выгод и преимуществ, вытекающих из Мирного договора 1783 года. Из-за этого, кстати, подал в отставку маршал де Кастри, сторонник более решительных мер. И все кончается тем, что король подписывает с Георгом Третьим Конвенцию о разоружении.

Для Сюффрена известие об этом – что гром среди ясного неба.

«Мой дорогой друг, - читаем мы в его письме Марии-Терезе от 1 ноября 1787 года. – Двадцать восьмого числа прошлого месяца Франция и Англия подписали Конвенцию о разоружении. Мир таким образом обеспечен... ценой гнусного предательства наших друзей голландцев, которые станут злейшими врагами Франции. А я, важная персона, на кого взирала вся Европа, отныне становлюсь рядовым парижским обывателем. Пожалуй, так оно и лучше для здоровья и расположения духа...»

Сюффрену, разумеется, вовсе не безразличны происходящие в Европе грозные события:

«Милый друг! На Балтике, в Черном море, повсюду идут сражения. Другие добывают себе честь и славу, а я вынужден прозябать в бездействии».

В этих строках боль, досада, горечь и уязвленная гордость – удел боевых генералов и адмиралов, оказавшихся за бортом событий. Впрочем, для Сюффрена не секрет, что Франция не может даже помышлять о новой войне. И он знает причину этой немощи: Франция тяжело больна!

«Ураган приближается, крепнет, набирает силу, - пишет он в Бурригай в мае 1788 года. – Раскаты грома все ближе, все сильней. Над Парижем дуют ветры мятежа...»

Букет лаванды

Душевной энергии Сюффрену и сейчас не занимать, чего не скажешь о его здоровье. Бездействие губительно для таких активных натур. Удрученный чувством одиночества, которое приходит со старостью, он непрестанно возвращается мыслями в прошлое. Сколько преодолено морских миль! Сколько совершено геройских дел! Вице-адмирал вновь будто наяву видит суматоху и волнение при уходе кораблей в плавание, слышит гром пушек во время сражений, ликование экипажей при возвращении домой из дальних странствий. Он с гордостью вспоминает о том, что было сделано, жалеет о том, что не удалось сделать

Сюффрена обуревают желание вновь посетить Бурригай. Он даже просит приготовить к его приезду пару лошадей для прогулок верхом (для него коня покрепче!) Но мешают болезни. Несмотря ни на что, верный данному слову, Сюффрен продолжает отправлять письма Марии-Терезе, дружбу с которой он пронес сквозь годы, штормы и сражения. У Марии-Терезы тоже плохо со здоровьем, и письма Сюффрена полны трогательной заботы.

«Давно уже не получал от тебя вестей, милый друг. Боюсь, что это не предвещает твоего скорого выздоровления... Вполне понимаю тебя, когда ты говоришь о старости. Ведь мы почти одногодки».

Последнее письмо Марии-Терезы заканчивается словами:

«Я медленно выздоравливаю после рожистого воспаления...»

7 декабря 1788 года Сюффрен, проведенный день в Версале в обществе мадам Виктуар, тетки короля, был доставлен в свою гостиницу «Шоссе-д-Антан» без сознания, весь в крови. Спешно вызванный личный врач вице-адмирала Альфонс Леруа вынужден констатировать агонию. Его пациент скончался следующим утром.

Скоропостижная смерть. Что послужило ее причиной? Мадам Виктуар, пораженная тем, как плохо выглядит Сюффрен, уговорила его воспользоваться

услугами ее врача. И тот не придумал ничего лучшего, как обильно пустить кровь. В конце XVIII века очищение желудка и пуск крови считались радикальнейшими средствами при лечении любых болезней. После надреза ланцетом, вероятно чрезмерно глубокого или неудачливого, Сюффрен потерял сознание. Его спешно отправили в карете домой.

Так на пятьдесят девятом году завершилась карьера одного из славнейших флотоводцев Франции. Сюффрен умер в своей постели – нелепо, как откармливаемый к Рождеству гусь, убитый «сгустком крови в сердце», согласно врачебному жаргону той поры. И могилу свою вице-адмирал нашел не в морской пучине, завернутым в парусину, с пушечным ядром у ног, под торопливо прочитанную молитву «Отче наш», а в церкви Санта-Мари дю Тампль, месте, где находят последнее успокоение рыцари Ордена, умершие в Париже.

Панихиду по покойному совершил его брат, епископ Систерона.

Казначей Ордена, который присутствовал при прощальной церемонии, получил согласно давней традиции шпагу усопшего, его белые перчатки и немного денег.

Смерть вице-адмирала прошла почти незамеченной.

Весной 1789 года церковь Санта-Мари дю Тампль посетила старая и больная Мария-Тереза. Она долго молилась у могилы Сюффрена и, уходя, оставила на надгробье букетик лаванды, как память о Провансе, который был так дорог сердцу вице-адмирала.

Сюффрену не сужден был вечный покой. Пять лет спустя, в дни Террора, в церковь ворвались санкюлоты. Церковь была ограблена, гробницы осквернены. Прах вице-адмирала – а он хорошо сохранился – был выброшен на свалку. Его боевые ордена и подаренная голландцами драгоценная шпага бесследно исчезли.

Среди участников этого гнусного дела, возможно, были и те, кто не так давно аплодировал герою Индийской кампании.

Увы! Нет ничего более эфемерного и непрочного, чем слава, к которой всю жизнь стремился Сюффрен.

Послесловие

В ходе Индийской кампании, этой захватывающей «дуэли» Сюффрена с Хьюзом, Сюффрену так и не удалось одержать над противником бесспорной, решительной победы. Разумеется, вины его в этом нет. В иных условиях он добился бы гораздо более впечатляющих результатов. В эскадре у него, как мы знаем, были старые тихоходные корабли, давно отслужившие свои сроки, которыми к тому же командовали некомпетентные капитаны. Мятежники, по сути дела, они, тем не менее, были надежно защищены связями при Дворе. И Сюффрен не решился наказывать их так, как они того заслуживали.

Приказы и инструкции из Версаля, которые Сюффрен получал с большим опозданием, были туманны, противоречивы. В них сквозило незнание реальной обстановки. Из-за неповоротливости морских властей, проволочек, безразличия, порой и открытого недоброжелательства с их стороны, командор постоянно испытывал нехватку в людях, снаряжении, провианта, деньгах.

Но несмотря ни на что, популярность Сюффрена была огромна. Причины недалеко искать: это его неумная энергия и беззаветная, редкостная отвага, его

доступность и мягкость в отношениях с простыми матросами, его «сочный» лексикон, понятный и близкий их сердцам, вечные его заботы о здоровье экипажей. Популярность эта сохранилась и до наших дней.

Но Сюффрену было присуще нечто большее, а именно доскональное знание всего того, что связано с морем, с морским делом, проникновение в самую суть морских войн. Он одним из первых понял, что главная цель любой войны – на суше или на море – это уничтожение сил противника. Он безошибочно определял на месте, как выгоднее всего построить свои корабли, какой тактики следует придерживаться, какие маневры наиболее целесообразны в данных условиях. И приняв решение, стремился претворить его в жизнь.

Наполеон Бонапарт говорил, что осуществлению его грандиозных планов в немалой степени помешало то, что на море во главе его эскадр были такие люди, как весьма посредственный Брюэ д'Эгайе и малодушный Вильнёв (оба эти адмирала были разгромлены Нельсоном в сражениях при Абукире и Трафальгаре).

«Всю жизнь пытался я найти способного флотоводца, но так и не нашел такового. В морском деле есть некая специфика, некая техничность, недоступные моему пониманию. Ах, почему Сюффрен не дождался меня! Я бы сделал его нашим Нельсоном, и дела бы приняли совсем иной оборот».

Этими словами великого корсиканца, которые были записаны его секретарем 1815 года на острове Святой Елены, мы и закончим рассказ о Пьере-Андре де Сюффрене.

А что стало с «Эро»? – спросит любознательный читатель.

Старый добрый «Эро» пережил своего хозяина и долго еще бороздил Средиземное море в составе эскадр Франции. Однако из Индии «Эро» вернулся таким усталым, таким израненным, его борта и пушечные люки были настолько разбиты вражескими ядрами, что инженеры, по правде говоря, не знали, что с ним делать. Но не отправлять же на слом знаменитый корабль. Это было бы оскорблением вице-адмиралу. И решено было полностью его перестроить. Обновленный, «Эро» мог еще сослужить полезную службу. А кроме того, с ним связано столько воспоминаний! Матросы в чудесной своей простоте искренне верили, что душа Сюффрена «обитает» на корабле и что в полночные часы призрак его, молчаливый и сосредоточенный, занимает привычное место на командном мостике.

Старый ценитель волн закончил свое существование столь же печально, нелепо, как и его хозяин. Когда Наполеон, совсем еще молодой генерал артиллерии, освобождал Тулон, сданный роялистами англичанам, последние покидали порт в такой спешке, что не смогли увести с собой всю захваченную ими французскую эскадру. И коммодор Сидней Смит предал огню остающиеся корабли, в их числе и «Эро».

«Эро» пылал как факел среди своих обреченных на гибель собратьев. Так и не удалось затушить огонь, который пожрал его до самых шпангоутов. Прочие корабли, поврежденные лишь частично, позднее удалось восстановить. Но не «Эро». На рассвете 14 декабря 1793 года от верного спутника Сюффрена не осталось ничего, кроме обугленного, дымящегося каркаса.

«Прая, Куддалур и Тринкомали отмщены!», - думали английские моряки на эскадре адмирала Хьюза.

*Отрывок из поэмы «Мирэй»
Фредерика Мистрала /1830 – 1914 г.г./
(Вольный перевод)*

Песнь о Сюффрене

Бальи Сюффрен,
Что командует на море,
В порту Тулона дает сигнал...

Мы, пятьсот провансальцев,
Уходим из Тулона.

Все мы полны желания
Побить англичан,
И не вернемся в свои дома,
Пока не разгромим их.

Но в первый месяц,
Что плаваем в море –
Не видим никого.
Лишь чайки сотнями
Реют над нами.
Во второй месяц
Что плаваем в море,
Нас треплют штормы,
Причинив немало бед.

И днем и ночью
С борта корабля
Мы с надеждой вглядываемся
В морскую даль.

На третий месяц
Нас охватывает ярость:
Не видно тех, кого
Мы хотели бы смести
Огнем наших пушек.

Но вот кричит Сюффрен:
- Эй, ребята на марсе! Что там?
И тут марсовый,

Что скорчась сидит
На своем насесте,
Протягивает руку
В сторону арабского берега:
- Три корабля англичан
Идут навстречу!

- К бою, дети мои!
Вскричал великий моряк.
- Открыть пушечные люки!
Для начала угостим их
Нашим антибским инжиром!
Подкинем его им
Добрую корзину!

Едва Сюффрен
Вымолвил эти слова,
Как не стало видно ничего,
Кроме пламени...

Сорок пушек грохочут,
Пробивая ядрами борта
Кораблей короля Англии...

И вот уже на палубе
Одного из них –
Ни единой живой души...
И не слышать ничего,
Кроме рева пушек,
Треска дерева
И грохота морских волн.

Мы громим англичан.
Бальи Сюффрен
Недвижим на мостике,
Бледный, неустрашимый.

- Эй, дети мои!
Прекратить огонь! – командует
он. – А теперь, угостим-ка их
нашим луком,
Приправленным маслом из
Экса!

И едва вымолвил он эти слова,
Как экипаж расхватал
Алебарды, боевые топоры,
И с дружным кличем
«На абордаж!» Мы,
Отважные провансальцы,
Мигом попрыгали
На борт англичан.
И началась великая резня.
О, какие удары! Какой бой!
С грохотом рушатся мачты.
Под ногами у нас
Проваливаются палубы.

Не один англичанин
Падает в море, тонет.
И не один провансалец,
Сжав в объятиях англичанина,
Гибнет вместе с ним
В морской пучине.

Мы бьемся по колени в крови
С двух часов до ночи,
Пока не смолкли пушки
И пушечный дым
Не перестал есть глаза...

Наши потери – сто человек.
Но пущены ко дну
Три корабля короля Англии!

Когда же мы вернулись
В наш славный Прованс –
С пробитыми бортами,
Сломанными реями и
Парусами в лохмотьях,
Весьма довольный,
Молвил Сюффрен:
- Спасибо, ребята!
Я расскажу о вас
Королю в Париже!

- О, наш адмирал! – отвечали
мы.
- Лестны твои слова.
Король ждет тебя.
Но что ему до нас,
Бедных матросов?

Мы уходим в море
Чтоб защитить свои дома.
И ты знаешь о том,
что у нас нет хлеба!

Но когда ты будешь там –
Далеко, высоко,
И когда они будут
Приветствовать тебя –
Знай, что никто
Не любит тебя так,
Как твои матросы!

И, наш славный Сюффрен,
Будь на то наша воля,
То перед тем, как разойтись
По деревьям,
Мы бы отнесли
Тебя к королю
На своих плечах...

Бальи Сюффрен отправился в
Париж.
И, говорят, что гранды
Той стороны
Завидовали его славе.

И никогда уже более
Не видели Сюффрена
Его старые матросы...

